

Вуп. 1435

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ IV. — ТЕТРАДЬ IV, 3

ПИСЬМА И СТАТЬИ

М. ПОГОДИНА.

О

ПОЛИТИКЪ РОССИИ,

ВЪ ОТНОШЕНІИ СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

И

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Lettres et Mémoires sur la politique de la Russie vis à vis des peuples slaves
et de l'Europe occidentale par M. Pogodine.

111

LEIPZIG,

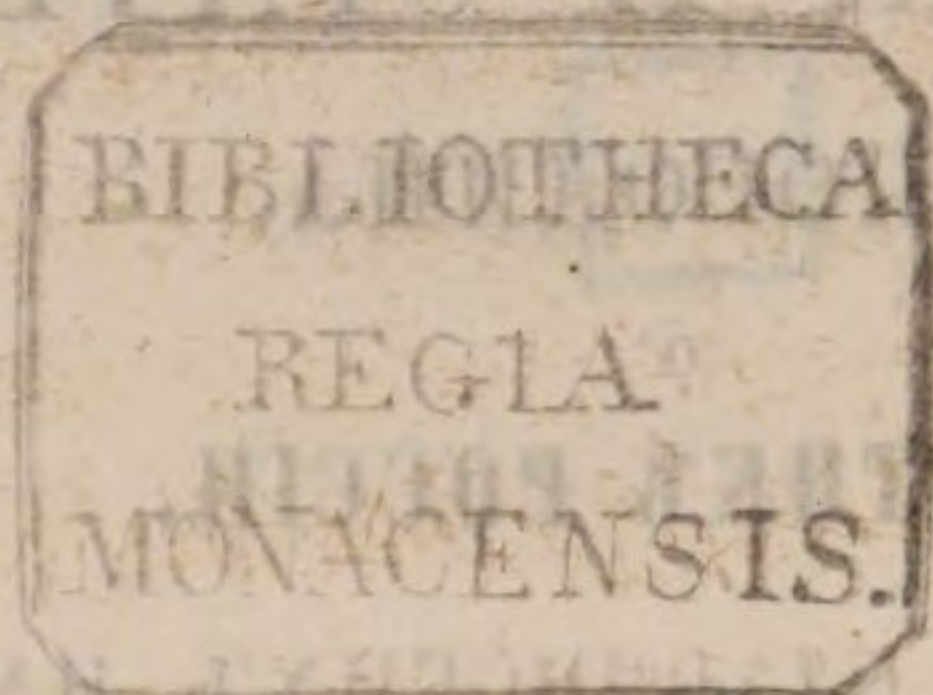
A. Franck'sche Verlags-Buchhandlung.

(Herold & Lindner).

1861.

Librairie A. Franck, 67, rue de Richelieu, Paris.

UNIVERSITÄT ZÜRICH

A. Frank'sche Verlagsbuchhandlung

1861

Verlag A. Frank'sche Verlagsbuchhandlung

XV.

О Русской политикѣ на будущее время.

Въ чемъ должна состоять наша политика? Если о настоящемъ, ближайшемъ времени, т. е. какъ поступать должно теперь, частному человѣку судить бываетъ иногда мудрено: ибо, не зная всѣхъ обстоятельствъ, тайныхъ сношеній, намѣреній и цѣлей, извѣстныхъ только вверху, легко впасть въ ошибки, или по крайней мѣрѣ, попасть въ пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее, — то прошедшее, положительное, не подверженное случайностямъ, основанное на сущности вещей, открыто для всѣхъ, и по всѣмъ правамъ науки, можетъ и должно быть предметомъ ея безпристрастнаго разсужденія. Точно то же должно сказать и о будущемъ, поколику оно происходитъ отъ прошедшаго, чрезъ настоящее, котораго, слѣдовательно, кромѣ его случайностей, также обойти нельзя.

Какими же правилами должна руководствоваться Русская политика вообще?

Правилами, пока, Петра и Екатерины: во всѣхъ отношеніяхъ, войнахъ и переговорахъ, имѣть въ виду пользу Россіи, принимать пока участіе только въ тѣхъ

Европейскихъ дѣлахъ, кои непосредственно до нея касаются, и не мѣшаться ни въ какія прочія.

Разсмотрите всѣ дѣянія Петра и Екатерины, и вы увидите, что они принимали участіе въ сосѣднихъ дѣлахъ только по отношенію ихъ къ Россіи, шагу не ступали ненужнаго для Россіи.

Петръ воевалъ со Швеціей, чтобъ имѣть мѣсто на Балтійскомъ морѣ: договоры и союзы его съ Даніей и Польшей устремлены были къ этой же цѣли.

Средоточіемъ дѣйствій Екатерины было намѣреніе возвратить отъ Польши ея старыя завоеванія, для чего и вступала она въ союзъ по временамъ съ Австріей и Пруссіей.

Начавъ, впрочемъ по неволѣ, войну съ Турціей, она воспользовалась случаемъ распространить свои владѣнія, и т. д.

О потребностяхъ, правахъ и обязанностяхъ, желаніяхъ и отвращеніяхъ другаго народа, судить всегда бываетъ мудрено, когда и свой для многихъ часто остается загадкою. Недостаетъ времени для настоящей заботы и о собственномъ государствѣ — гдѣ же тутъ думать о чужихъ! Мѣшаться въ чужія дѣла, по своему усмотрѣнію, рѣдко допустить можно. При томъ такое вмѣшательство подвергается всегда многимъ ограниченіямъ, условіямъ, исключеніямъ, весьма неблагоприятнымъ. Франція съ 1789 года, перемѣнила девяносто девять конституцій и образъ правленія — мы не мѣшались въ ея перемѣны, да и никто! Отъ того, что она сильна и не оставитъ безъ наказанія никакого вмѣшательства! Испаніи также мы не трогаемъ,

— а въ несчастную Италію готовы были двинуться войска, когда она начала шевелиться противъ неснаго владычества Австрійскаго! Мы хотимъ, чтобъ она страдала, стѣснялась во всѣхъ своихъ движеніяхъ, пребывала въ невѣжествѣ и нищетѣ, владѣя благословеннѣйшею частію Европы. Гдѣ же тутъ справедливость?

Противоположныя правила наказывались и наказываются въ наше время самымъ жестокииъ образомъ.

Павелъ, въ пылу своего великодушія, вознамѣрился сдѣлаться опекуномъ Европы, и Австрійцы, предавъ побѣдоносное войско Суворова, доказали ему свою благодарность и вмѣстѣ мечтательность его политики.

Съ такою же наградою старался Александръ помогать Пруссіи и Австріи, кои все-таки принуждены были идти на него съ Наполеономъ.

Въ 1813 и 1814 годахъ, Россія спасла всю Европу, а въ награду, по непостижимой слѣпотѣ нашихъ дипломатовъ, получила себѣ только болѣзнь — Польшу; другую болѣзнь привила себѣ по доброй волѣ: это священный союзъ, который въ наше время получилъ такую комическую развязку. Политика великодушія и безкорыстія, избранная И. Александромъ, и заботы объ Европейскомъ порядкѣ, благодѣтельныя и спасительныя можетъ-быть для Европы, явили свой горькій плодъ для Россіи въ настоящей войнѣ Турецкой, какъ то объяснилъ я въ пятомъ письмѣ своемъ. Австрія, знаменитый членъ священнаго союза, позабывъ объ немъ точно какъ и о недавнемъ своемъ спасеніи, перешла торжественно на сторону запада, и повредила Россіи больше всѣхъ. А если бъ вмѣсто Австріи Россія,

въ 1814 году заключила договоръ, устроила, связь съ побѣжденнымъ Наполеономъ, или хоть съ стѣсненною Франціею? Но что прошло, того не воротить!

Мы находимся теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи, и не можемъ уже пока думать ни о какихъ распространеніяхъ! Дай Богъ только оборониться отъ враговъ! Рѣшеніе дѣла принадлежитъ оружію болѣе, чѣмъ политикѣ, хоть и политика могла бъ еще сдѣлать многое, только, разумѣется, не въ Вѣнѣ.

Почему бы не послать торжественное позольство въ Америку, съ какимъ-нибудь громкимъ именемъ, Княземъ или Графомъ, засвидѣтельствовать Штатамъ благодарность Россіи за то доброжелательное участіе, какое они ей показали въ настоящей войнѣ?

Если нѣтъ возможности заключить Россіи съ Штатами такой союзъ, какой заключила съ Франціею Англія, то одинъ обмѣнъ учтивостей заставилъ бы задуматься западныя государства. Посолъ, разумѣется умный, могъ бы собрать свѣденія о кораблестроеніи, а можно бы кажется и заказать, хотя бы съ лишечками, корабликъ — другой! Учрежденіе прямаго торговаго сообщенія Россіи съ Америкой также не очень вкусно показалось бы Англичанамъ. Экспедиціи въ Индію, хоть только на бумагѣ, въ статьяхъ, письмахъ, проэктахъ, можно приписать къ побудительнымъ средствамъ честнаго мира. Въ нашемъ стѣсненномъ положеніи нельзя пренебрегать и подобными средствами.

А можетъ все и перемѣниться въ одну минуту. Таковы судьбы войны. Была, на примѣръ, кажется воз-

возможность въ Маѣ мѣсяцѣ разбить три Турецкіе корпуса, стоявшіе порознь, Омера-Пашу въ Варнѣ, Мустафу въ Силистріи, Измаила въ Калафатѣ, поднять Болгарію и Сербію, и порѣшить всѣ дѣла до прибытія западныхъ союзниковъ. Такъ и теперь, разбей Меншиковъ высадку, размечи буря Черноморскую непріятельскую эскадру, подбери нашъ флотъ поврежденные корабли, плѣни Горчаковъ Омеръ-Пашу, сожги Нахимовъ остальные корабли въ гаваняхъ, поднимись все Славянское народонеселеніе, не откроется ли возможность тогда пугнуть и Константинополь, занять Дарданеллы?

Тогда, тогда мы потребуемъ отъ западныхъ державъ тѣхъ гарантій, коихъ онѣ требуютъ теперь у насъ. Мы скажемъ имъ: вы требовали у насъ залоговъ, что бъ мы не нападали на Турцію; дайте намъ залогов, что вы впередъ не будете нападать на насъ. Дайте намъ Дарданеллы и Зундъ!

Вотъ, на будущее время, цѣли внѣшней нашей политики, указанныя намъ теперь самими врагами, цѣли, коимъ посвящается это мое письмо.

Зундъ! Это не такъ странно и невозможно, какъ съ перваго взгляда кажется, хоть мы и отвыкли, подъ ферулою Нѣмецкой политики, отъ всѣхъ смѣлыхъ идей, Петровскихъ и Екатерининскихъ, въ личинѣ дешеваго и безопаснаго великодушія.

Зунда можемъ мы желать, искать и надѣяться даже безъ случайностей нынѣшней войны, даже не какъ награду побѣды и условіе мира. Зундъ можемъ мы получить даже и не такъ, какъ Англичане получили

Гибралтаръ, хотъ и для того всегда мы имѣемъ всѣ средства.

Думали же Шведскіе, Польскіе Короли о Сѣверной Монархіи за двѣсти лѣтъ до нашего времени, были близки къ ней, имѣя въ пятьдесятъ разъ менѣе силы, чѣмъ теперь Россія. *)

Но замысламъ Польши и Швеціи прошло двѣсти лѣтъ, теперь обстоятельство перемѣнились, и ничего подобнаго произойти не можетъ.

Не можетъ — при посредственностяхъ и ограниченностяхъ, при этихъ мелкихъ торгашахъ и продажныхъ душенкахъ, которыми полны кабинеты Европейскіе. А явился нынѣ какой нибудь Наполеонъ хотъ герцогомъ Мекленбургскимъ, и онъ будетъ завтра Императоромъ Нѣмецкимъ, и угрозить Франціи, и возвыситъ голосъ предъ Россіей, и ударитъ Англію, и заставитъ слушаться Италію, Испанію, Голландію, и всю Европу!

Прошло двѣсти лѣтъ — новое время должно дать только новую форму старой идеѣ, а форму эту и должна найти высшая политика.

Англійскій флотъ сжегъ Копенгагенъ, Англійскій флотъ хозяйничаетъ теперь въ Датскихъ гаваняхъ, располагается зимовать, и въ нужномъ случаѣ ни какъ не отказывается повторить благодѣтельныя явленія 1806 года. Что же? Неужели Данія съ удовольствіемъ угощаетъ у себя незваныхъ гостей?

Угрозы Атлійскія и Французскія Швеціи неужели

*) См. мои Историко-Критическіе отрывки 1846. г.

производятъ въ ней пріятнѣйшее ощущеніе, чѣмъ въ Даніи?

А Пруссія, открытая со всѣми берегами своими нападеніямъ союзнаго флота и не имѣющая никакихъ средствъ отразить высадку, вѣроятно смотритъ на плаваніе сотни кораблей по Балтійскому морю не совсѣмъ съ спокойнымъ сердцемъ, и Пруссій Цольферейнъ не питаетъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ Англійской промышленности, къ Манчестеру и Бирмингаму; гораздо болѣе къ выгодному транзиту.

И такъ весь амфитеатръ Балтійскаго моря раздѣляетъ почти одинакія чувства, каждое государство по своимъ собственнымъ причинамъ — соедините эти чувства, вотъ дѣло высшей политики, соедините всѣ ихъ силы, устройте сѣверный союзъ, какъ Екатерина устраивала вооруженный нейтралитетъ. Выгода такого союза для cadaго изъ названныхъ государствъ, стоящихъ теперь между двухъ огней, очевидна. Подъ защитою и покровительствомъ Россіи, приносящей имъ всѣ свои силы, онѣ могутъ спокойно жить и дѣлать свое дѣланіе. Естественнаго первенства Россіи въ Балтійскомъ или Сѣверномъ союзѣ никто изъ нихъ оспорить не можетъ, и если противъ одного Русскаго флота теперь съ трудомъ могутъ предпринимать что нибудь Французы и Англичане вмѣстѣ, то что же могутъ они сдѣлать, если всѣ Балтійскія силы соединятся, Шведскія, Датскія, Русскія и Прусскія, займутъ Зундъ и Бельты, и если во всякой гавани будетъ для гостей приготовлена не нынѣшняя почетная встрѣча.

Дайте гарантіи Швеціи, Даніи, Пруссіи, предоставьте

имъ торговыя преимущества, употребите, если понадобятся, въ благопріятное время угрозы, — какъ поступалъ Наполеонъ, — заставьте ихъ понять свои выгоды, если на кого изъ нихъ найдетъ затмѣніе, — и тогда посмотримъ, что могутъ сдѣлать съ нами западные союзники.

Россія въ этомъ Сѣверномъ или Балтійскомъ союзѣ должна занимать по естеству вещей первое мѣсто.

Вотъ вамъ одна форма сѣверныхъ отношеній, соответствующая выгодамъ всѣхъ государствъ, а вотъ и другая.

Русскій Государь есть законный наслѣдникъ, есть единственный старшій представитель династій Датской и Шведской, изгнанной, уступившей свое мѣсто Французскому маршалу Бернадоту.

Почему же, въ нужномъ случаѣ, нашему Голштинскому Герцогу не предъявить свои династическія права, и не предоставить, на примѣръ, республиканское управленіе Даніи и Швеціи, оставляя себѣ одно Королевское титуло. Неужели Данія и Швеція нерады будутъ получить себѣ даромъ въ услуженіе всѣ силы Россіи для своей безопасности, воспользоваться ея могуществомъ для своихъ дѣйствій по всѣмъ морямъ, не тратить ничего на содержаніе своихъ дворовъ, и управляться по собственному своему усмотрѣнію. Что онѣ потеряютъ при такомъ распорядкѣ и сколько выиграютъ?

Пруссія должна будетъ тогда и по неволѣ присоединиться къ Россіи, какъ въ первомъ проэктѣ къ Сѣверному союзу.

Дарданеллы и Зундъ! Враги наши своими требо-

веніями указываютъ теперь сами на эти необходимыя для насъ гарантіи, въ случаѣ нашего успѣха, а умнѣйшіе изъ нихъ почували еще прежде нашего необходимость этихъ двухъ точекъ для Россіи. Прежде нежели кто-нибудь осмѣлился думать у насъ о Дарданеллахъ, еще менѣе о Зундѣ, Тьеръ, въ своей исторіи Консульства и Имперіи, сказалъ, что Европа простись съ своею свободою, если когда-нибудь Россія получитъ въ свою власть эти два пролива.

Онъ ошибается. Напрасно боится Тьеръ. Сыпь Запада, онъ не можетъ представить себѣ иначе крѣпости, какъ точкою нападенья. Для Русскаго онъ пужны только, какъ точки обороны. Западные писатели судятъ по себѣ о восточныхъ дѣлахъ. На западѣ всѣ учрежденія, какъ замѣтилъ самъ Ламене, основаны на предполагаемой оппозиціи. Нашъ востокъ они считаютъ такимъ же западомъ, составляютъ сами. Вотъ капитальная ошибка, съ которою смѣшиваются всѣ понятія, и которую мои соотечественники, особенно политики и дипломаты, раздѣляютъ отъ души съ своими братьями Запада. Западъ есть Западъ, и Востокъ есть Востокъ, Западъ не можетъ быть Востокомъ, какъ Востокъ не можетъ быть Западомъ. Россія есть государство распространяющееся, а не завоевательное, чего не понимаютъ ни враги наши, ни друзья, ни мы сами, вмѣняя это себѣ даже въ стыдъ — такъ велико наше невѣжество историческое и политическое.

Вотъ вамъ объясненіе, почему большая часть войнъ Русскихъ, если не всѣ, начиналась съ обороны, а не съ наступленія, и Русскій мужикъ, который, провожаемый

женою и дѣтьми, съ воємъ и плачемъ вступаетъ въ рекрутское присутствіе, хотъ на другой день, съ забритымъ лбомъ дѣлается лучшимъ солдатомъ въ мірѣ, есть вѣрный представитель Русскаго государства.

Слѣдовательно — Европа не должна бояться Русскихъ завоеваній, имѣя впрочемъ всегда для нихъ отпоръ, вопреки боязливому Тьеру. Франція, Испанія, Италія, Англія, Голландія и Юго-Занадная Германія, на одной сторонѣ, а на другой Россія съ силами Балтійскаго союза на сѣверѣ, то-есть Швеціею, Даніею и Пруссіею, или Сѣвѣрною Германіею, и съ силами Дунайскаго союза на Югѣ, то есть со славянскими государствами, Венгріей, Молдавіей, Валахіей и Греціей, (смотри письмо 7.), — вотъ настоящее равновѣсіе, вотъ Западъ и Востокъ лицомъ къ лицу, съ соразмѣрнымъ раздѣленіемъ силъ, — но зачѣмъ, повторяю, предполагать брань? Не пора ли жить въ мирѣ Востоку и Западу, Сѣверу и Югу? Не пора ли человѣчеству думать о мирѣ, а не о войнѣ, и употреблять, собирать свои силы, не для того, чтобъ грозить другъ другу, а содѣйствовать для общаго преуспѣянія, для достиженія цѣли, предназначенной ему Всѣблагимъ Творцемъ. Стыдъ и срамъ, что проживъ семь тысячъ лѣтъ, достигнувъ по всѣмъ отраслямъ знаній такой высокой степени совершенства, оно не умѣетъ еще только управиться съ собою!

Россія, въ томъ положеніи, которое мы сейчасъ представили, должна быть главнымъ орудіемъ такого мира. Совершенно покойная, однимъ своимъ словомъ, мнѣніемъ или совѣтомъ, духовно, а не вещественно, она будетъ

значить тогда въ системѣ даже западной Европейской политики, гораздо больше, нежели теперь сотысячными своими арміями, — поддерживая слабого, защищая праваго, помогая бѣдному, покровительствуя обиженному, — внимая тому призванію, которое опредѣлилъ ей Богъ, какъ почувалъ поэтъ, въ одну изъ лучшихъ минутъ своего вдохновенія:

Тебѣ онъ далъ свое призванье,
 Тебѣ онъ славный далъ удѣлъ:
 Хранить для міра достоянье
 Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ:
 Хранить племенъ святое братство,
 Любви живительный сосудъ,
 И вѣры пламенной богатство,
 И правду, и безкровный судъ.
 О, вспомни свой удѣлъ высокій!
 Былое въ сердцѣ воскреси;
 И въ немъ сокрытаго глубоко
 Ты духа жизни допроси!
 Внимай ему: и всѣ народы
 Обнявъ любовію своей,
 Скажи имъ таинства свободы:
 Сіянье вѣры имъ пролей! . . .
 И станешь въ славѣ ты чудесной
 Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
 Какъ этотъ синій сводъ небесный,
 Прозрачный Вышняго покровъ.

Все это такъ, скажутъ мнѣ въ отвѣтъ. Ваша поэзія, природа вашихъ свойствъ, ваша исторія, ваша естественная политика, не позволяютъ намъ бояться нападеній съ вашей стороны, — однако же Елизавета принимала рѣшительное участіе въ семилѣтней войнѣ, Павелъ присылалъ войско завоевать Италію для Австріи, Александръ управлялъ всѣми дѣйствіями Европы по своему усмотрѣ-

нію, и удерживалъ ея движеніе. Николай уничтожилъ Венгрію, не позволилъ Австріи биться съ Пруссіей, удержалъ Голштинію за Даніей?

Это были наши ошибки.

Но кто же поручится, скажутъ въ продолженіе возраженій, чтобъ иной Государь, владѣя Зундомъ и Дарданеллами, безъ вѣдома вашего, не справясь съ исторіей, вопреки народному характеру, не рѣшился въ одно прекрасное утро на какую-нибудь ошибку еще покрѣпче предыдущихъ, которая можетъ быть пагубною для того или для другаго Европейскаго государства или для всѣхъ вообще. Можемъ ли мы допустить это, и въ чемъ состоятъ ваши гарантіи?

На этотъ вопросъ я ничего сказать не могу, развѣ только то, что объ такихъ Европейскихъ гарантіяхъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можетъ и даже должна заботиться высшая политика, благородная, человѣколюбивая, справедливая, политика настоящаго прогресса. Такія гарантіи могутъ быть предметомъ общихъ совѣщаній всѣхъ государствъ, даже въ мирное время не обнажая меча, — совѣщаній на законахъ права, науки и взаимныхъ ихъ отношеній, естественныхъ и историческихъ Совѣтъ Европейскихъ амфиктіоновъ, о которыхъ былъ намекъ въ моихъ историческихъ афоризмахъ (1836). Эти гарантіи не будутъ, разумѣется, имѣть ничего общаго ни съ разрушеннымъ Севастополемъ, ни съ прострѣленнымъ Кронштадомъ, о чемъ такъ хлопчутъ теперь враги. Условія, въ коихъ нѣтъ человѣческаго смысла, скажу кстати, и о коихъ могли разговаривать только такія ми-

нистерства, какъ нынѣшнія: ибо, съ одной стороны, потребуя Севастополя для обезпеченія Турціи, вы съ одинаковымъ правомъ можете требовать Свеаборга для обезпеченія Швеціи, Динабурга для обезпеченія Пруссіи, и Бреста для обезпеченія Австріи. Когда же кому дѣланы были подобныя требованія, а съ другой стороны, — если бы Россія уступила теперь, предполагаю невозможное, ту или другую крѣпость, то кто же остановитъ её впредь къ нападеніямъ и завоеваніямъ въ другихъ странахъ, если когда-нибудь ей то заблагоразсудится. Съ 70 милліонами жителей трудно ли ей всегда идти на Швецію, имѣющую три милліона, Пруссію, имѣющую 15, Австрію, имѣющую 35, изъ коихъ 20 составляютъ самое преданное Россіи населеніе? Кто же остановитъ Россію — кромѣ собственныхъ дипломатовъ, если родъ ихъ не переведется. Слѣдовательно дерзость предложеній равняется только ихъ нелѣпости.

А другихъ предложеній, для себя нужныхъ, западные министры найти не умѣютъ. Они не могутъ возвыситься надъ мелкими матеріальными, завтрешними выгодами, и довольствуются старыми положительными апогегмами, не замѣчая ихъ негодности: не должно допускать это государство до такого-то усиленія, такой-то союзъ страшенъ, надо его раздѣлить, а здѣсь надо устроить *entente cordiale*, тамъ посѣять раздоръ и возбудить соперничество! Несчастные игроки играютъ въ ералашъ по копейкѣ, и бьются изъ всѣхъ своихъ силъ, напрягаютъ всѣ свои способности, чтобъ обыграть другъ друга дубля на два съ полтиной! У нихъ ли будете вы спраши-

вать благородства, человеколюбія, вниманія къ высшимъ потребностямъ человечества? Для высокаго полета нужны не восковыя крылья, какъ у этихъ бѣдныхъ Икаровъ!

Западные политики отжили свой вѣкъ, и наука поетъ уже имъ вѣчную память, а Евангеліе напоминаетъ: Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые!

Но возвратимся къ Русской политикѣ, какъ мы опредѣлили ее выше, касательно Европейскихъ отношеній.

Оставляя въ покоѣ Европу, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, мы должны обратить все свое вниманіе на Азію, которую упустили почти со всѣмъ изъ виду, хотя собственно она предназначена намъ по преимуществу, — Азію, куда хотятъ, также по какому-то чутью, хоть и не съ добрымъ намѣреніемъ, отбросить насъ наши враги! Что сдѣлали бы Англичане изъ нашихъ мѣстныхъ и прочихъ отношеній къ Азіи! Чего намъ искать въ Европѣ со стороны вещественныхъ выгодъ? Мнѣ приходитъ на память совѣтъ стараго Добрыни, дяди Владимірова и брата Малуши, ключницы Ольгиной. Увидѣвъ одно изъ побѣжденныхъ ими племенъ въ сапогахъ, онъ сказалъ своему племяннику: нѣтъ, эти не будутъ платить намъ дани; пойдемъ лучше искать дальше лапотниковъ. Этотъ совѣтъ, извѣстный намъ изъ древней лѣтописи, можетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, приложенъ быть и къ нынѣшней политикѣ. Европейцы ходятъ не только въ сапогахъ, но даже лакированныхъ, и отъ нихъ поживиться намъ нечѣмъ, да и не для чего, не на что!

Пусть живутъ себѣ Европейскіе народы какъ знаютъ, и распоряжаются въ своихъ земляхъ, какъ угодно, а намъ предлежитъ еще половина Азіи, Китай, Японія, Тибетъ, Бухара, Хива, Коканъ, Персія, если мы хотимъ, а можетъ быть и должны распространить свои владѣнія, для разнесенія по Азіи Европейскаго элемента, да возвысится Іафетъ надъ своими братьями.

Старые наши Цари, по своимъ обстоятельствамъ, имѣя слишкомъ много дѣла дома, около себя, не могли простираť своихъ видовъ на какія-нибудь отдаленныя владѣнія Азіи, не могли искать тамъ союзовъ и желать непосредственнаго участія въ ихъ дѣлахъ, но они принимали съ готовностію всякій ихъ вызовъ и поддерживали всѣ сношенія, сколько позволяли имъ обстоятельства. Съ другой стороны примѣчательно, что Азіатскія страны, даже самыя отдаленныя, искони обращались къ Москвѣ съ выраженіемъ своего усердія и готовности. Съ XV. столѣтія, съ основанія Русскаго государства въ настоящемъ смыслѣ этого слова, являются въ Москвѣ посольства изъ множайшихъ странъ Азіатскихъ, даже самыхъ дальнихъ. Назовемъ для примѣра Персидское (около 1474.), Чагатайское (1489), Грузинское (1492.), Шамаханское (1499.). Бабуръ, основатель Имперіи Великихъ Моголовъ, прислалъ посольство 1533 къ Царю Василю Ивановичу. Цари Хивинскій и Бухарскій къ Грозному, по покореніи подъ его власть Астрахани около 1555, и проч. Не стану напоминать о Кавказскихъ многократныхъ сношеніяхъ этого рода. А Петръ? Петръ думалъ и объ Индіи, и о Китаѣ, и о Персіи, и объ островѣ Мадагаскарѣ. Не-

давно еще найденъ его указъ брать мальчиковъ для обученія Японскому языку!

Проложите дороги въ Азію, или отыщите старыя, устройте сообщенія, хоть по слѣдамъ, указаннымъ Александромъ Македонскимъ и Наполеономъ, заведите караваны, опояшьте желѣзными дорогами Азіатскую Россію, пошлите пароходы по всѣмъ рѣкамъ и озерамъ, соедините ее съ Европейскою, (ибо владѣя желѣзными рудниками по всему пространству, имѣя свободныя руки, — не можетъ же быть, чтобъ онѣ обошлись намъ дороже выписываемыхъ изъ Англіи и Белгіи), повезите Европейскіе товары, хотя транзитомъ, въ Азію, привезите Азіатскіе товары для себя и для Европейцевъ, изъ самыхъ богатѣйшихъ странъ, какъ Китай и Японія, и вы умножите довольство и обиліе по всему земному шару

Азія, Европа, вліяніе на весь міръ! Какая великолѣпная будущность для Россіи! А что здѣсь невозможнаго?

Странное дѣло! Никакъ, никогда, не могу я остановиться на этихъ мысляхъ о силѣ, могуществѣ, богатствѣ, славѣ. Какія бы блестящія картины ни представляло мнѣ воображеніе, не могу я долго любоваться ими, и тотчасъ опускается предъ глазами моими завѣса, ихъ скрывающая. Начну я за здравье, и сведу всегда какъ будто за упокой, отвлекая свой мысленный взоръ отъ дальняго горизонта къ настоящей минутѣ!

Не сила, не могущество, не богатство, не слава, не Европа, не Азія, не золото и серебро, не камни самоцвѣтные, намъ нужны, дороги и важны! Нужны, дороги и

важны сами мы себѣ, наше развитіе, наше усовершенствованіе, въ страхѣ Божіемъ, на поприщѣ нравственности, наукъ, искусствъ, управленія, общежитія, воздѣланіе тѣхъ десяти талантовъ, коими въ такомъ обилии надѣлилъ насъ Богъ, и съ коихъ потребуется лихва. Мы не только не печемся объ нихъ, не только зарываемъ ихъ, но расточаемъ, умышленно губимъ и уничтожаемъ, святыя дары считаемъ опасными, — все подъ вліяніемъ внѣшней политики, о чемъ я представлю свои мысли въ слѣдующемъ, авось послѣднемъ письмѣ, чтобъ раздѣлаться наконецъ съ этимъ несчастнымъ вопросомъ, который совершенно случайно отвлекъ меня отъ моей Исторіи, воспламенилъ мое воображеніе; а по томъ цѣлый годъ давилъ по ночамъ, какъ домовой, и мерещился въ глазахъ безпрестанно по днямъ, какъ противное привидѣніе, такъ что я началъ уже бояться, чтобъ не сойти съ ума!

XVI.

О вліяніи виѣшней политики на внутреннюю.

(1854. Октября 18.)

Ни милліоны войска, которые впродолженіе сорока лѣтъ собирались на службу — не Россіи, а мнимому Европейскому порядку и Европейской политикѣ, ни милліарды денегъ, употребленныхъ на ихъ содержаніе, ни потеря лучшихъ вещественныхъ и духовныхъ силъ, вынимавшихся насильно изъ внутренняго кругообращенія, не причиняли намъ столько вреда, какъ нравственное вліяніе виѣшней нашей политики на внутреннюю, и управленіе Россіи по западнымъ явленіямъ.

Вниманіе наше обращалось исключительно на западъ, и все дѣлалось, или лучше, передѣлывалось у насъ по его образцу, все измѣрялось его мѣрою, все обсуждалось по его кодексу, все цѣнилось по его таксѣ, все зависѣло отъ Европейскихъ воззрѣній, все подчинялось Европейскимъ отношеніямъ.

Нечего говорить, что послѣдній бродяга Европейскій, не только министръ, журналистъ, значилъ у насъ больше всякаго высшаго ума отечественнаго, и съ мнѣніемъ его не смѣлъ входить въ состязаніе самый отличный Русскій талантъ. Какъ принять былъ Кюстинъ,

возблагодарившій достойно за оказанныя ему почести? — Русскіе ордена, розданные Австрійскимъ подлецамъ, обратились въ пословицу въ Австріи и Германіи. Прусскихъ вахмистровъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ съ какимъ то поздравленіемъ, угощали чуть не за гофмаршальскимъ столомъ. Недавно Гизо написалъ, говорятъ, какое-то письмо къ княгинѣ Ливенъ, которое произвело большое впечатлѣніе! Даже во время войны всякое иностранное мнѣніе важнѣе для насъ домашняго, и предъ пустозвонными словами иностранца, мы готовы всегда преклонить главу, а своихъ слушать не хотимъ, самыхъ дѣльныхъ, самыхъ вѣрныхъ и благонамѣренныхъ!

Вліяніе внѣшней политики на внутреннюю, на управленіе, было непосредственное и посредственное, прямое и косвенное.

Непосредственное и прямое: для сохраненія въ Европѣ законнаго, такъ называемаго порядка, для устрашенія противной партіи, для поддержанія нашихъ предначертаній, мы должны были держать всегда на готовѣ милліонъ войска.

Милліонъ войска дѣлалъ необходимымъ безпрестанные рекрутскіе наборы, коими истощалось настоящее народонаселеніе, замедлялось естественное размноженіе, и самыя лучшія, крѣпкія силы обращались на бесплодное дѣло. Сколько народа народилось бы въ Россіи въ продолженіе сорока лѣтъ, если бы хоть половина рекрутовъ осталась среди своихъ семействъ.

Умалчиваемъ о домашнемъ разстройствѣ и порчѣ нравственности въ разлученныхъ супругахъ, объ уменьшеніи общаго благосостоянія.

Содержаніе милліона войска поглощало большую половину государственныхъ доходовъ, коихъ потому не могло доставать на удовлетвореніе самыхъ крайнихъ нуждъ, на примѣръ:

1) На умноженіе жалованья низшимъ чиновникамъ, изъ которыхъ большая часть получаетъ до сихъ поръ едва изъ за хлѣба на квасъ, и съ голода должны прибѣгать ко взяткамъ и другимъ незаконнымъ средствамъ, входящимъ въ привычку, и искажившимъ совершенно нравственность средняго чиновнаго сословія.

2) На учрежденіе дорогъ и путей сообщенія, кои до сихъ поръ представляютъ вездѣ множество затрудненій, не смотря на нѣкоторыя заботы о нихъ въ послѣднее время, несоразмѣрныя съ возросшими внутренними потребностями и развитіемъ сосѣднихъ государствъ. Если желѣзныя дороги и не выгодны для Россіи, то онѣ необходимы, потому что раскинулись по всей Европѣ. О пользѣ ихъ толковать и спорить ужъ нечего, когда 70 тысячъ Французовъ и Англичанъ, вмѣстѣ съ Турками, гдѣ ни нападутъ на насъ, имѣющихъ полтора милліона войска, вездѣ встрѣчаютъ только триста Спартанцевъ, вездѣ берутъ надъ нами верхъ числомъ: подъ Калафатомъ и Ольтеницей, подъ Журжей и Силистріей, въ Крыму и за Кавказомъ. Если бъ у насъ были желѣзныя дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва ли бы и началась въ такомъ видѣ.

Не стану доказывать значеніе желѣзныхъ дорогъ при неурожаяхъ: кто помнитъ ужасы голодовъ 1843 и 1844 годовъ, не говоря о всегдашней страшной разности по мѣстамъ цѣнъ на хлѣбъ, и другія естественныя произве-

денія, тотъ можетъ прибавить отъ себя разумѣется множество доказательствъ о необходимости желѣзныхъ дорогъ для сокращенія нашихъ непроходимыхъ, неизмѣримыхъ пространствъ, затрудняющихъ всякое сообщеніе (первое условіе успѣха въ большихъ государствахъ).

3) На улучшеніе состоянія духовнаго сословія, имѣющаго ближайшее вліяніе на народъ. Коснѣя, не смотря на нѣкоторыя хорошія но недостаточныя мѣры, въ невѣжествѣ, или въ оковахъ схоластическаго ученія, привыкая съ малыхъ лѣтъ, подъ гнетомъ нужды и даже нищеты, къ жадности, завися вполнѣ съ одной стороны отъ начальства, съ другой отъ паствы, не получая почти никакого живаго понятія о своихъ обязанностяхъ, духовенство не столько распространяетъ образованіе и нравственность, сколько способствуетъ невѣжеству и расколамъ. Духовенство должно быть возвышено духомъ, обезпечено въ нуждахъ, научено какъ обходиться съ народомъ, очищено отъ педантической ржавчины, избавлено отъ Екатеринина мѣткаго свидѣтельства (у меня Платонъ, а рѣдкой рыгаетъ).

4) На распространеніе въ народѣ образованія, которое никогда не оказывалось столько нужнымъ, кромѣ высшей, священнѣйшей своей необходимости, какъ теперь: ибо на всякомъ мѣстѣ, самомъ ничтожномъ, образованію безпре- станно открываются случаи оказывать важныя услуги, приносить великую пользу. И на оборотъ, отсутствіе образованія никогда не было столь ощутительно, и вмѣстѣ столь чувствительно, какъ въ наше время: наши пушки не хватаютъ такъ далеко, какъ иностранныя, наши штуцера бьютъ на 200 шаговъ ближе французскихъ; бомби-

ческихъ пушекъ у насъ несравненно меньше; винтовыхъ пароходовъ не бывало; наши корабли оборачиваются медленнѣе, медиковъ не достаетъ нигдѣ; а наличные, поступающія на службу до окончанія курса, не могутъ дѣйствовать успѣшно; — и лечатъ не на животъ, а на смерть. Надъ многими нашими генералами смѣются сплошь иностранныя газеты, а собственные солдаты отзываются вотъ какъ: заборчикъ у насъ хорошъ, столбы-то плохи. Адресы, официальные извѣщенія, даже реляціи объ важнѣйшихъ событіяхъ, въ коихъ всякое слово заставляетъ биться сердце, пишутся большею частію безграмотно, непонятно, безтолково, и оставляютъ народъ въ недоумѣніи, вмѣсто того, чтобъ ободрять или утѣшать его. Исполненіе самыхъ простыхъ распоряженій встрѣчаетъ часто затрудненіе единственно вслѣдствіе недоумѣній и недоразумѣній невѣжества. Взгляните на наши дворянскіе выборы, прислушайтесь къ разговору нашихъ клубовъ, собраній, частныхъ обществъ. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, въ какомъ глубокомъ безчувственномъ невѣжествѣ мы погрязаемъ, не смотря на нѣкоторый наружный лоскъ и даже блескъ, и какія усилія должно было употреблять правительство для распространенія въ народѣ образованія.

Довольно указанія сихъ четырехъ необходимостей, кои правительство должно было или откладывать или удовлетворять самымъ недостаточнымъ образомъ за неимѣніемъ денегъ.

А что сказать о тѣхъ средствахъ, къ коимъ должно было прибѣгать оно для увеличенія своихъ доходовъ, ухившихся съ такимъ несчастнымъ успѣхомъ на содержаніе

войска? Укажу, для примѣра, въ этомъ отношеніи на винные откупа, или вообще на винную торговлю, которая развращаетъ народъ самымъ гнуснымъ образомъ, уничтожаетъ благосостояніе семействъ, портитъ нравственность, питаетъ невѣжество, зараждаетъ и распространяетъ тѣлесныя болѣзни, губитъ лучшія силы. Кабакомъ меньше, баталіономъ меньше, говаривалъ покойный министръ Канкринъ. Одной этой жертвы, которая приносилась войску въ продолженіе сорока лѣтъ, достаточно, чтобъ привести въ омерзеніе нашу западную политику въ глазахъ всякаго друга отечества.

Наконецъ вниманіе, устремленное исключительно на внѣшнія отношенія и на военную часть, оказывалось естественно недостаточнымъ для всѣхъ прочихъ частей управленія. Посвящая свои труды и заботы чужимъ дѣламъ, мы пренебрегли собственными и привели ихъ въ бѣдственное положеніе. Мы позабыли, что состояніе военное, есть исключительное, отрицательное, временное, что оно есть только необходимое пока зло, слѣдовательно и военная служба есть служба случайная. Мы потеряли изъ виду высшую цѣль благоустроеннаго гражданскаго общества. Современныя происшествія на западѣ, гдѣ войско оказалось дѣйствительно главною опорою порядка, якоремъ спасенія, утверждали насъ въ этомъ несчастномъ ослѣпленіи.

Перейдемъ къ посредственному и косвенному вліянію западной политики на внутреннія дѣла наши.

Непосредственное и прямое вліяніе, сейчасъ нами вкратцѣ обозрѣнное, все еще было не такъ пагубно, не

такъ убійственно для развитія высшихъ, благороднѣйшихъ силъ народа, для достиженія первѣйшей, священнѣйшей его цѣли, совершенствованія, какъ вліяніе посредственное и косвенное, о которомъ предлежитъ теперь рѣчь.

Смотря безпрестанно на западъ, мы и себя почли западомъ. Принимая къ сердцу разныя его несчастія, напирѣвъ французскую революцію, и слѣдовавшее за нею повсемѣстное потрясеніе законнаго порядка, мы испугались и почли себя обязанными, среди неусыпныхъ попеченій о благѣ подданныхъ, принимать дѣятельныя мѣры, чтобъ и у насъ этотъ законный порядокъ не былъ потрясенъ, чтобъ и у насъ не произошло этой французской революціи.

Ошибиться на первый разъ было легко, даже естественно, потому, что Русское государство представляетъ въ своихъ формахъ много сходства съ западными, и Русскій человѣкъ сохраняетъ признаки близкаго родства съ прочими Европейцами; у насъ тѣже какъ будто сословія, тѣже какъ будто города, тѣже какъ будто страсти и побужденія; бѣдность Русская ничѣмъ не отличается отъ бѣдности Французской или Италіанской; зависть и ревность Русская отъ Англійской и Нѣмецкой; значеніе власти вездѣ, кажется, одно и то же. Одинакія причины должны производить и одинакія слѣдствія. Если западъ захотѣлъ свободы съ такою силою, то и востокъ, рано или поздно будетъ искать ея, и по особымъ своимъ свойствамъ можетъ увлечься до крайностей, еще болѣе ужасныхъ.

Перспектива грозная, — и сама Екатерина, умная, проницательная, добрая и опытная поддалась оптическому

обману, и подъ конецъ своего славнаго царствованія убо-
ялась страха, ~~и даже небы~~ страха. *и въ-тѣ не бы*

Опасенія начали водворяться въ правительствѣ.

Нѣкоторыя случайныя явленія, по временамъ у насъ обнаруживавшіяся, оправдывали, какъ будто, новыя опасенія правительства, и содѣйствовали къ утвержденію его системы, которая оказалась, наконецъ, соотвѣтственною и личному характеру. Таковы суть: возмущеніе Семеновскаго полка (происшедшее отъ излишней взыскательности полковаго командира); мятежь 14 Декабря (занесенный гвардіей изъ Парижа и укрѣпленный неистовствами Аракчеевскими); возмущеніе Польши (произведенное распоряженіями намѣстника).

Наши иностранные друзья предатели старались содержать насъ въ этомъ несчастномъ заблужденіи съ умысломъ, а можетъ быть и безъ умысла, имѣя въ виду только собственную пользу, то есть, устройство изъ Россіи самой твердой крѣпости для своихъ враговъ, нарушителей ихъ порядка, которою можно бы всегда было ихъ пугать, въ которой всегда надѣялись бы они имѣть безопасную точку опоры, и на которую, въ случаѣ нужды, удобно было имъ слагать вины предъ своими оппозиціями. Пресловутые ихъ министры, предъ которыми обыкновенно мы преклоняемъ голову свою и награждаемъ даже пенсіями за вредъ, намъ причиняемый, напримѣръ Метернихъ, не смотря на отъявленную и засвидѣтельствованную ненависть его къ Россіи, толковалъ намъ съ этою цѣлью, что Россія есть такое же государство, какъ и прочія Европейскія государства, и должно опасаться такихъ же болѣзненныхъ

судорогъ, какія обнаружилась на западѣ, и предвѣщаютъ его политическую кончину: слѣдовательно мы должны, пока зло не возрасло до западныхъ размѣровъ, поражать его въ самомъ зародышѣ.

Собственные наши, такъ называемые государственные люди, выходцы и слуги царской милости, большею частію безграмотные, охотно слушали предательское шептаніе, забывая народную пословицу, что нѣмцу, то есть Европейцу, смерть, то Русскому здорово. Повторять и развивать ихъ доказательства было даже очень пріятно и выгодно для этихъ лѣнивыхъ децемвировъ, которые могли при сей вѣрной оказіи, доказывать дешевымъ образомъ свою преданность и безкорыстіе. Что за дѣятельность открылась въ правительствѣ! Какая дальновидность, предусмотрительность, распорядительность! Взбѣсились на западѣ народы, давай сажать насъ на цѣпь. Тамъ распространяются пожары — отнять у насъ зажигательныя спички, и мы высѣйка огонь опять такъ, какъ высѣкали еще циклопы, дѣти Вулкановы. Тамъ оказалось расположеніе къ простудѣ, и насъ завертываютъ въ хлопки, хоть наши молодцы наровятъ изъ бани съ полки да въ прорубь. У нихъ воспаленіе въ мозгу, а у насъ почечуй, требующій движенія, и держать насъ на привязи, какъ горячечныхъ, значитъ призывать ударъ!

Между тѣмъ за эти мудрыя, государственныя мѣры сыпались звѣзды, ленты, кресты, чины, деньги, а намъ то и на руку или въ руку! Дѣятельность увеличивалась по всѣмъ инстанціямъ

И не находилось порядочныхъ людей, сказать ослѣ-

пленнымъ: помилуйте, что вы дѣлаете? Западъ катится съ горы, а намъ надо еще взбираться на гору, и какую гору, — такъ зачѣмъ вы стараетесь тормазить наши колеса: ихъ надо подмазывать. Пока нѣтъ холеры, зачѣмъ курить удушливымъ хлоромъ? Пока нѣтъ Французскихъ и Англійскихъ болѣзней, зачѣмъ намъ, здоровымъ, цвѣтущимъ — кровь съ молокомъ, отравляться каломелью? Смотрите — пагубный ядъ, ни дай, ни вынеси за что, разливается у насъ по всему тѣлу, тлѣютъ кости — лезутъ волосы, вываливаются зубы

А ларчикъ открывается просто! стоитъ только понять, что западъ есть западъ, а востокъ есть востокъ! Чтò, казалось бы, яснѣй этой непреложной истины, и между тѣмъ она остается непонятною загадкою для нашихъ механиковъ, и приводитъ ихъ потому въ самое затруднительное и ложное положеніе. Удалившимся отъ природы простое мудренѣе всего, и они никакъ не хотятъ согласиться, что не можетъ солнце восходить на западѣ, точно, какъ не можетъ и закатываться на востокѣ; что смѣшно подавать тамъ свѣчи, гдѣ еще свѣтло, и безразсудно оставаться въ потьмахъ, когда солнце сѣло.

Произнося эту простую истину, равную другой — дважды два четыре, что востокъ есть не западъ, я оказываю можетъ быть важнѣйшую услугу правительству, если оно захочетъ вникнуть поглубже въ ея значеніе, и употребить ее въ дѣло. Эту истину провозглашалъ я съ молодыхъ лѣтъ въ продолженіе всей своей литературной и ученой дѣятельности, но здѣсь кстати протолковать ее обстоятельнѣе и представить понагляжѣе. Съ этой цѣлью

я долженъ прихватить нѣсколько исторіи, по крайней мѣрѣ сколько позволяютъ предѣлы письма, и показать противоположность Русской исторіи съ исторіею Западныхъ государствъ, совершенно одинаковую съ географическою противоположностію Востока и Запада.

Европейскія государства произошли завоеваніемъ, а наше добровольнымъ призваніемъ, повторявшимся нѣсколько разъ въ теченіе вѣковъ совершенно одинаково. Всѣ западныя государственныя учрежденія основаны на законѣ оппозиціи, какъ замѣтилъ самъ Ламене, а коренныя Русскія учрежденія предполагаютъ совершенную полюбовность. Тамъ все подчиняется формѣ, и форма преобладаетъ, а мы терпѣть не можемъ никакой формы. Всякое движеніе хотятъ тамъ заявить и заковать въ правило, а у насъ открытъ всегда свободный путь измѣненію по обстоятельствамъ. Они ищутъ конституцій, хоть и не находятъ ихъ на долго, а Русскій народъ не помышляетъ ни о какихъ конституціяхъ, и какія имѣетъ, навязанныя сверху, отъ тѣхъ старается всѣми силами уклоняться.

На западѣ господствуетъ подозрѣніе и опасеніе, у насъ довѣренность. Западные сословія питаютъ одно къ другому ненависть, а наши не имѣютъ никакихъ сословныхъ предубѣжденій. Западное дворянство, по преимуществу родовое, а наше по преимуществу служебное. Тѣ гордятся своимъ вѣковымъ происхожденіемъ, а наши происходятъ, такъ сказать, ежеминутно, и гордости не могутъ имѣть никакой, кромѣ глупой. Самые документы на свои права жжетъ оно само, а объ остальныхъ не прилагается ни малѣйшей съ его стороны заботы. Переворотъ

государственный, революцію, коей нигдѣ подобный не было, все вверхъ дномъ, начинаетъ у насъ первый Императоръ, и продолжаютъ его преемники, а консерватизмъ выражается народомъ, и крайнюю лѣвую сторону консерватизма, составляющаго вмѣстѣ и оппозицію, представляетъ собою Преображенскій раскольникъ, для котораго одинъ изъ главныхъ вопросовъ состоитъ въ томъ, какъ складывать пальцы для крестнаго знаменія, между тѣмъ, какъ на западѣ нѣтъ и помину о Богѣ, развѣ для формы, и христіанская религія снизошла на степень малочисленной секты. Довольно противоположностей по всей исторіи, приведенныхъ мною въ поясненіе простаго положенія, что востокъ есть не западъ.

У насъ другой климатъ съ западомъ, другая мѣстность, другой темпераментъ, характеръ, другая кровь, другая физіономія, другой взглядъ, другой образъ мыслей, другія вѣрованія, надежды, желанія, удовольствія, другія отношенія, другія обстоятельства, другая исторія, все другое, — а наше правительство ждетъ и боится только революціи одинаковой!

Всѣ свои дѣйствія и распоряженія соединяетъ оно въ одномъ фокусѣ, и направляетъ къ одной цѣли, чтобъ не допустить революціи въ Россіи, какая происходитъ на западѣ. Вникая тщательно въ причины и источники бѣдствій западныхъ, оно въ жару своего рвенія, начало заботиться о мѣрахъ, какъ ихъ предупредить у себя дома, и видя болѣзни, начало искать лекарствъ самыхъ дѣйствительныхъ. Мы были въ этомъ отношеніи счастливѣе можетъ быть самаго больного запада, потому, что по-

пали на самыя лучшія мѣры и открыли самыя вѣрныя лекарства, по пословицѣ: чужую бѣду по водѣ разведу....

Революціонный духъ поддерживается, питается и усиливается на западѣ свободою книгопечатанія, распространеніемъ образованія, униженіемъ власти. Слѣдовательно, разсуждало наше правительство, для предупрежденія революціи — надо препятствовать распространенію образованія въ народѣ, и ограничивать его однимъ сословіемъ, надо стѣснять печать, и не допускать ни малѣйшаго разсужденія о власти, а на случай возможныхъ покушеній всего лучше учредить постоянный строгій тайный надзоръ.

Съ несчастнаго 1848 года эта убійственная система, плодъ Европейскаго возрѣнія, вѣроломныхъ совѣтовъ и домашнихъ недоразумѣній, возымѣла преимущественно свое дѣйствіе на пагубу Россіи.

Число студентовъ въ университетахъ ограничено тремя стами — громовой ударъ для Русскаго просвѣщенія, возбудившій страшное негодованіе противъ правительства во всемъ образованномъ сословіи. Люди, самыя умѣренныя, самыя спокойныя поколебались въ довѣріи къ благонамѣренности правительства. Голову свою не подумалъ бы я минуту положить на плаху, лишь бы удержать государя отъ подписанія бумаги. Дѣйствительно, съ какой стороны ни посмотрѣть на этотъ несчастный указъ, онъ не выдержитъ суда, самаго снисходительнаго: если университетское образованіе вредно, то за что жъ приносить ему, какъ ачлному минотавру, по триста невинныхъ юношей въ годъ? Если университетское образованіе полезно, то за что жъ лишать его остальныхъ? Не конечную ли

цѣль гражданскаго общества составляетъ высшее образованіе?

Ограничивая число студентовъ, правительство показало свое нерасположеніе къ образованію, и у профессоровъ опустили вездѣ руки, прилипнулъ языкъ къ гортани; студенты лишились необходимаго побужденія. Соотвѣтственныя явленія произошли и въ гимназіяхъ: электричество положительное и отрицательное сообщаются одинаково чрезъ всѣ концы длинной цѣпи. Въ самой публикѣ уменьшилось расположеніе учиться даже безъ всякой соразмѣрности съ ограниченнымъ числомъ ваканцій; самый страхъ не попасть въ университетъ съ такими затрудненіями отгонялъ молодежь въ другія стороны. А экзамены, при недостаточномъ количествѣ охотниковъ ослабли, и университеты потеряли не только въ отношеніи къ количеству, но и качеству студентовъ.

Вредное вліяніе на распространеніе образованія имѣли еще двѣ мѣры: обложеніе учащихся податями въ гимназіяхъ и университетахъ, чрезъ что бѣдные (всегда самые лучшіе ученики) лишились возможности учиться, и затрудненіе вступать въ университетъ изъ податныхъ сословій, чрезъ что право учиться предоставилось по преимуществу дворянству.

Учебное начальство вслѣдствіе сихъ и другихъ обстоятельствъ, обратило исключительно вниманіе на внѣшнюю сторону своихъ заведеній, что для него, разумѣется, легче, на форму, на такъ называемую правственность, то есть наружность, страдательную покорность. Всякое отклоненіе отъ правила, казалось ему страннымъ, и преслѣдовалось;

дарованія не ободрялись, а унижались. — Объ ученѣ, за которое не случалось взысканія, перестало оно заботиться: лишь бы комнаты были чисты и ученики тихи, не подавали бѣ повода ни къ какимъ такъ называемымъ исторіямъ. Безпечность, лѣность и посредственность ободрились, и невѣжество съ гордостію подняло голову, ученье упало, и начали выходить изъ всѣхъ нашихъ заведеній люди невоспитанные, а дрессированные, машины, лицемѣры, такіе исполнители, которыхъ достаточно было на обыкновенное время, а чуть обстоятельства стали помудренѣе, такъ и не сыскалось ни въ которомъ вѣдомствѣ, за кого взяться, даже въ военномъ, бывшемъ предметомъ всѣхъ попеченій; безъ настоящаго образованія, оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

Въ увѣнчаніе всѣхъ сихъ несчастныхъ мѣръ, внѣшнее наблюденіе ввѣрялось безъ разбору людямъ, пожалуй, нравственнымъ или благонамѣреннымъ, но не просвѣщеннымъ въ надлежащей степени, и неимѣвшимъ понятія, что такое народъ, государство, наука, ученіе, что такое время, духъ времени и его требованія. Близорукими и пристрастными своими распоряженіями они довершили разстройство, и въ пять, шесть лѣтъ довели его до крайней степени. Нельзя безъ горести смотрѣть на наши университеты, хотя и богатые познаніями и талантами всѣхъ родовъ, и на наши гимназіи, помѣщенные въ великолѣпныхъ чертогахъ, особенно для директоровъ, инспекторовъ и экономовъ.

Литтература послѣ своихъ Петербургскихъ оргій заслуживавшихъ дѣйствительное осужденіе, подверглась,

такому же гоненію. Предписаніе за предписаніемъ, и въ Высочайшихъ уставахъ не осталось ни одной живой строки. Ни о какомъ предметѣ богословскомъ, философскомъ, политическомъ нельзя стало писать. Никакого злоупотребленія нельзя стало выставлять на сцену, даже издали; никакой мысли, которую можно бы приложить къ настоящему времени, въ похвалу или порицаніе, все равно, — не пропускалось. Самые легкіе намеки подвергались страшному нападенію. Цѣлые періоды исторіи исключены, а о настоящихъ сословіяхъ, вѣдомствахъ и думать было страшно. Довольно сказать, что старые писатели подвергались новой строгой ценсурѣ, и какіе писатели? Кантемиръ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ. Классики: Платонъ, Эсхилъ, Тацитъ не избѣгли запрещенія, — и литература упала, ограничась только посредственными или гадкими повѣстями, гдѣ позволялось еще поспирать подъ часъ все священное, точно какъ и во французскихъ водевиляхъ и драмахъ, кои такъ любятъ нашъ большой свѣтъ, столько уважающій приличія. Книжная торговля въ послѣднія пять лѣтъ представляетъ однѣ банкротства. Самая публика пропиталась цензурнымъ духомъ, и всякое сочиненіе, по какой бы то части ни было, лишь бы показывало въ сочинителѣ самобытность, должно было подвергаться всѣмъ возможнымъ кривымъ толкованіямъ, такъ что порядочные люди рѣшились молчать, и на поприщѣ словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать.

Печатать стало ничего нельзя, а говорить еще менѣе, ибо незванныхъ слушателей развелось даже больше чѣмъ привилегированныхъ цензоровъ. Малѣйшій звѣкъ неудо-

вольствія вмѣнялся въ преступленіе, за которое могъ всякій, кто захотѣлъ, привлечь наказаніе или непріятность. Во всякомъ незнакомомъ человѣкѣ предполагался шпионъ, и печатію молчанія запечатались всѣ уста. Да и говорить не о чемъ: о политикѣ не нужно, о правленіи нельзя, о словесности нечего, о театрѣ скучно, — и зеленые ломберные столы замѣнили всѣ каѳедры и трибуны, а карты, карты, единственное утѣшеніе, драгоцѣнный предметъ глубокихъ размышленій и горячихъ преній, сладчайшее занятіе, единственное искусство, покровительствуемое правительствомъ, сдѣлалось для благороднаго Русскаго дворянства самымъ вождѣлѣннымъ препровожденіемъ времени, дороже всѣхъ хартій и конституцій Habeas corpus въ буквальномъ смыслѣ слова!

Тайная наша полиція, со времени своего основанія, ввѣрялась людямъ большею частію добродушнымъ, и въ 30 лѣтъ найдутся не многіе примѣры страдальцевъ отъ ея дѣйствій, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, болѣе или менѣе виноватыхъ по легкомыслію или невѣжеству; но вредна и пагубна идея ея существованія, удушливъ страхъ, хоть и неосновательный, ею внушаемый! Филиппъ II давно истлѣлъ въ гробѣ, но духъ его носится тягостной мглой надъ несчастной Испаніей, и она не можетъ приподняться нравственно послѣ его инквизиціоннаго угнетенія. Вотъ, что значатъ учрежденія въ исторіи государствъ!

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о богопочитаніи, которое правительство хочетъ внушить народу передъ властію. Власть нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели

свободными сужденіями объ ея дѣйствіяхъ. Злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого онѣ касаются. Увидя ихъ, на примѣръ, на сценѣ, страдающіе развѣ увидятъ что-нибудь для нихъ новое! Нѣтъ, указаніе злоупотребленій можетъ послужить пособіемъ власти, которая, принимая оное къ свѣденію, подвергая гласности, сложить тѣмъ съ себя часть вины, докажетъ свою благонамѣренность и вмѣстѣ твердость. А безъ гласности, разумѣется, въ предѣлахъ разумной осторожности, всякая ложь, неправда, обманъ получаютъ право гражданства въ государствѣ, чему примѣръ и доказательство мы видимъ въ нашихъ официальныхъ отчетахъ, по которымъ Россія благоденствуетъ, Россія на дѣлѣ алчущая, жаждущая, тоскующая, незнающая что дѣлать съ своими силами, расточающая блудно Божьи дары. Невѣжи славятъ ея тишину, но это тишина кладбища гніющаго и смердящаго, физически и нравственно. Нѣтъ! о такой тишинѣ грозно отзовется безпристрастная исторія! Рабы славятъ ея порядокъ. Нѣтъ! такой порядокъ поведетъ ее не къ счастію, не къ славѣ, а въ пропасть!

Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ никакого понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосыгаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смѣетъ да и не можетъ: всѣ пути выраженія мыслей закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни аппеляціи, ни протеста, ни контроля.

Въ какомъ положеніи находится онъ, въ такомъ и всѣ его министры, всѣ начальники, изъ которыхъ каждый

представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя, и также не имѣетъ никакой возможности узнать правду о своей части, никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному непрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя гениемъ, непогрѣшительнымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давать ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку: какъ мухи на медъ налетаютъ онѣ въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе безъ всякаго труда награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тмы, зла и разврата, въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка.

А между тѣмъ дѣла становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно-прошедшаго времени недостаетъ для новыхъ обстоятельствъ (Луи-Филиппъ, Гизо, Тьеръ, Одилонъ Барро, Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ, Англійское министерство та-

лантовъ служить тому доказательствомъ), а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое въ лохмотьяхъ.

О народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ, и, между тѣмъ, дышетъ любовью, самую чистою преданностію къ царю и отечеству ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты.

Таково ужасное состояніе Россіи! Я разсматривалъ его только съ нѣкоторыхъ сторонъ, а что было бы, если бы обзрѣть все судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитаніе, столичную роскошь, взяточничество подъ всѣми его видами, проникнувшее до самаго престола!

Страшная представилась бы картина! Лукави рабы и невѣрніи, что сдѣлали мы съ своими десятью, съ своими десять разъ десятью талантами! И все это преимущественно вслѣдствіе ложнаго страха имѣть западную революцію!

Несмысленные! Революція на западѣ произошла изъ своихъ сѣмянъ. Этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ начало нашего государства, какъ онѣ были брошены на западѣ, и потому революціи такой у насъ не будетъ, да и не можетъ быть. Мы испугались ея понапрасну. Мы убоялись страха, идѣ же не бѣ страха. Напрасно мы начали останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль,

преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тму, покровительствовать невѣжеству.

Напрасно, потому что образованіе принесло бы намъ пользу, мысль увеличила бы нашу силу; а тма привела насъ на край пропасти, надъ которой мы теперь и дрожимъ, не смѣя смотрѣть ни вверхъ, ни внизъ, съ собственными болѣзнями (а чужія впереди), безъ присмотра, на рукахъ у пустыхъ, легкомысленныхъ и необразованныхъ, неприготовленныхъ подлекарей и фельшеровъ, которые отъ роду не слыхали никакихъ курсовъ, не читали никакой книги, не держали никакого экзамена, не умѣютъ написать никакой строки, не только рецепта, не имѣютъ никакого понятія о медицинѣ, а лечатъ только усердіемъ какъ Гоголевъ Земляника, да небрежливостію.

Объ этихъ болѣзняхъ я почитаю обязанностію сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что враги сами по себѣ, или надоумленные друзьями, могутъ воспользоваться ими къ конечному пораженію Россіи.

Къ вамъ обращаю я рѣчь свою, Милостивые Государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры. Прошу прислушать.

Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. Ледрю Роллень со всѣми коммунистами не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитой Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону къ Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разинъ лишь кликни кличь! Вотъ гдѣ кроется наша рево-

люція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ которой стороны стѣна наша представляетъ проломы. Перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая, почти безъ присмотра, валится и грозитъ паденіемъ.

Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безсмысленный и беспощадный, сказалъ Пушкинъ, котораго государственныя способности не умѣли оцѣнить близорукіе и тупые современники, думавшіе, что онъ только стишки писать, да шутить умѣетъ.

Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе. Помѣщики управляютъ своими крѣпостными крестьянами, всякій, молодецъ и не молодецъ, на свой образецъ. Добрымъ людямъ до сихъ поръ не приходитъ еще въ голову спросить: да отчего же намъ всѣмъ неровная жизнь? А можетъ быть имъ въ самомъ дѣлѣ всѣмъ ровная жизнь: всѣмъ худо! Помѣщицье спасеніе въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ, которое, впрочемъ, одно, въ пополненіе нашихъ противурѣчій, заботится объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, чтобъ перевести ихъ изъ огня да въ полымя. Но улучшится жизнь казеннаго крестьянина — будьте увѣрены, что этотъ вопросъ въ самой нелѣпой можетъ быть формѣ представится какому нибудь безсрочно-отпускному Оконелю, и заварится каша крутая. Да и теперь не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ — искупительныя жертвы за право тиранства остальныхъ. Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода. Онѣ усмиряются порознь, но

несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки, и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ Сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи! Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только Русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность.

Мы говорили о Великой Россіи, а въ какомъ положеніи находится западная граница? Въ Бѣлорусіи крестьяне томятся въ нищетѣ и всю свою жизнь только борются съ голодомъ и холодомъ: ребяташки, прыгая на станціяхъ, около коляски путешественника, часто кричатъ: завтра воскресенье, съ солью ядуць.

Волынь и Подоля, Кіевская область стонутъ подъ игомъ Католиковъ, Поляковъ и Жидовъ. Безпрестанно встрѣчаются такія обстоятельства, кои приводятъ правительство въ затрудненіе или фальшивое положеніе, и заставляютъ принимать мѣры безчеловѣчныя. Напримѣръ, нѣсколько тысячъ крестьянъ, чтобъ избавиться отъ помѣщиковъ вызвались недавно въ Кіевской губерніи идти въ казаки, чтобъ умереть за отечество, и были разогнаны пушками, преданы военному суду и сосланы за великодушный вызовъ на поселеніе*). Сколько горючаго вещества по всей западной границѣ, съ которой въ сосѣдствѣ Малороссія! Когда нибудь терпѣнію будетъ конецъ, попа-

*) Многіе ждали свободы по завѣщанію покойнаго Государя Николая Павловича, и отказались работать на помѣщиковъ, за что, разумѣется, были наказаны жестоко плетьюми.

детъ одна несчастная искра, и все вспыхнетъ. Вспомните Коліевщину, вспомните послѣдніе ужасы въ Галиціи! А исторія военныхъ поселеній! Не надо забывать, что теперь могутъ являться люди подѣученые, подготовленные за границею для произведенія всякихъ замѣшательствъ. Есть кому сочинить ихъ и подсылать: Западная пропаганда дѣятельна! Не надо забывать, что Поляки разсыпаны въ Россіи вездѣ, и знаютъ коротко наши отношенія. Были же опыты зажигательства по всей Россіи, которыхъ не могла развѣдать наша полиція. Представьте себѣ вторженіе непріятельское хоть со стороны Бессарабіи, а есть и другія стороны открытыя!

Обнаруживаются иногда намѣренія и благія, напри- мѣръ, въ особомъ управленіи для казенныхъ крестьянъ, въ постановленіи объ обязанныхъ крестьянахъ, инвентари; но это только порывы, бѣглыя мысли, случайности, кото- рые приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, представляясь второпяхъ, изъ частныхъ видовъ, недозрѣлыя, недопечен- ныя, необдуманная, необсуженная со всѣхъ сторонъ, а главное неподверженныя критикѣ, о которой въ правитель- ствѣ у насъ помину еще меньше, чѣмъ въ литературѣ. Онѣ составляютъ обыкновенно предметъ личныхъ распрей, въ коихъ первоначальная цѣль и общее дѣло вскорѣ упу- скаются изъ виду и пропадаютъ.

Вторая болѣзнь, вторая опасность грозитъ Россіи со стороны раскольниковъ. Ихъ можетъ быть найдется до семи милліоновъ, и они умножаются безпрестанно. Поя- вляются безпрестанно новыя секты, одна другой нелѣпѣе и враждебнѣе, возбуждаясь алчбой необходимой народу

духовной пищи (которой онъ не получаетъ ни отъ духовенства, ни отъ правительства, ни отъ общества, ни отъ печати), питаюсь и укрѣпляюсь общимъ невѣжествомъ. Казаки, Сибирь, Новая Россія, Кавказъ предлагаютъ имъ вѣрныя и спокойныя убѣжища. А въ послѣднее время явилась Австрія съ архіерейскою кафедрою для раскольниковъ!

Наше духовенство, слишкомъ мало въ высшемъ смыслѣ улучшающееся, несоразмѣрно съ возрастающими быстро потребностями времени, духовенство, которое дѣлается можетъ быть книжно-ученѣе, но не жизненно-образованнѣе, и потому отдѣляется еще болѣе отъ простаго народа, презираемаго имъ по семинарскимъ своимъ понятіямъ, духовенство — жадное по происхожденію, воспитанію, въ крайней нуждѣ и заботахъ о тягостной будущности, подаетъ своими притѣсненіями и послабленіями, своимъ поведеніемъ и невѣжествомъ, новые поводы къ отпаденію, которыми старые раскольники умѣютъ пользоваться. Земская полиція содѣйствуетъ вездѣ расколу, потому что всякій раскольникъ есть ея оброчный мужикъ, и всякая секта — самая выгодная статья. Мѣстные начальники, даже высшіе, по тѣмъ и другимъ причинамъ, представляли вездѣ затрудненія для исполненія послѣднихъ мѣръ правительства возсоединить раскольниковъ съ единовѣріемъ.

Недавно сдѣлано было нѣсколько хирургическихъ операцій, можетъ быть удачныхъ, но онѣ тотчасъ были испорчены не только противниками, но самими операторами, по недостатку вѣрныхъ понятій и по шаткости системы.

Всѣ раскольники ненавидятъ правительство, по крайней мѣрѣ такъ расположены и настроены, что легко

могутъ быть обращены противъ него, видя въ немъ своего притѣснителя.

Между раскольниками есть множество крѣпостныхъ. Придайте же тому бунту, котораго такъ страшился Пушкинъ, характеръ религіозный, что будетъ? Явись въ какой-нибудь Архангельской или Вологодской глуши Шамиль-Пугачевъ или Разинъ: онъ можетъ пройти, проповѣдуя триумфальнымъ маршемъ нѣсколько губерній и надѣлать правительству больше хлопотъ, чѣмъ бунтъ Екатерининскаго времени.

Третья естественная наша болѣзнь и опасность со стороны Польши. Побесѣдуйте откровенно съ лучшимъ и добрѣйшимъ Полякомъ, воспитаннымъ на счетъ правительства въ Русскомъ университетѣ или корпусѣ, лѣтъ десять прожившимъ въ Россіи, женатымъ, пожалуй, на Русской, и имѣющимъ православныхъ дѣтей, и если вы имѣете хоть малую долю здраваго политическаго смысла, то удостовѣритесь послѣ такого разговора, что оставить Польшу въ настоящемъ положеніи не возможно, не должно, невыгодно, опасно. Я предположилъ добраго, честнаго, благороднаго, умѣреннаго Поляка, а прочіе?

Таковы наши внутреннія язвы, которыя, повторяю, могутъ быть развержены, и при помощи общаго разстройства, произведеннаго ложною системою, соединиться съ виѣшнею грозою, на пагубу Россіи.

Враги, надо отдать имъ честь, выбрали самое благоприятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россію, не допустить ея до постиженія своихъ преимуществъ и благаго употребленія удивительныхъ своихъ силъ, чтобъ

остановить ее на пути ея побѣдъ и величія, оттолкнуть назадъ, какъ говорятъ они, на двѣсти лѣтъ и лишить надежды на переѣну къ лучшему: умъ притупленъ, воля ослабѣла, духъ упалъ, невѣжество распространилось, подлость взяла вездѣ верхъ, слово закоснѣло, мысль остановилась, люди обмѣлѣли, страсти самыя низкія выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла въ свои руки по всѣмъ вѣдомствамъ бразды управленія. Священный союзъ между царемъ и народомъ потрясенъ!

Тяжкое время, — но живъ Богъ Русскій! На Него надѣмся и не постыдимся. Силенъ онъ укрѣпить ослабѣлое и поднять низпадшее! Добро не угасло на Святой Руси. Тамъ, въ глуши, въ захолустьяхъ, въ пещерахъ, въ пустыняхъ мерцаютъ святыя искры. Да и въ насъ, развращенныхъ, на днѣ нашихъ душъ, онѣ еще не погасли, онѣ могутъ возгорѣться!

Опасности отечества вызовутъ ихъ наружу, и святыи огонь загорится, и благодатный свѣтъ просіяетъ и озаритъ тму, и просвѣтимся — и увидимъ!

Покаяніе, терпѣніе, вѣра, надежда, любовь!

Законовъ вдругъ не сочинишь, людей вдругъ не отыщешь, злоупотребленій не уничтожишь, пороковъ не искоренишь, съ привычками вдругъ не разстанешься: на все нужно время! Опрометчивая ломка причинитъ еще больше вреда! Сначала довольно стать на новую точку, посмотрѣть на вещи съ другой стороны и объяснить себѣ цѣль.

А лекарство на первый случай легкое, удобное и

безопасное, общее, специальное для облегченія, если не для исцѣленія всѣхъ болѣзней, естественныхъ, искусственныхъ, своихъ и наносныхъ, для борьбы съ внѣшними врагами войною и неутралитетомъ, для борьбы съ внутренними врагами, которые для насъ гораздо опаснѣе и вреднѣе, есть гласность, то есть, то лекарство, которое подъ угрозою казни запрещала намъ западная наша политика.

Посредствомъ гласности будутъ вразумляться начальники, посредствомъ гласности будетъ пріобрѣтать со всѣхъ сторонъ лучшія и вѣрнѣйшія свѣденія правительство, посредствомъ гласности будутъ дѣлаться извѣстными способнѣйшіе люди, казниться злоупотребленія, посредствомъ гласности возродится и утвердится общественное мнѣніе!

Второе общее лекарство, или лучше другое первое — образованіе, образованіе основательное, пространное, прикладное, дѣловое, благочестивое, проведенное жолобами по всѣмъ удоліямъ общества, даже до послѣднихъ земли, въ глубочайшіе рудники каторжной работы, безъ всякихъ исключеній, ограниченій, стѣсненій по званіямъ, а по одному святому правилу душа-мѣра, кто сколько по своимъ силамъ и желаніямъ получить его можетъ. Такое образованіе, проникая во всѣ должности, воздѣйствуетъ благотворнѣе всякихъ узаконеній, будетъ постепенно исправлять зло, и сѣять добро.

Одинъ образованный, усердный, дѣятельный начальникъ, и цѣлая часть ввѣренная его попеченію, при системѣ гласности, устроена, и помогаетъ прочимъ примѣромъ, порядкомъ и подготовленіемъ чиновниковъ! Одинъ губерна-

торъ, съ такимъ видами, и пятидесятая часть Россіи благоденствуетъ, а другой, третій — и всѣ люди не узнаютъ себя, тѣ же, да не тѣ станутъ въ такомъ общемъ движеніи.

И въ блестящемъ свѣтѣ представляется будущее! А можетъ быть, что это только несбыточные мечтанія! Можетъ быть и мы осуждены на такое же бесплодное исканіе, какъ и западъ, который предъ нашими глазами ищетъ тщетнаго исцѣленія своихъ болѣзней, и попадаетъ большею частію на такія лекарства, которыя увеличиваютъ еще болѣе ихъ ярость. Такова судьба государствъ: въ мукахъ рождается человѣкъ; въ страданіяхъ живутъ общества; подъ всѣми формами правленія одинаковы несчастія. Можетъ быть и мы, недовольные настоящимъ порядкомъ вещей, видящіе ясно всѣ его недостатки, накличемъ на своихъ дѣтей новыми своими мѣрами, кои кажутся намъ столь вѣрными, дѣйствительными, полезными и благотворными, еще больше зла, чѣмъ сколько испытали сами; можетъ быть мы новыми своими дѣйствіями увеличимъ только число несчастныхъ опытовъ, въ утвержденіе вѣчной истины, провозглашенной откровеніемъ и познаваемой искренними размышленіями, что все земное есть ложь — и человѣкъ, и государство, что исторія представляетъ однѣ преходящія формы, и что этому тревожному свѣту вѣрное пристанище на небѣ, гдѣ всѣ наши поиски приведутся къ одному знаменателю.

Что будетъ, то будетъ. По крайней мѣрѣ непреложный долгъ совѣсти велитъ человѣку искать истины, дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, и сообщать собра-

тіямъ, что́ ему въ извѣстную минуту представляется полезнымъ.

Вотъ куда завлекла меня мысль по пути моихъ политическихъ разсужденій о политикѣ внѣшней и внутренней.

Остановлюсь и объясню здѣсь — кстати ихъ происхожденіе.

Начались онѣ случайно, по вызову одной доброй, любящей отчизну женщины. Слово за слово, мнѣ захотѣлось послужить кстати любезнымъ своимъ единоплеменнымъ Славянамъ, которыхъ судьба съ молодыхъ лѣтъ возбуждала сердечное мое участіе. Потомъ увидѣлъ я самое удобное время для убѣжденія въ предательскихъ дѣйствіяхъ Австріи, коротко мнѣ извѣстныхъ, и въ отношеніи къ Славянамъ, и въ отношеніи къ Россіи. Текуція событія меня возбуждали, — какъ возбуждали и весь народъ, вышедшій какъ будто изъ долговременнаго сна: услышалъ толки о политикѣ отъ такихъ людей, которые вовсе не имѣли понятія, что́ такое политика, и почелъ долгомъ сообщить моимъ соотечественникамъ то, что́ я зналъ по моимъ отношеніямъ о разныхъ важныхъ предметахъ, и чего не знаютъ другіе. Событія совершавшіяся утверждали меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Мои предсказанія сбывались, и я почувствовалъ смѣлость. Общее сочувствіе, выражаясь самымъ лестнымъ для меня образомъ, ободряло меня еще болѣе. Государю Императору угодно было выслушивать мои разсужденія и благодарить меня за мою вѣрноподданническую искренность, — и я продолжалъ писать. Разгорячаясь болѣе и болѣе,

я думалъ, что наконецъ наступило время исполненія моихъ самыхъ задушевныхъ, завѣтныхъ надеждъ. Вся Русская Исторія, казалось мнѣ, стремится къ своему увѣнчанію. Мысли толпились въ головѣ моей, и я хотѣлъ высказать все.

Послѣдніе вопросы о внутренней политикѣ, я имѣлъ въ виду, еще прежде настоящей войны, изложить въ особомъ сочиненіи, и представить на благоусмотрѣніе правительства по окончаніи моей исторіи, которая, надѣялся я, сообщитъ моимъ мнѣніямъ болѣе вѣса, но ей нужно еще можетъ быть лѣтъ пять, а событія одно другаго важнѣе слѣдуютъ непрерывно, и всякая минута можетъ перемѣнить ходъ, даже лице всего дѣла.

Сановники наши молчатъ, всѣ тѣ, которые имѣли бы не только право, но даже обязанность говорить — и Орловъ, и Киселевъ, и Воронцовъ, и Ермоловъ, и Блудовъ, и Филаретъ. Чего боятся они, имѣя по 70—80 лѣтъ и заноса уже ногу въ могилу — это знаютъ они. Неужели сказать правду, въ минуту опасности, непозволительно, страшно, нельзя безъ возбужденія подозрѣній въ злоумышленіи. Они позабыли всю Русскую исторію, они позабыли, что даже недавно на ихъ памяти говорили Александру, и кто же? Шишковъ, Толстой, Аракчеевъ, Балашевъ, Волконскій: оставьте армію, вы здѣсь мѣшаете, ваше мѣсто теперь въ столицѣ, — и государь ихъ послушался. Шишковъ не былъ однако жъ краснымъ революціонеромъ, Аракчеевъ не принадлежалъ къ партіи коммунистовъ, Толстой не имѣлъ понятія о масонскихъ ложахъ, Балашевъ не отличался стремленіемъ къ гуман-

ному прогрессу, — а Волконскій не славился любовію къ словесности, не умѣя, вмѣстѣ со всѣми почти нашими государственными людьми, двухъ строкъ написать по-русски. Слѣдовательно можно осуждать и спорить безъ всякихъ заднихъ мыслей, руководствуясь одною любовію къ отечеству.

Я рѣшился перемѣнить прежній планъ и сказать немедленно свое мнѣніе и о внутренней политикѣ, по крайней мѣрѣ поколику она зависѣла отъ внѣшней. Картина вышла разумѣется неполная, ибо всѣ отрасли управленія тѣсно соединены между собою, и если однѣ страдаютъ подъ вліяніемъ внѣшней политики, то и другія, самыя отдаленныя, терпятъ. Но распространяться о нихъ я считаю теперь неумѣстнымъ и безвременнымъ, тѣмъ болѣе, что и ближайшія соприкосновенности представляютъ довольно для размышленія. Разумѣется я могъ и могу ошибаться, увлекаться, заблуждаться, не имѣя притязанія на непогрѣшительность, но смѣло могу сказать, что говорилъ свое мнѣніе искренно, по долгу присяги, въ желаніи добра отечеству, какъ православный Русскій чело-вѣкъ, вѣрноподданный, служитель науки.

Слишкомъ лестно мнѣ, хотя и прискорбно сдѣлаться гласомъ вопіющаго въ пустыни. Часто выражалъ я открыто свои мысли о внѣшней нашей политикѣ. Государю Императору угодно было выслушать ихъ не только съ благоволеніемъ, но даже съ благодарностію, не смотря на грубую часто ихъ форму, которой я не заботился сглаживать, обращая вниманіе на дѣло, а не на слово. (Ясное доказательство, что вина преступнаго молчанія

падаетъ большею частію на его приближенныхъ). Смѣю надѣяться, что и настоящее мое письмо обратитъ на себя вниманіе. Сорокъ лѣтъ ученія и размышленія даютъ мнѣ нѣкоторое право.

Карамзина и Пушкина призываю въ свидѣтели важности моихъ словъ, Карамзина, который передъ кончиною благословилъ меня на историческое дѣланіе, Пушкина, который раздѣлялъ и ободрялъ мои убѣжденія.

Отцы и братія! Примите съ любовію представляемое съ любовію, воспользуйтесь дѣльнымъ, отбросьте недѣльное и не помяните меня лихомъ.

XVII.

(Ноября 27. 1854.)

Миръ или война — что лучше?

Положимъ, скрѣпя сердце, на эту пору миръ лучше войны.

Но мира честнаго, даже сноснаго, намъ не даютъ, не дадутъ; не хотятъ, да и едва ли могутъ дать.

Четырьмя гарантіями враги только закрывали свои намѣренія, въ твердой надеждѣ, что мы ихъ отвергнемъ, и они останутся на долго въ глазахъ газетной публики великодушными рыцарями чести и безкорыстія. Съ четырьмя гарантіями они разыгрывали ту же комедію, что съ Вѣнской потою, которую лишь только мы приняли, какъ они объявили намъ войну.

Мы согласились теперь на четыре гарантіи, хотя недавно еще считали ихъ невозможными и безчестными, — враги начнутъ, по прежнему, переговоры, чтобъ выиграть время, продержатъ насъ безъ дѣйствія въ напрасныхъ ожиданіяхъ, и не допуститъ до надлежащихъ приготовленій, а между тѣмъ сами будутъ собираться съ новыми силами, чтобъ ударить весной на Россію, со всѣхъ

сторонъ, какъ можно рѣшительнѣе, сквозь душу ея „пронести оружіе.“

Они проговаривались даже прежде въ подобной цѣли своихъ переговоровъ, чего мы какъ будто не слышали; такъ и теперь предполагаемъ кончить дѣло полюбовно, на нотахъ! Чтобъ не пришлось безъ нотъ запѣть другимъ голосомъ!

Въ гарантіяхъ нѣтъ ничего существенно полезнаго для Англіи и Франціи: по Дунаю суда ихъ не плаваютъ, Черное море было для нихъ открыто всегда; въ военное время оно отпирается и безъ трактата, какъ нынѣ, а въ мирное военнымъ кораблямъ дѣлать тамъ нечего; отъ покровительства Молдавіи и Валахіи не будетъ имъ ни тепло, ни холодно, какъ не было отъ общаго съ Россіей покровительства Греціи; общее покровительство христіанамъ, въ прежнемъ смыслѣ, исполнялось уже отчасти, а другой смыслъ, т. е. западная пропаганда, всегда можетъ дать предлогъ къ войнѣ. Что же онѣ выигрываютъ?

Ничего.

Такъ неужели Англія и Франція воевали даромъ? Можетъ ли быть, чтобъ онѣ напрягали всѣ свои силы, приносили чрезвычайныя жертвы, подвергались ужаснымъ потерямъ, лили свою кровь, только для интереснаго препровожденія времени? За спасибо или даже безъ спасибо мы могли спасти Австрію, или избавить Султана Махмуда отъ притязаній Египетскаго паши, а Франція и Англія не такъ просты, или не такъ великодушны!

Для Австріи и Германіи четыре гарантіи, напротивъ, важны и существенно полезны. Онѣ во снѣ не могли ихъ

никогда видѣть, мечтать объ нихъ онѣ не смѣли. Унизивъ насъ до крайности, довольныя натаस्कанными изъ огня каштанами, онѣ, можетъ быть, удовольствуются ими, и будутъ стараться о заключеніи мира.

Да старанія-то ихъ останутся безуспѣшными, и онѣ будутъ принуждены насильно пристать къ той или другой сторонѣ.

Разумѣется, по всѣмъ предыдущимъ отношеніямъ и дѣйствіямъ, по сатаническому духу, ими управляющему, выборъ ихъ, преимущественно ослѣпленной Австріи, склонится по прежнему къ западу.

Зимою Австрійцы будутъ манить насъ льстивыми обѣщаніями, дружественными увѣреніями, довѣренными посольствами, собственноручными письмами, — а придетъ весна, такъ и явятся непремѣнно съ прочими врагами, приславъ, пожалуй, трогательное объясненіе, что они продолжаютъ любить насъ по прежнему, отъ всей души, принимаютъ сердечное участіе въ нашемъ тягостномъ положеніи, желаютъ намъ выйти изъ него съ наименьшими потерями, чему рады въ свое время содѣйствовать, а теперь принуждены уступить необходимости, общему мнѣнію, духу времени, требованію обстоятельствъ, собственной опасности, и тысячи общихъ мѣстъ, кои найдутся всегда, какъ захочешь оправдаться въ зломъ дѣлѣ. И мы будемъ имѣть къ веснѣ противъ себя, волей или неволей, раньше или позднѣе, такъ или иначе, всю Европу безъ исключенія.

Эту мысль должны мы ни на минуту не выпускать теперь изъ виду, точно какъ не должны были выпускать

ея никогда и прежде, хотъ враги наши твердили безпрестанно о мирѣ, и дипломаты наши, какъ будто въ заговорѣ съ ними, ласкали насъ безпрестанно надеждами на миръ.

Миръ, миръ! „Егда бо рекуть миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей и не имутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тьмѣ, да день васъ якоже тать постигнетъ.“

Всѣ наши уступки не принесли намъ ничего больше, кромѣ ужаснаго вреда и ужаснаго стыда.

Чѣмъ больше будемъ мы уступать, тѣмъ больше будутъ съ насъ требовать. Если нынѣ нуженъ врагамъ Севастополь и Черноморскій нашъ флотъ для обезпеченія Турціи, то завтра понадобится Свеаборгъ и Балтійскій флотъ для обезпеченія Швеціи, и такъ далѣе. Чѣмъ больше будемъ мы унижаться, тѣмъ шибче насъ будутъ бить по щекамъ, а и такъ ужъ у насъ кровь льется изъ носу, изъ ушей и изъ рта, — платковъ не наготовишься!

Давно ли мы должны были оправдываться въ Синопской побѣдѣ, послѣ того какъ у насъ былъ выжженъ и занятъ фортъ Св. Николая и вырѣзанъ мучительно весь гарнизонъ? Давно ли должны были оставить осаду Силистріи, подъ которою пролито столько Русской крови? Давно ли воротились изъ за Дуная, въ угоду Австріи, оставивъ кресты, тамъ воздвигнутые? Давно ли вышли мы изъ Молдавіи и Валахіи, въ уваженіе Германскихъ интересовъ, между тѣмъ какъ нашъ собственный Крымъ подвергся разоренію, и Севастополь, важнѣйшая точка

Имперіи, нападенію, какихъ не бывало въ лѣтописяхъ войны? Давно ли враги осмѣливались спрашивать отъ насъ залоговъ, чтобъ мы не нападали впредь на Турцію, а намъ не только не давали залоговъ, что не будутъ сами нападать на насъ, но еще требовали, чтобъ мы уничтожили собственныя свои силы, кои моглибъ когда-нибудь противопоставить ихъ нападеніямъ? Когда говорено было съ Россіей такимъ языкомъ, — и какую пользу получили мы отъ всѣхъ этихъ уступокъ?

Наконецъ они захотѣли, чтобъ мы уступили имъ волкамъ, покровительство надъ Православною Церковію на Востокѣ, — а что они тѣже волки въ отношеніи къ восточнымъ Христіанамъ, какіе были во время крестовыхъ походовъ, и что Католикамъ Православные ненавистнѣе Магометанъ, съ которыми они и сдружились, то доказываютъ послѣднія посланія ихъ духовенства, ничѣмъ не отличныя отъ посланій Иннокентія III; то доказываютъ торжественныя ихъ молитвы о низпосланіи побѣды луи надъ крестомъ. Россія теперь для запада въ этомъ отношеніи то же, что была во время крестовыхъ походовъ Византія, которую онъ желалъ подчинить себѣ больше, чѣмъ освободить Гробъ Господень отъ невѣрныхъ. Для нашихъ дипломатовъ, по большей части протестантскаго исповѣданія, религіозная сторона вопроса, основаніе Русскаго человѣка и Русскаго государства, условіе нашей силы и успѣха, настоящій предметъ войны, не существуетъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, на примѣръ, что Россію губить: Господи помилуй. Не думаетъ ли онъ, что спасительнѣе для насъ будетъ новая молитва: чортъ возьми!

Для такихъ дипломатовъ общее покровительство, разумѣется, ничего не значитъ. А Русскій человѣкъ, тотъ, который умираетъ не охая въ Севастополѣ, въ Камчаткѣ, и на берегахъ Бѣлаго моря, разсуждаетъ иначе; вотъ какъ: Иуда продалъ Христа за тридцать сребренниковъ, а враги наши хотятъ, чтобъ мы предали имъ Его Церковь даромъ, совершая дѣло Иуды, мы, главные и единственные представители и защитники Православія, отданнаго намъ какъ бы на руки самимъ Богомъ. А что сталося съ Иудою? „И повергъ сребренники въ Церкви, отъиде; и шедъ удавися.“

И вотъ мы приняли четыре гарантіи: неслыханное, небывалое униженіе! Дипломаты наши превзошли всѣ самыя смѣлыя ожиданія враговъ! Они не пугаются никакихъ жертвъ, лишь бы сохранить миръ съ нѣмецкими государствами, въ коихъ находятся, по ихъ мнѣнію, необходимыя подпоры Русскаго престола. Такъ и слышится иностранный докторъ Елисей Бомелій, который неотступно совѣтовалъ Іоанну Грозному готовить себѣ на всякій случай убѣжище въ чужихъ краяхъ. Они не помнятъ, кажется, что нѣмецкія подпоры давно уже ушли на баррикады; они не понимаютъ, что не надеженъ тотъ престолъ, для котораго подпоры надо искать въ чужихъ странахъ, и карауль держать изъ вольноопредѣляющихся наемниковъ. Русскій престолъ былъ твердъ безусловною довѣренностію и преданностію Русскаго народа, а вы, можетъ быть, и безъ умыслу, начали колебать даже эти священные, историческія подпоры!

Всѣ униженія, повторяю, напрасны: война Россіи съ

Европой неизбежна, и отъ этой войны нельзя намъ никакъ уклониться.

Но воевать со всей Европой нѣтъ никакой человеческой возможности; какъ ни крѣпка Русская грудь, какъ ни силенъ Русскій духъ, но бороться со всѣми недостаткомъ у насъ ни силъ, ни средствъ.

Война для насъ невозможна и миръ невозможенъ! Что же намъ дѣлать?

Заварить общую кашу. Европа хотѣла войны, такъ вотъ тебѣ она. *Tu l'as voulu.*

Изложите въ краткихъ и ясныхъ чертахъ исторію Русской политики, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, сочтите всѣ жертвы, кои принесла Россія въ пользу такъ называемаго законнаго порядка, всѣ услуги, какія она ему оказала, всѣ уступки, которыя сдѣлала въ послѣднее время для сохраненія мира, даже въ ущербъ народной чести, и заключите, что преданная государями, преданная консервативными правительствами, за кои распиналася, не только оставленная въ совершенномъ одиночествѣ, но даже подверженная общему нападенію, она сознаетъ обветшаніе прежней своей политики, и обращается къ народамъ.

Провозгласите возстановленіе Польши.

Провозгласите возстановленіе Венгріи.

Возстановленіе Италіи.

Возстановленіе Греціи.

Возстановленіе Славянскихъ странъ.

Словомъ — провозгласите возстановленіе государствъ по языкамъ, какъ предсказывалъ Наполеонъ, размышляя на островѣ Св. Елены о судьбахъ Европейскихъ . . .

Какъ?

Да нечего какъ! Иначе нельзя! Впрочемъ въ этомъ необходимомъ образѣ дѣйствій, въ этомъ единственномъ исходѣ нашего спасенія, едва ли есть худо! Неужели законнѣе, чтобъ въ Италиі господствовали Австрія или Франція, а не Италія?

Неужели Критомъ или Кипромъ справедливѣе владѣть Туркамъ, чѣмъ Грекамъ?

Неужели Австрійцы имѣютъ неоспоримое право угнетать Славянъ и притѣснять православныхъ?

А Кошутъ, Маццини, Ледрю-Роллень? Это не наше дѣло, а дѣло Венгріи, Франціи и Италиі. Пусть они вѣдаются между собою, какъ знаютъ, а наше дѣло сторона. Свои собаки грызутся, чужая не приставай: умная пословица, которую мы къ несчастью позабыли.

До Кошута и Маццини настоящая война не касается. Не революціонеры собственно воюютъ съ консерваторами, а консерваторы между собою. Революціонеры только въ подкладкѣ. Австрійцы — консерваторы и нѣмецкіе государи также. Самъ Лудовикъ Бонапартъ не красный республиканецъ, и Англійская аристократія терпѣть не можетъ коммунизма. Консерваторы идутъ на Россію, главную свою подпору. Ясно, что не консерватизмъ и революція въ войнѣ, а въ войнѣ Россія и Европа, Востокъ и Западъ. Такъ выбросимъ изъ головы эти пустые слова, кои сбиваютъ съ толку и въ настоящихъ обстоятельствахъ не имѣютъ смысла. Выкинемъ изъ головы эти Европейскія раздѣленія и понятія. Сами Европа мы себѣ. У насъ свой умъ, и свой распорядокъ, и свой

языкъ, котораго западъ, а за нимъ и наши поклонники и воспитанники его, правые и лѣвые, красные и бѣлые, не понимаютъ сугубо, ни по формѣ, ни по духу. Россія есть и будетъ и должна быть не краснымъ, не консервативнымъ, не революціоннымъ, не деспотическимъ, не аристократическимъ, не демократическимъ, не республиканскимъ государствомъ, а Русскимъ. Что же такое Русское государство? Это особь-статья, о которой здѣсь не мѣсто и время разсуждать. Маццини, Кошутъ, Бруно Бауеръ пишутъ и говорятъ противъ союзниковъ. Тѣмъ лучше: Хоть бы песь, да яйца несъ! Справимся прежде съ любезными друзьями консерваторами, а прочіе впереди.

Италія и Венгрія не преданы сполна Кошуту и Маццини. Помоги имъ Россія словомъ или дѣломъ всѣмъ получить законную свободу, изъ-подъ чуждаго незаконнаго ига, и онѣ сами откажутся отъ временныхъ своихъ диктаторовъ, и законный порядокъ, благоговѣнно ею чтимый, утвердится въ Европѣ гораздо тверже, нежели каковъ онъ былъ по злоупотребленію словъ. Вотъ назначеніе Россіи, котораго званіе она слышала, да ошибалась откуда!

Поступи она такъ, и запляшетъ Нѣмецкій союзъ, который теперь такъ высоко поднялъ носъ, что даже г. г. Фонъ-Пфордтенъ и Фонъ-Бейстъ сдѣлались важными людьми, какъ будто бѣ Андреевскими кавалерами; — поступи она такъ, и запоетъ самъ Императоръ Австрійскій *de profundis*, перебираясь въ свое наслѣдственное эрц-герцогство, призадумаются благородные лорды Пальмерстонъ и Руссель, а Лудовикъ Бонапартъ — Лудо-

вику Бонапарту откроется блестящій случай, если онъ будетъ умѣть имъ воспользоваться, выйти изъ своего мучительнаго, неестественнаго положенія, оборотить спину Англичанамъ, привлечь къ себѣ остальное большинство Французской публики, во имя Европейской свободы, столько для нихъ по имени дорогой и любезной, и помириться съ тѣнью своего дяди, который все-таки вѣрно давить его часто во снѣ.

Мы поступали иначе — что же вышло? Не говоря о старыхъ временахъ, которымъ посвящены были другія мои письма, вспомнимъ прошедшій годъ.

Гоняясь сперва за славой умѣренности и великодушія, а потомъ за неутралитетомъ Австріи, мы дали союзникамъ время собраться съ силами, вооружить войска, перевести ихъ на поприще дѣйствій, укрѣпиться на берегахъ Дарданельскаго пролива, овладѣть Константинополемъ, занять Шумлу, Варну и Дунайскія крѣпости, прогнать насъ изъ-за Дуная по причинамъ политическимъ, вытѣснить съ безчестіемъ изъ Молдавіи и Валахіи по причинамъ стратегическимъ, отнять у насъ Кавказскій берегъ, — наконецъ, о верхъ посрамленія, — напасть на Крымъ, угрожать Севастополю, и повѣсить на волоскѣ судьбу всей Имперіи, такъ что у всякаго Русскаго человѣка три мѣсяца сердце остается не на мѣстѣ

Это еще не все. Гоняясь за тѣнью Австрійскаго неутралитета, мы охладили единственныхъ своихъ союзниковъ, Славянъ, мы поразили ихъ въ самое чувствительное сердце, лишивъ ихъ надежды, коею они жили, уронили себя въ ихъ мнѣніи, и открыли къ нимъ путь

всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ, подкрѣпляемымъ теперь нашимъ отсутствіемъ, какъ прежде холодностію и бездѣйственностію.

Нечего говорить, что въ этотъ же несчастный годъ Австрія успѣла поставить на военную ногу пять-сотъ тысячъ человѣкъ, а Германія и Пруссія сдѣлать предварительныя приготовленія.

А Русская кровь, пролитая даромъ подъ Калафатомъ и Ольтеницей, подъ Четати и Силистріей. А Корниловъ, а Шильдеръ, а Соймоновъ, Орловъ

Вотъ какой ужасный итогъ оказывается по сведеніи нашихъ годовыхъ счетовъ. Тяжко, грустно, горько даже до смерти! Но все это было бы еще ничего, все могло бы поправиться, — то бѣда, что мы продолжаемъ, кажется, жить по прежнему, въ ожиданіи курьеровъ и телеграфическихъ извѣстій: день прошелъ, и до насъ дошелъ! Мы продолжаемъ по прежнему приближаться къ пропасти, нарочно зажмуривая глаза, вѣря предателямъ, и со всякимъ днемъ положеніе наше становится затруднительнѣе; всякій день и всякій часъ наши потери и пагубы становятся опаснѣе, смертоноснѣе, проигрыши крупнѣе: что ни карта, то милліонъ, что ни партія, то милліардъ, что ни ударъ, то не въ бровь, а прямо въ глазъ, въ високъ или подъ сердце!

Вѣдь за Аландскими островами чередъ придетъ на весну къ Свеаборгу, надъ которымъ господствуетъ, говорятъ, Гельсингфорсъ.

Вѣдь отъ Кронштата находились враги въ десяти верстахъ въ нынѣшнемъ году, а теперь море у нихъ

промѣрено, вѣтры узнаны, пути изслѣдованы, гранитъ испытанъ.

Вѣдь въ Перекопѣ могутъ они съ достаточными силами отрѣзать у насъ весь Крымъ съ невзятымъ, положимъ, Севастополемъ включительно.

Вѣдь Закавказскій нашъ корпусъ можетъ быть поставленъ между двухъ и даже трехъ огней, и тогда поминай его, какъ звали, и Шамиль пожалуетъ между тѣмъ въ Тифлисъ.

А если встанетъ Польша съ согласіемъ Австріи и Пруссіи, кои получаютъ себѣ вознагражденія въ другихъ мѣстахъ за свои участки?

А если Швеція принуждена будетъ отнимать себѣ Финляндію?

Представьте же себѣ, что въ одно время вдругъ Англія приступитъ къ Петербургу, Швеція нападетъ на Финляндію, Австрія на Бессарабію, Франція на Крымъ, Персія, Турція и Шамиль на Грузію, Германія съ Пруссіей и революціонерами всей Европы на Польшу, которая подниметъ еще Литву и все западные города наши.

Скажутъ — этого не можетъ быть. Это безразсудныя предпріятія. Эти предположенія доходятъ до нелѣпости.

Отвѣчаю: невозможнаго нынѣ нѣтъ ничего; на сумасшедшія и отчаянныя выходки должно быть намъ готовыми; здравый смыслъ и правильныя соображенія давно уже изгнаны изъ круга дѣйствій; чередъ естественнаго и обыкновеннаго миновался, теперь всякій день вы видите сверхъестественное и необыкновенное; теперь нельзя ошибаться больше, какъ предполагая логику.

Мы думали, что Луи Бонапартъ не можетъ двадцати тысячъ войска выслать изъ Франціи, а онъ выслалъ сто, приготавливаетъ еще сто, а слухъ пошелъ уже о полумилліонѣ.

Мы не воображали, чтобъ въ Крымъ могло когда-нибудь попасть иностранное войско, которое всегда, де, можемъ закидать шапками, и потому оставили сухопутную сторону Севастополя безъ вниманія, а тамъ явилось сто тысячъ, которыхъ мы не можемъ выжить изъ лагерей, укрѣпленныхъ ими въ короткое время до неприступности.

Мы не могли представить себѣ высадки безъ величайшихъ затрудненій, а ихъ семдесятъ тысячъ сошло на берегъ, какъ одинъ человекъ черезъ лужу по досчечкѣ переходить.

Кто могъ прежде повѣрить, чтобъ легче было подвозить запасы въ Крымъ изъ Лондона, чѣмъ намъ изъ-подъ боку, или чтобъ можно было строить въ Парижѣ казармы для Балаклавскаго лагеря?

Чортъ ихъ знаетъ, что еще они къ веснѣ выдумаютъ: духъ злобы изобрѣтателенъ, а простота хуже воровства. Можетъ быть, они ухитрятся подъ водою приплыть въ Кронштатъ; можетъ быть, по дну проберутся до Петербурга. Вонъ слышатся какія-то пловучія батареи, какія-то новыя плоскодонныя суда

Неужели для *menus-plaisirs* Франція и Англія занимаютъ еще тысячу милліоновъ? Неужели Лордъ Пальмерстонъ пріѣзжалъ въ Парижъ только для того, чтобъ познакомить свою супругу съ Императрицей Евгеніей, —

а первое лице, которое пригласилъ для бесѣды съ нимъ Бонапартъ, былъ князь Чарторижскій?

Но это все еще внѣшнія опасности. А внутри-то что? Не думаете ли, что внутри нѣтъ горючаго вещества, нѣтъ опасностей? Онѣ есть, только не тамъ, гдѣ вы ихъ остерегаетесь, и эта ошибка увеличиваетъ и умножаетъ ихъ вдесятеро.

Враги, посылая корабли и пушки въ Камчатку, за 15 тысячъ верстъ, сожигая Колу, на краю обитаемой земли, въ сосѣдствѣ съ сѣвернымъ полюсомъ, бросая бомбы въ Соловецкій монастырь, рассыпая фальшивыя монеты на Кавказѣ, произведя столько удачныхъ опытовъ зажигательства по всей Россіи, не извѣданныхъ ни на волосъ нашими полиціями, явными и тайными, неужели они не подумаютъ, — а есть кому и надоумить, — о нашихъ раскольникахъ, теперь растревоженныхъ здѣсь, и столько лелѣемыхъ въ Австріи? Неужели они оставятъ безъ вниманія крестьянъ и не попытаются сочинить имъ въ какомъ-нибудь захоlustѣ Емельку-Пугачева или Петра III, который еще и не умиралъ по мнѣнію многихъ? Чтобъ не пришлось сказать тогда въ другой разъ: вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день.

Въ какомъ духѣ отступало войско отъ Силистріи, переправилось назадъ по Дунаю, выходило изъ княжествъ? Что теперь думаетъ оно о Крымѣ?

Есть множество людей, и людей порядочныхъ, умѣренныхъ, въ среднихъ и высшихъ сословіяхъ, которые желаютъ тайно паденія Севастополя, надѣясь, что съ паденіемъ его падетъ и нынѣшняя система. Я пріѣхалъ нынѣ

въ Петербургъ черезъ годъ, и не узналъ Петербурга; воротился черезъ мѣсяцъ въ Москву, и не узналъ Москвы! Вотъ какъ скоро все измѣняется и зрѣетъ въ наше время.

Что же подумаетъ, почувствуетъ, скажетъ весь народъ, всѣ сословія, если, чего оборони Боже, Россія подвергнется какому-нибудь безчестію при окончаніи настоящихъ обстоятельствъ? Не однѣ дѣйствія, но и мысли, чувства и слова, имѣютъ свою силу, хоть и не для всѣхъ очевидную.

А наша тайная полиція думаетъ, что въ Россіи опасная есть только могила Гоголя, да Мертвыя его Души. Мертвыя души точно опасны и вредоносны, да не Гоголевы!

У страха глаза велики, но я не спокоенъ и за дворецъ. Слова, сказанныя мнѣ однимъ Бельгійцемъ въ 1839 году и переданныя мною въ моемъ тогдашнемъ отчетѣ Министру Народнаго Просвѣщенія, невольно приходятъ на умъ . . .

Таковы наши внѣшнія опасности, таковы наши внутреннія опасности; можемъ ли мы медлить, колебаться, безмолвствовать, не принимать никакихъ мѣръ рѣшительныхъ? . . .

Возстань, Русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ! Терпѣнію его приближается конецъ. Онъ не привыкъ къ такому униженію, безчестію, сраму. Ему стыдно своихъ предковъ, ему стыдно своей Исторіи. Ты видишь, какъ дерутся всѣ солдаты, всѣ офицеры, всѣ генералы, — предъ Твоими глазами и за глазами, гдѣ кому случится поддержать честь Русскаго имени въ

Камчаткѣ и Одессѣ, подѣ Севастополемъ и на Соловецкомъ островѣ, у Силистріи и за Кавказомъ. Созови ополченіе. Напиши грамоту, которую понялъ бы всякій Русскій человѣкъ, и отъ которой у всякаго Русскаго человѣка поворотилось бы сердце. Вели поставить кружку у Успенскаго собора. Послѣднюю рубашку скинетъ съ плечъ и отдастъ тебѣ всякій. Повѣрь своему народу, который преданъ Тебѣ всею душою и готовъ пролить за Тебя послѣднюю каплю крови. Бросься къ нему на шею, и онъ упадетъ къ ногамъ Твоимъ. „Ложь тлетворную“ отгони далече отъ Твоего престола и призови суровую, грубую истину. Отъ „безбожной лести“ отврати Твое ухо, и выслушай горькую правду. Повѣрь намъ, мы всѣ Твои дѣти, и мы Тебя не обманемъ, а иноплеменики Тебя обманываютъ. Какое имъ дѣло до нашей чести? Вѣдь сердце ихъ не бьется при гласахъ Русской вѣры. „Чортъ возьми“ для нихъ, вонъ, лучше Господи помилуй! Вѣдь они не знаютъ нашего языка, съ которымъ соединена наша жизнь, наша радость; вѣдь они не связаны никакими узами ни со Святою Ольгой, ни съ Владиміромъ, ни съ Александромъ Невскимъ, ни съ Дмитріемъ Донскимъ, а намъ такъ и Иванъ Васильевичъ дорогъ, мы и за Ивана Васильевича служимъ панихиды! Такъ могутъ ли они, безъ вѣры, безъ языка, безъ Исторіи, судить о Русскихъ дѣлахъ, какъ бы ни были они умны, честны, благородны и лично преданы Тебѣ или Твоему жалованью? Составь около себя постоянный на это время верховный Совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую Турецкую войну, на который бы возложились всѣ

попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ, съ отвѣтственностію предъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человекъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ какъ день одинъ, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работая такъ, Ты утомляешься напрасно, вредишь дѣлу, а не содѣйствуешь. Въ Англіи собралось министерство изъ первыхъ талантовъ всѣхъ партій, которому помогаютъ два Парламента, гдѣ говоритъ всякій, что́ хочетъ, да неограниченная печать. Во Франціи у Луи Бонапарта есть сотня клевретовъ, которыхъ судьба связана съ его судьбою, и которые держатъ ухо вострѣе его самого. Гдѣ же одному человеку справиться съ такимъ легиономъ и легионами, поспѣвая и на всѣ домашнія дѣла, рѣшая всѣ тяжбы, утверждая всѣ покупки, назначая всѣ постройки, наказывая всѣ вины, награждая всѣ подвиги, и осматривая всѣ петли и пуговицы? Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобъ рѣшать дѣла первой важности, приготовленные и представленные на Твое Высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положить, а захламачивать ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся впродолженіе столькихъ лѣтъ, чрезъ которую и не придворные льстецы не могутъ къ Тебѣ проникнуть.

Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты, мало ли ихъ есть на Святой Руси? На всякое дѣло найдется изъ 70 милліоновъ не по одному знающему и благонадежному человѣку! Чтò Филарету ставить пономарей и дьяконовъ, да принимать къ себѣ по вечерамъ старухъ, которыя вяжутъ у него чулки? Отъ него можно получить мудрое слово и въ верховномъ Совѣтѣ. Время ли Ермолову переплетать старыя книги, да ласкаться ко всякой дряни? Со львиной своей головой, съ соколиными своими глазами, съ бѣлыми своими волосами, Пражскій крестникъ Суворова, онъ послужить Тебѣ еще годъ-другой, и, скинувъ на полѣ сраженія десятка два съ своихъ 77, онъ возметъ Тебѣ хотъ Берлинъ, хотъ Вѣну. Полно Иннокентію сажать на песку березки и копать въ Таврическихъ скалахъ: онъ поговорить со властію и съ лобнаго мѣста, когда Тебѣ понадобится. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе „общаго блага.“ Печать и въ обыкновенное время не можетъ нигдѣ принести столько пользы и причинить столь мало вреда, какъ въ Россіи, а въ настоящее время, подъ умнымъ надзоромъ, она должна бы замѣнить многія другія учрежденія. Не книги опасны, а событія, которыя возговорили яснѣе, громче всякихъ книгъ, журналовъ и газетъ, и которыя читаются и толкуются теперь всячески самыми безграмотными, безъ цензуры. Печатной артиллеріи Европейской мы должны отвѣчать также, какъ и осаднымъ Пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли. Европа должна бы узнать

общее мнѣніе Россіи, и она вѣрно призадумалась бы, если бъ услышала, какъ мы заговорили бы человѣческимъ языкомъ. Раскрой настежъ ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ, вели постановить сторожей у воротъ съ калачами, вмѣсто буточниковъ съ алебардами и мытарей со счетами; дай средства намъ научиться лить такія же пушки, штуцера и пули, какими бьютъ теперь враги нашихъ малыхъ дѣтей, сверхъ обыкновенныхъ опасностей войны, — а безъ образованія, безъ покровительства всѣмъ наукамъ, нельзя намъ имѣть и медицины достаточной. Мы отстали во всѣхъ познаніяхъ: военныя, физическія, механическія, химическія, финансовыя, распорядительныя мѣры тѣ ли у насъ теперь, что у нихъ? Не бойся свѣта, бойся тьмы. Духа не угашайте, изрекъ Апостоль.

Какъ бы то ни было — рѣшительность, даже *безъ вышеупомянутыхъ провозглашеній*, доставить намъ добрый миръ, можно быть увѣрену, скорѣе всякихъ уступокъ, переговоровъ, ласкательствъ, просьбъ и униженій, — доставить, если миръ на верху написанъ!

Но сдается мнѣ, старому служителю Исторіи, что миръ не находится въ опредѣленіяхъ высшихъ. Не Пальмерстонъ, не Руссель, не Лудовикъ Бонапартъ, не Австрійская подлость, не Прусская шаткость, — Богъ мира не даетъ!

Я думалъ прежде и мечталъ: мы возьмемъ Константинополь, перенесемъ туда столицу, выгонимъ Турокъ, освободимъ Славянъ и Грековъ, возстановимъ Восточную Имперію — человѣческія мечтанія!

Война — это наша служба, которой требуетъ у насъ Богъ. Западъ пришелъ на помощь къ Магомету и его корану противъ Евангелія. „Яко откуда есте вы, и откуда дѣло ваше? Отъ земли мерзость избираша васъ. Азъ же возставахъ иже отъ сѣвера и иже отъ востокъ солнечныхъ, прозовутся именемъ Моимъ.“ Можетъ быть, Богъ посылаетъ и насъ на Востокъ окреститься кровію и омыться послѣ въ банѣ пакибытія. Такъ угодно Богу, восклицалъ нѣкогда Западъ. Такъ угодно Богу, приходится воскликнуть и Востоку! А что въ самомъ дѣлѣ Ему угодно, не намъ знать, откроютъ событія.

Боже, Царя храни!

Ноября 27. 1854.

P. S. Не успѣлъ я подписать своего имени, какъ читаю въ газетахъ извѣстіе о договорѣ Австріи съ Франціей и Англіей, вслѣдъ за дополнительной статьей Прусской конвенціи. Предсказаніе мое исполнилось прежде назначеннаго срока: видно дѣла Франціи и Англіи въ Крыму или дома такъ худы, что имъ надо, во что бъ ни стало, кончить дѣло скорѣе. Рѣшительная минута приближается.

Господи, Господи, спаси Россію!

Декабря 3.

Если Пруссія удержится съ нами, и мы отобьемся подъ Севастополемъ, то миръ *in statu quo* попадетъ въ число возможностей. Въ случаѣ такого мира; уроки, по-

лученные нами и употребленные въ пользу, могутъ вознаграждать насъ съ лихвою за издержки войны. Но, повторяю, едва ли можетъ состояться миръ: при оборотѣ дѣлъ въ нашу пользу, враги примутъ непременно тѣ мѣры, какія я описалъ выше, и начнется настоящая Европейская, Наполеоновская война, потяжеле нынѣшней Турецкой. Мы потеряемъ тогда Польшу. Богъ бы съ нею, — но мы наживемъ многихъ новыхъ враговъ, — и конца перемѣнъ не видать! Лучше, благороднѣе и полезнѣе принять начало на себя (иниціативу) и не давать въ чужія руки того оружія, которое въ нашихъ рукахъ приметъ *совсѣмъ другое значеніе*.

Декабря 8.

Камень преткновенія, — чтобъ не произвести революціоннаго движенія! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Напрасно нѣкоторые злоумышленники смѣшиваютъ необходимое движеніе, предполагаемое мною, съ революціоннымъ. Русскимъ свернуть иго Татаръ развѣ было непозволительно, революціонно? Точно также позволительно и нереволуціонно Славянамъ свернуть иго Турокъ. Европа позволила Бельгійцамъ отдѣлиться отъ Голландіи: почему же отдѣленіе Венгріи и Ломбардіи отъ Австріи непозволительно и революціонно? Во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціей мы пользовались уваженіями тамошнихъ христіанъ: почему же нынѣ только считаемъ это движеніе революціоннымъ? Безъ необходимости такой образъ дѣйствій не имѣлъ бы ничего предосудительнаго, а въ необ-

ходимости, въ какой мы теперь находимся, отвергать его, подставляя одну свою собственную грудь --- есть чуждое навожденіе!

Эту записку мою я не написалъ: она написалася сама собою, однимъ духомъ. Теперь прошло уже ей три недѣли. Перечитываю и убѣждаюсь болѣе и болѣе; что даже *провозглашеній намъ не нужно*. Довольно, если всѣ угнетенные народы, то есть, Славяне, Венгерцы, Ломбардцы, поймутъ, что Россія отдѣлилась отъ Австріи, — и они сами скоро сдѣлаютъ свое дѣло, пока мы съ твердостью будемъ стоять на своихъ границахъ и защищать ихъ до послѣдней капли крови, готовые подать имъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ руку братской помощи!

XVIII.

Къ О. И. Тютчеву.

(1855. Апрѣля 7).

Хотите вы знать, что показываетъ мой политическій барометръ, который, хоть и не изъ мастерской Фрауенгофера или Уцшнейдера, обманывалъ меня рѣдко, судя по задачамъ. Извольте — я скажу вамъ свои наблюденія, какъ ни скучно мнѣ подъ часъ становится толочь воду и вошіять въ пустынь, то есть на Дѣвичьемъ полѣ!

Барометръ мой показываетъ миръ, а инстинктъ предвѣщаетъ все таки войну.

Послѣднее письмо свое, отъ 27 Ноября, писалъ я подъ вліяніемъ страха, трепетавшій за весну, ожидавшій ужаснаго нападенія на Россіи со всѣхъ сторонъ.

Многія обстоятельства съ тѣхъ поръ оборотились въ нашу пользу: Богъ простиралъ часто тьму предъ глазами нашихъ враговъ, и они середъ бѣлаго дня падали какъ будто въ ямы, неизвѣстно кѣмъ вырытыя. Дѣло видимо валилось у нихъ изъ рукъ. Они продолжаютъ дѣйствовать, но не дружно, у всякаго есть свое на умѣ, и потому ни въ чемъ имъ покуда не спорится. Такого

союза, какой представлялся моему испуганному воображенію, слава Богу, не существуетъ.

Далѣе — Англія оказалась несостоятельною въ такой степени, о какой никто на твердой землѣ и подумать не могъ. Сіяніе окружавшее ея главу, поблѣднѣло и разсѣялось. Она представляется другою не только Америкѣ, Франціи, Германіи, но даже Испаніи, Турціи! Конституція ея трещитъ, и новому Кароагену недолго будетъ ждать третьей пунической войны. Благородные лорды кусаютъ вѣрно себѣ локоть, но не достанутъ. Вотъ самое важное явленіе новой исторіи, не только послѣдней минуты, самое важное, неожиданное, Европейское слѣдствіе новой войны, въ коемъ таятся зародыши великихъ переворотовъ. Миръ для Англіи въ такомъ положеніи необходимъ.

Австріи давно уже грозила развязка еще страшнѣе, и только ложное наше опасеніе прошлаго года начать съ ней войну отсрочило ея гибель — впрочемъ на короткое время. Въ настоящемъ положеніи также она рада миру, даже потому, что войною можетъ она только проиграть всѣ выигрыши мирныхъ своихъ кознодѣйствій, а выиграть еще что-нибудь войною она не надѣется, да и не привыкла.

Германіи и Пруссіи нѣтъ никакихъ причинъ желать войны послѣ полученныхъ уступокъ.

Представлять затрудненія миру могутъ только Франція и Россія.

Франція потому что миръ съ четырьмя гарантіями не вознаградитъ ея за принесенныя жертвы, не удовлетво-

ритель требованіямъ народной чести, а главное — осудить на долгое бездѣйствіе, гибельное для новой династіи, которая можетъ ловить рыбу только въ мутной водѣ.

Сопровивленіе Франціи понятно, но какъ можетъ Россія затруднять заключеніе договора, если она согласилась на принятіе четырехъ гарантій и даже ближайшее ихъ толкованіе?

Да, она согласилась, и должна былабы принять ихъ въ назначенномъ смыслѣ, еслибы война не продолжалась. А такъ какъ война продолжается, то веденіе переговоровъ и толкованіе главныхъ основаній зависитъ совершенно отъ ея превратностей. Враги объявили необинуясь нѣсколько разъ въ палатскихъ рѣчахъ, въ министерскихъ нотахъ и разныхъ офиціальныхъ статьяхъ, что ихъ дальнѣйшія условія будутъ зависѣть отъ военныхъ успѣховъ. Если они возмуть Севастополь, сожгутъ нашъ флотъ, разобьютъ наши войска, то они не останутся при четырехъ гарантіяхъ и потребуютъ распространенія ихъ смысла въ свою пользу. Такъ точно и Россія, отбившись отъ Севастопольской осады, уничтоживъ союзныя войска, открывъ себѣ дорогу далѣе, будетъ имѣть полное логическое право ослабить старыя условія, или даже предложить новыя.

Для чего же, иначе, мы деремся не на животъ, а на смерть подъ Севастополемъ, если всѣ наши побѣды немогутъ принести намъ никакой пользы для ведомыхъ переговоровъ? И чтобъ это было за странное, безпримѣрное положеніе, въ которомъ побѣда равна пораженію?

Не побѣдивъ насъ, потерявъ болѣе чѣмъ выигравъ, союзники предлагаютъ, слышно какія-то новыя условія, неимѣющія никакого отношенія къ четыремъ гарантіямъ, а мы получая безпрестанно лишнія выгоды, будемъ добровольно стѣсняться ветшающими ежеминутно обязанностями!

Обстоятельства всѣхъ договаривающихся сторонъ слишкомъ ясны, и посланники такъ и ведутъ, безъ сомнѣнія, переговоры на конференціяхъ, въ исполненіе требований простаго, здраваго смысла, независимо отъ хитростей дипломатики и политики. Австрія старается всѣми силами о скорѣйшемъ заключеніи мира, (и вѣрно поставляетъ намъ это на видъ, чтобъ мы радовались и благодарили?). Пруссія и Германія готовы споспѣшествовать ея усиліямъ. Англія молча соглашается съ нею, или для вида предлагаетъ какія нибудь незначительныя возраженія, чтобъ сохранить приличіе и закрыть какъ нибудь свое нетерпѣливое, горячее желаніе мира. Франція, какъ кошка, играющая съ мышами, задаетъ тонъ и предлагаетъ разныя несбыточные требованія, чтобъ затянуть дѣло, а Россія не соглашается и представляетъ свои доказательства, выжидая оборота еще болѣе благопріятнаго обстоятельствъ въ ея пользу, чтобъ парализировать или обезвредить четыре гарантіи, если не болѣе.

Ключъ положенія, слѣдовательно, въ рукахъ Франціи и Россіи. Судьба Европы зависитъ отъ этихъ двухъ государствъ, которыя силою вещей и движеніемъ обстоятельствъ поставлены теперь насильно лицомъ къ лицу, и должны непременно войти въ переговоры между собою и объясниться.

Выгодъ общихъ или спорныхъ предметовъ у нихъ нѣтъ, а съ ними нѣтъ и причинъ распри и ненависти. Пользу могутъ онѣ принести другъ другу безконечную, а вредить не изъ чего. Присоедините характеръ народный, представляющій многія черты, соотвѣтственныя.

Гораздо легче и удобнѣе сговориться съ однимъ такимъ государствомъ, чѣмъ съ пятью, ихъ коихъ каждое имѣетъ свои особенные виды и выгоды, и независимо отъ обстоятельствъ, питаетъ къ намъ внутреннюю, сердечную, ничѣмъ непреодолимую вражду. Но благороденъ ли будетъ такой образъ дѣйствія? А что же здѣсь неблагороднаго, спрошу я въ свою очередь? И о какомъ благородствѣ здѣсь можетъ быть рѣчь? Какое благородство было въ виду у Англіи и Франціи, когда онѣ присоединились къ Турціи? Какимъ благородствомъ руководствовалась Австрія, взявъ сторону Англіи и Франціи противъ Россіи? Какимъ благородствомъ одушевлялась вся Европа, предавая Россію, вопія противъ Русскаго варварства въ пользу Турецкой цивилизаціи?

Мы ищемъ себѣ союзниковъ и выбираемъ тѣхъ, которые кажутся намъ выгоднѣе — это такъ просто и естественно, что никто съ здравымъ смысломъ не можетъ на минуту усомниться въ справедливости такого образа дѣйствій.

И какія обязанности къ другимъ государствамъ могутъ насъ удерживать теперь отъ союза съ Франціей?

Англія возбудила противъ насъ войну, старалась всѣми силами вредить намъ и грозила насъ обождать, ослабить, унижить.

Австрія, членъ Священнаго союза, не только позабыла объ немъ, но позабыла даже свое недавнее спасеніе Россіей, и взявъ, сверхъ всякаго ожиданія, сторону Запада, поставила насъ въ самое затруднительное положеніе, и была причиною всѣхъ нашихъ утратъ.

Пруссія и Германія поступали съ нами нѣсколько умѣреннѣе и благопристойнѣе, но отнюдь не доброжелательнѣе, отнюдь не дружелюбнѣе. Пруссія только меньше виновата, но всетаки виновата, ибо не сказала твердаго слова Россіи при началѣ настоящихъ обстоятельствъ, чѣмъ моглабы отклониться война (см. письмо 5); въ продолженіе войны дѣйствовала нерѣшительно, двусмысленно, и подавала Западу не только надежду, но даже увѣренность, чѣмъ ободрялась его настойчивость. Да и въ заключеніе какое же благодѣяніе она оказала намъ? Неутралитетъ, если мы очистимъ княжества, возвратимся въ свои предѣлы, откажемся отъ всѣхъ намѣреній, предоставимъ Дунай Германіи, согласимся на всѣ требованія западныхъ государствъ, то есть примемъ четыре ими назначенныя гарантіи въ опредѣленномъ ими первоначальномъ смыслѣ? Ей нечего и желать больше! Она позволила намъ защищать свои предѣлы и то съ условіемъ, чтобъ мы не преслѣдовали враговъ за границу, еслибъ даже они, вторгшіеся, были разбиты нами дома. Благодѣяніе очень умѣренное! Не ужели связавъ человѣка по рукамъ и ногамъ, взявъ отъ него себѣ что нужно, и запретивъ ему шевелиться, какіе побои ни потерпѣлъ бы онъ, неужели могу я спрашивать у него горячѣй благодарности за то, что самъ не стану бить его вмѣстѣ съ

прочими? Да и для насъ ли такъ дѣйствовала Пруссія? Нисколько. Она точно такъ же хотѣла и хочетъ ослабить и унижить Россію, но не до конца, потому что конечное униженіе и ослабленіе Россіи увеличитъ ея собственную опасность со стороны Франціи. Присоедините еще матеріальныя выгоды неутралитета, весьма значительныя. Россія на Пруссію, а съ нею на Германію (я говорю не объ династіяхъ) полагаться не можетъ, развѣ въ чемъ соединится ихъ польза. Это ясно для самыхъ слѣпыхъ — довольно почитать нѣсколько мѣсяцевъ нѣмецкія газеты, чтобъ удостовѣриться, какимъ духомъ оттуда вѣетъ. Справедливость требуетъ сказать однакожь, что обвинять и жаловаться за это на Пруссію и Германію мы не можемъ: своя рубашка къ тѣлу ближе, и онѣ смотрятъ на дѣло съ своей точки зрѣнія; точно такъ и мы должны смотрѣть съ своей.

Закключаю: Отношенія наши къ всѣмъ Европейскимъ государствамъ, враждебнымъ и неутральнымъ, таковы, что мы можемъ себѣ выбирать союзниковъ кого случится, и договариваться съ ними, какъ сочтемъ для себя за лучшее. — съ Франціей или Германіей, Австріей, Англіей или Пруссіей.

Но есть ли намъ надежда сойтиться съ Франціей?

Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только пословицей: спросъ не бѣда!

Неизвѣстно, до какой степени предался Бонапартъ Англичанамъ, и что замышляетъ онъ во глубинѣ своей души.

Нельзя только не предположить, нельзя не согласиться,

что онъ уменъ, и состояніе Европы, цѣну обстоятельствъ, видитъ яснѣе всѣхъ.

А если онъ видитъ, то и понимаетъ силу Россіи, испытанную дядюшкой, отвѣданную и племянничкомъ.

Понимая же, онъ долженъ быть радъ союзу съ нею, который развяжетъ ему руки дѣйствовать и воевать тамъ, гдѣ война и вліяніе можетъ принести настоящую пользу, а не отвлеченную, какъ въ восточномъ вопросѣ.

Это естественныя причины союза, лежащія въ натурѣ вещей, но есть много случайныхъ, лежащихъ въ совокупности обстоятельствъ:

Помириться съ тѣнію дяди, которому онъ все таки обязанъ скипетромъ, а дядя пророчески завѣщалъ ему ненависть къ Англіи.

Выйти изъ фальшиваго положенія, слишкомъ продолжительнаго, даже въ отношеніи къ своему народу, который можетъ когда нибудь образумиться и спросить: да за что же мы воюемъ? А если дѣло затянется подъ Севастополемъ, или еще испортится хуже? Французы долго спокойны быть не могутъ. То и дѣло открываются заговоры во всѣхъ углахъ Франціи. Чего добраго, а въ одно прекрасное утро, не смотря на всю бдительность Г. Г. Піетри и Персиньи, ему можетъ понадобится фіакръ, какъ Лудовику Филиппу, или въ Гамской квартирѣ опять отворятся двери, на что намекнулъ впрочемъ онъ и самъ тамошнему Консіержу, при посѣщеніи замка съ Императрицей.

На союзъ, разумѣется, Наполеонъ согласится не даромъ, но условія его, сколько ихъ предвидѣть можемъ, никакъ не коснутся собственно Русскихъ выгодъ, ибо

ему не надо ни Севастополя, ни Бессарабіи, владѣній въ Азіи Франція не имѣетъ, по Дунаю суда Французскія не плаваютъ, и до Славянъ нѣтъ никакого дѣла Французамъ. Условія Бонапартовы могутъ касаться только до западныхъ дѣлъ и отношеній; такъ что намъ до нихъ за дѣло? Пусть они вѣдаются какъ хотятъ и знаютъ. Друзей у насъ тамъ нѣтъ и обязанностей никакихъ. Тамъ у насъ только враги и предатели, о чьихъ выгодахъ намъ заботиться ненужно. Мы можемъ предоставить ему Западъ, а себѣ выговорить Востокъ!

Это уже maximum требованій со стороны Наполеона, а можетъ быть онъ спроситъ и меньше. Во всякомъ случаѣ есть виды поторговаться, и выговорить какія нибудь выгоды или пощады Пруссіи за ея неполную вражду, и Неаполю, который поступалъ кажется благороднѣе всѣхъ въ отношеніи къ намъ.

Можетъ быть даже Наполеонъ предложитъ намъ самъ союзъ. О — въ такомъ случаѣ положеніе наше будетъ еще гораздо легче. Обрадуясь союзу внутренно, мы спросимъ у него условій, и дѣломъ димплоаціи будетъ рѣшить, какія условія должно намъ отвергнуть и какія принять, въ какихъ формахъ, и въ какихъ выраженіяхъ.

Это союзъ сепаратный и тайный между Франціей и Россіей. А какъ дѣйствовать намъ открыто?

Государь дастъ Европейскій манифестъ, въ коемъ скажетъ: Вступивъ на престолъ Россійскій, я желаю мира, котораго желалъ и покойный мой Родитель, вопреки всѣмъ клеветамъ, злонамѣренностію на него внесеннымъ. Я согласился на всѣ уступки, имъ сдѣланныя, не смотря на

значительное улучшение обстоятельствъ Россіи, отраженіе союзниковъ отъ Севастополя, разстройство союзныхъ армій, ослабленіе Турціи, внутреннее замѣшательство Англіи. Вѣнскія конференціи однакожь, по пути имъ предназначенному, вслѣдствіе различныхъ *antécédents*, не обѣщаютъ скорого успѣха, переговоры затягиваются и теряются въ подробностяхъ, и со всякимъ извѣстіемъ съ поля сраженій измѣняется смыслъ переговоровъ, такъ что они дѣлаются совершенно бесполезными и лишними. Силы истощаются, жертвы даромъ приносятся, финансы вездѣ разстроиваются, благосостояніе общее уменьшается. — Мы всё терпимъ, какъ и терпѣли, мы всё дѣлали много ошибокъ, мы всё раздѣляемъ вины, мы всё находимся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе. Чтобъ прекратить это неопредѣленное положеніе и удовлетворить желаніе Европы, алчущей мира, я рѣшаюсь сдѣлать новое предложеніе.

Россія соглашается на свободное плаваніе по Дунаю, въ уваженіе выгодъ Австріи, Германіи и Пруссіи, и предоставляетъ очищеніе его устья имъ самимъ.

Россія соглашается на свободное плаваніе Европейцевъ по Черному морю, котораго ключъ впрочемъ находится не въ ея рукахъ.

Россія соглашается на Европейское покровительство Турецкихъ Христіанъ, въ общихъ ихъ политическихъ правахъ безъ различія, а въ дѣлахъ вѣры по исповѣданіямъ: Франція обязана покровительствовать Католикамъ, Англія Протестантамъ, Россія Православнымъ.

Россія, убѣдившись въ неограниченной преданности

жителей Царства Польскаго, рѣшается дать имъ конституцію, согласную съ ихъ желаніями, и объявляетъ полную амнистію для всѣхъ изгнанниковъ. Она очень рада открывшейся для нея возможности принять эту мѣру, пріятную для Европы, по ея участию въ судьбѣ Поляковъ, мѣру, которой не могъ принять покойный Императоръ Николай Павловичъ по своему исключительному положенію, не смотря на свое всегдашнее желаніе.

Россія, желая дать Европейцамъ средства познакомиться ближе съ ея обитателями, ихъ желаніями и требованіями, позволяетъ у себя разсужденія о внѣшней политикѣ, коими дополнится общее такъ называемое Европейское мнѣніе, и предохранится отъ тѣхъ ошибокъ, за кои платила и платитъ она такъ дорого.

Дѣлая такія новыя уступки, безъ всякой съ своей стороны необходимости, ибо двухъ-лѣтняя кампанія соединенныхъ силъ противъ нея, продолжавшаяся до сихъ поръ, не имѣла успѣха, Россія предлагаетъ прекратить войну, всѣмъ воюющимъ державамъ войти въ прежнее относительное положеніе, что было до войны, и всѣ будущія дѣла предоставить ихъ естественному теченію или суду Европейскихъ Амфиктіоновъ, если государства сочтутъ такое учрежденіе нужнымъ. Согласятся Европейскія государства на такое предложеніе, — и храбрые полки Французскіе и Англійскіе примутся въ распростертыя объятія Севастопольскимъ гарнизономъ, получаютъ всѣ пособія, житницы Одесскія откроются, и проч. и проч.

Наполеону ловко, кажется, принять такое предложеніе, и онъ скажетъ прекрасной Франціи:

Удостоверясь изъ дѣйствій и объявленія Императора Всероссійскаго, что онъ избираетъ политику свободную, столько любезную и драгоцѣнную для Франціи, (!!) возстановляетъ Польшу въ правахъ ея, чего долго желала и тщетно домогалась Франція, ей много обязанная, оставляетъ первыя свои требованія, изъ за которыхъ началась несчастная нынѣшняя война, Императоръ Французовъ принимаетъ его условія. Миръ, желаемый и ожидаемый Европою, возвращается, благодаря усиліямъ Франціи

Клевреты Бонапартовы возопіютъ въ газетахъ: Франція дала миръ Европѣ. Никто не сдѣлалъ для свободы въ Европѣ столько, какъ Императоръ Наполеонъ. *Quel grand homme, quelle grande nation! Vive la liberté! Vive l'Empereur!!!*

Будетъ Наполеонъ на нашей сторонѣ, и никто не осмѣлится спорить противъ такого предложенія, всѣ умолкнутъ и согласятся. А еслибъ кто вздумалъ противорѣчить, то мы получили бы съ Наполеономъ средства и право начать дѣйствія, кои иначе начались бы въ Европѣ позднѣе, по естественному теченію дѣлъ.

Какія же дѣйствія начались бы, иначе, въ Европѣ позднѣе, по естественному теченію дѣлъ?

А вотъ какія:
Болгары и Босняки скажутъ: мы разорены, мы содержали на свой коштъ цѣлыя арміи; съ насъ взяты подати за десять лѣтъ — насъ семь милліоновъ, мы требуемъ обеспечения нашихъ правъ и дарованія намъ земскаго устава, подобнаго Сербскому.

Сербы скажутъ: мы сохранили вѣрность Турецкому

Правительству, во время всѣхъ смятеній, и требуемъ удаленія Турокъ изъ своихъ городовъ согласно съ прежними договорами.

Наши посланники и консулы другаго духа чѣмъ прежне, или съ другими инструкціями, зная нарѣчія и находясь въ живомъ сношеніи съ племенами, а не чрезъ переводчиковъ, какъ то къ стыду нашему было прежде, будутъ поддерживать ихъ требованія, содѣйствовать своими совѣтами къ внутреннимъ разпорядкамъ, и между тѣмъ сообщать свѣденія во всѣ Европейскія газеты о насиліяхъ Турокъ и о препятствіяхъ, какія Христіане получаютъ безпрестанно на пути своего преуспѣянія: ну вотъ, мы говорили, можно-ли надѣяться на Турокъ и ихъ обѣщанія и проч. и проч.

Съ Австрійскими Славянами сношенія ученія, литературныя и церковныя заведутся, поддержатся и распространятся, какъ я подробно доносилъ Министру Народнаго Просвѣщенія двадцать почти лѣтъ назадъ. Если католическая Церковь созываетъ своихъ сановниковъ со всѣхъ концовъ міра для разсужденій о *conception immaculée*, то почему православной Церкви не созвать своихъ Архіереевъ для произнесенія, на примѣръ, суда о нашихъ расколахъ! Прежняя наша дипломатія не осмѣлилась бы и подумать о такой мѣрѣ, но спрашивается, какъ посмѣетъ Австрія не пустить на этотъ соборъ своихъ Епископовъ? съ которыми можно поговорить между тѣмъ о другихъ предметахъ. Подъ какимъ предлогомъ она можетъ запретить полученіе русскихъ книгъ, газетъ и журналовъ въ своихъ владѣніяхъ, когда мы дозволяемъ у себя свободно всѣ

Австрійскія? Одно такое запрещеніе можетъ всегда подать поводъ къ войнѣ, — а между тѣмъ пушки у насъ льются, штуцера выдѣлываются, порохъ работается, солдаты учатся стрѣлять, офицеры учатся военному искусству, корабли поспѣваютъ, — ударить часъ, — и мы готовы не такъ какъ нынѣ.

Вотъ что будетъ происходить на Востокѣ, по естественному теченію дѣлъ; на Западѣ — Наполеонъ разумѣется будетъ сидѣть не сложивши руки. А намъ что за дѣло! Затѣетъ онъ что нибудь въ Ломбардіи или на лѣвомъ берегу — мы сохранимъ нейтралитетъ, и платя за Молдавскій визитъ Австріи, выставимъ на границахъ Галиціи и Трансильваніи по порядочному корпусу Прусаки не должны опасаться, чтобы мы заняли Берлинъ, пока они будутъ бороться на Рейнѣ.

Что же видно на дальномъ горизонтѣ?

Русскіе Великіе Князья на престолахъ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Молдавіи, Валахіи, а Петербургъ въ Константинополѣ, гдѣ выстроится для вдовствующей Императрицы дворецъ поудобнѣе и теплѣе Палермскаго!

Корона Нѣмецкаго Императора на главѣ Прусскаго Короля.

Рейнъ — граница Франціи.

Наполеониды въ Италиі.

Австрійская и Турецкая Имперіи не существуютъ.

Англія — торговая кѣнтора, съ платежемъ гильдейской повинности Бонапарту!

Изъ другихъ остатковъ Турецкой Имперіи въ Азіи,

Африкѣ и Европѣ можно еще отдѣлить и создать многія государства.

Если Европейскій миръ заключится, при сеператномъ союзѣ Россіи и Франціи, то эти событія неминуемы по естественному ходу вещей, а если Австрія, Германія и Пруссія не согласятся на такой миръ, то Россія и Франція вызовутъ эти событія гораздо простѣе и скорѣе, не имѣя нужды ожидать никакихъ новыхъ предлоговъ и обстоятельствъ.

Вотъ перспектива — при союзѣ Россіи и Франціи!

А если Бонапартъ ни самъ не предложитъ, ни приметъ нашего союза, вслѣдствіе другихъ своихъ тайныхъ плановъ, тогда что намъ дѣлать?

Попытаться на коалицію, чтобъ идти на Парижъ, соединенными силами Германіи, Пруссіи, Австріи, Англіи и Россіи, какъ въ 1812 году?

Коалиція представляется теперь въ числѣ возможностей болѣе другихъ. Европа-вѣрно чувствуетъ, что *l'Empire se n'est pas la raix!* Европа вѣрно чувствуетъ, что Бонапартъ такая ей заноза, отъ какой ей не поздоровится. Англія обратитъ прежде всѣхъ внимательное ухо на такое предложеніе. Австріи пріятнѣе будетъ отправить во Францію графа Шамбора, чѣмъ даже гробъ Герцога Рейхштадскаго, Германія и Пруссія рады будутъ застраховать Рейнъ. Коалиція вѣрно существуетъ въ думахъ всѣхъ дипломатовъ, если никто изъ нихъ и не смѣетъ ее выговорить.

А въ Парижѣ десять партій, которыя рады будутъ ей больше, чѣмъ Талейранова партія во время оно желала низверженія Наполеонова: радикалы, конституціонисты, со-

ціалісты, легітимісты, орлеаністы! (Мы можемъ даже пугнуть Наполеона коалиціей, привлекая его къ своему союзу!)

Это все предположенія, возможности, вѣроятности, мечтанія! Можетъ быть нельзя ни склонить Наполеона къ союзу, ни устроить коалицію, всего менѣе ударить на Парижъ съ силами одной Пруссіи, — и Россіи тогда что дѣлать?

Чтобъ заключить миръ честный, хоть близкій къ *in statu quo*, защищаться и драться изъ всѣхъ силъ; Поляковъ и общее Европейское мнѣніе привлечь амнистіей, видами конституціи въ Царствѣ, свободной печатію о внѣшнихъ отношеніяхъ въ Россіи. (Пруссія говорила, на примѣръ, мы рады бы объявить себя за Россію тверже, но это противно народу; Англійское Правительство могло сказать: мы не хотимъ войны, но народъ ея хочетъ. Для чегоже и намъ не имѣть въ запасѣ подобныхъ предлоговъ?)

Стараться объ устроеніи Балтійскаго союза между Даніей, Швеціей, Пруссіей и Россіей, о которомъ я писалъ въ пятнадцатомъ письмѣ.

Снарядить блистательное посольство въ Американскіе Штаты съ выраженіемъ благодарности за доброжелательное участіе.

Распустить слухи и частныя статьи о снаряжаемыхъ экспедиціяхъ въ Азію, даже офиціальныя порученія о составленіи проектовъ съ Кавказа, изъ Оренбурга, изъ Восточной Сибири.

Одушевить народъ Русскій и всѣхъ Славянъ выраженіемъ участія къ ихъ судьбѣ. Теперь одушевленія

нѣтъ нигдѣ, ибо первая священная цѣль войны потерялась изъ вида, а изъ пустяковъ кому охота нести въ жертву свою жизнь?

А между тѣмъ, можетъ быть, Бонапартъ свернетъ себѣ шею. Останется Франція, съ которою, при Генрихѣ V или Орлеанахъ, мы заключимъ союзъ на тѣхъ же условіяхъ, разумѣется искреннѣе, — пожалуй хотъ съ республикой, сестрой Американскихъ штатовъ. Наши посланники могутъ всегда подавать благіе и человѣческіе совѣты кому бы то ни было и уравнивать страсти даже среди революціонныхъ оргій.

Перечитавъ свое письмо, я улыбнулся и вспомнилъ о политическихъ проэктахъ Герца, который хотѣлъ возвратить блескъ державѣ Карла XII, и Альберони, который, послѣ Утрехтскаго мира, пытался возвратить Испаніи ея прежнія владѣнія. Можетъ быть и вамъ придетъ въ голову это сравненіе. Предупрежу его опроверженіемъ. Вотъ какая разница между мною и этими знаменитыми проэктерами. Они видѣли въ своихъ проэктахъ единственное спасеніе, и готовы были настаивать на приведеніе ихъ въ дѣйствіе, во что бы ни стало. Миѣ возразятъ, что я и не могу настаивать потому, что я не министръ. Дѣло — въ силѣ убѣжденія. Герцъ и Альберони были убѣждены въ непреложности своихъ проэктвъ, а для меня мои проэкты — опытъ рѣшенія историкополитической задачи на грифельной доскѣ. Этого мало. Я убѣжденъ теперь такъ, какъ не былъ убѣжденъ никогда, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ (*l'homme propose et Dieu dispose*). Чье то высшее участіе въ собы-

тіяхъ примѣчается даже и простыми глазами. Какое самое важное явленіе въ Исторіи послѣдняго времени? Униженіе Англіи и обнаруженіе ея существенныхъ болѣзней, кои не позволяютъ ей болѣе занимать прежнее высокое мѣсто въ системѣ Европейскихъ Государствъ. *)

Кто же унизилъ ее, кто обнаружилъ ея болѣзни, кто нанесъ ей смертельный ударъ?

Она сама. Вступясь за Турцію, коей достоинство, видите, унижалось принятіемъ какого-то несчастнаго сенеда, предложеннаго Россіей, она сама упала въ грязь, изъ коей подняться ей ужь мудрено, если не невозможно!

Въ чье управленіе случилось это политическое самоубійство?

Въ управленіе министерства талантовъ, умнѣйшихъ, опытнѣйшихъ геніальныхъ людей изъ всѣхъ партій, такого министерства, котораго всякій почти членъ былъ способенъ управлять и управлялъ государствомъ! Думали-ль эти первые, гордые собою люди, какую судьбу они готовятъ своему надменному отечеству? Они заботились изо всѣхъ силъ о вліяніи своемъ на Востокъ, а дома подавали поводъ вскрыться аневризму. Премудрость премудрыхъ погублена. Я опять вспомню стихи Хомякова 1842 года. Онъ написалъ мало, но къ нему именно можно примѣнить Латинскую поговорку: *non multum, sed multa*:

*) Авторъ долженъ повиниться въ неосновательности этого послѣдняго замѣчанія.

Островъ пышный, Островъ чудный:

Ты краса подлунной всей,

Лучшій камень изумрудный

Въ голубомъ вѣнцѣ морей!

Грозный стражъ твоей свободы,

Сокрушитель чуждыхъ силъ,

Вкругъ тебя широко воды

Океанъ сѣдой разлилъ. —

Онъ бездоненъ и просторенъ,

И враждуетъ онъ съ землей;

Но смирененъ, но покоренъ

Онъ любитъ тебя тобою.

Для тебя онъ укрощаетъ

Свой неистовый набѣгъ;

И ласкаясь обнимаетъ

Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая природы

Благодатная земля!

Какъ кипятъ твои народы,

Какъ цвѣтутъ твои поля!

Какъ державно надъ волною

Ходитъ твой широкій флагъ!

Какъ кроваво надъ землею

Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!

Какъ свѣтло вѣнецъ науки

Блещетъ надъ твоей главою!

Какъ высоки пѣсень звуки

Міру брошенныхъ тобой!

Вся облигана блескомъ злата,

Мыслью вся озарена,

Ты счастлива, ты богата,

Ты роскошна, ты сильна,

И далекія державы,

Робко взоръ стремя къ тебѣ,

Ждутъ, какія вновь уставы

Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,

Но за то, что ты горда,

Что тебѣ мірская слава
 Выше Божьяго суда:
 Но за то, что церковь Божью
 Святотатственной рукой
 Приковала ты къ подножью
 Власти суетной, земной . . .
 Для тебя, морей Царица,
 День придетъ, — и близокъ онъ, —
 Блескъ твой, золото, багряница,
 Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
 Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
 Перестанетъ мечъ сверкать,
 И сыновъ твоихъ покинетъ
 Мысли ясной благодать.
 И забывъ твой флагъ державный,
 Вновь свободна и грозна
 Заиграетъ своенравно
 Моря шумная волна.

И другой странѣ смиренной,
 Полной вѣры и чудесъ,
 Богъ отдастъ судьбы вселенной,
 Громъ земли и гласъ небесъ.

Неожиданное униженіе Англіи неужели человѣческое дѣло, а не божье? Для чего же случилось такъ? Знаетъ Богъ.

А собраніе Европейской силы въ руку какого-то Прохойдака, вѣнчаніе искателя приключеній Императорской короною; неужели можно объяснить естественнѣе? Наполеонъ I изъ поручиковъ сдѣлался Императоромъ: но онъ защитилъ Тулонъ, онъ покорилъ Италію, онъ завоевалъ Египетъ, онъ одержалъ побѣду при Маренго, онъ шелъ своею дорогою, и на своей дорогѣ нашелъ Корону. Здѣсь чуда нѣтъ. А какъ изъ Булонской и Страсбургской

арлекинады, черезъ Гамскую тюрьму, съ репутаціей пустаго и полуумнаго человѣка, попасть на престолъ Франціи, скрутивъ сотню Тьеровъ, Гизо, Беррье, Ламорисіеровъ, Одильоновъ Барро, Шангарнье, Ледрю-Ролленей и Блановъ, — вотъ это чудо!

Внезапная кончина Императора Николая, здороваго, крѣпкаго, сильнаго, послѣ кратковременной болѣзни, начавшейся легкою обыкновенною простудой, принадлежитъ также къ числу событій, внушающихъ невольное удивленіе.

Удивительны даже многія и частныя событія нашего времени, напримѣръ оборона Одессы, оборона Соловецкаго монастыря, оборона Камчатки, спасеніе на первыхъ порахъ Севастополя и Свеаборга! Что мы оставляли почти безъ защиты, то спасалось блистательно; куда устремляли все свое вниманіе, тамъ не было никакого успѣха!

При такихъ въ очью нашу совершающихся чудесахъ, не лучше ли всѣмъ намъ, Царямъ и подданнымъ, правительствамъ и народамъ дѣлать свое дѣло, по чистой совѣсти, и предоставлять остальное Провидѣнію, ни сколько не помышляя о достиженіи своихъ человѣческихъ бранныхъ цѣлей. Цѣли достигнутся можетъ быть совсѣмъ не тѣ, о которыхъ мы мечтали въ пылу страстныхъ надеждъ, — которыхъ ожидали по математическимъ расчетамъ и соображеніямъ. И вотъ я, скажутъ, въ области мистики. Можетъ быть — но мистика соединяется съ исторіей во времена Апокалиптическія!

Занимая мѣсто посторонняго наблюдателя, не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ и разныхъ тайныхъ

пружинъ, я писалъ свои письма подъ вліяніемъ впечатлѣній минуты, иногда подъ вліяніемъ негодованія, досады, страха, иногда въ восторгѣ, но къ заключенію я обыкновенно успокоивался, что гдѣ-то и замѣтилъ. А теперь, съ начала нынѣшняго царствованія, я сталъ еще спокойнѣе, и счастливъ, что раздѣляю это спокойствіе съ самимъ Государемъ, въ которомъ видѣлъ, когда онъ былъ еще Великимъ Княземъ, совершенное убѣжденіе, что нынѣшняя война, рано или поздно, кончится непременно во благо и славу Россіи. Такъ я сталъ спокоенъ, что съ кончины, недѣль семь не читалъ даже газетъ и работалъ надъ окончаніемъ изслѣдованій о древнемъ удѣльномъ періодѣ съ жаромъ первой молодости. Только на дняхъ кончивъ нужныя для меня главы, я обратился къ настоящему времени, пробѣжалъ послѣднія газеты и написалъ къ вамъ это письмо, съ единственною цѣлію выбросить изъ головы запалыя невольныя мысли. Завтра принимаюсь за сочиненіе записки о настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи и мѣрахъ для его содѣйствія, о которой говорилъ мнѣ нашъ министръ во время послѣдняго моего пребыванія въ Петербургѣ, и за которую я не могъ до сихъ поръ приняться изъ за политики и изслѣдованій. Дѣло Русскаго просвѣщенія для меня дороже, любезнѣе, знакомѣе и ближе политики, и я надѣюсь изложить свои мысли скоро, хоть и не придумалъ еще формы.

Апрѣля 7.

P. S. Удивительное время! Опять не успѣлось переписать письмо, какъ открылись новыя обстоятельства

и признаки. Королева Викторія подвязала подвязку Бонапарту, *s'inclinant gracieusement*, Англичане не подсыпали ему порошку ни въ супъ ни въ хересъ, и онъ возвратился благополучно въ Парижъ, не задѣтый даже пулею и на берегу.

А между тѣмъ, въ Константинополѣ, войска его укрѣпляются больше и больше. Не хочетъ ли онъ, пока посланники въ Вѣнѣ, спорятъ о гарантіяхъ, водвориться тамъ, прельстясь словомъ дяди, который сказалъ, что господство надъ Европою принадлежитъ владѣльцу Константинополя. Военные скажутъ, что онъ не можетъ удержаться тамъ вопреки Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи. А я скажу; ну, а если онъ изъ Константинополя объявитъ себя Главою Славянскаго движенія и вмѣстѣ Польскаго, Венгерскаго, Италіянскаго? Я скажу это впрочемъ не въ первый разъ: на такую возможность указывалъ я нѣсколько разъ, — указанія только пропускались и забывались въ потокѣ рѣчи и произшествій ежедневныхъ. О дѣйствіи своихъ писемъ я никогда не заботился, вы знаете, представляя ихъ только къ свѣденію, но, право, перечитывая ихъ и сравнивая обстоятельства, я могъ бы предъявить притязаніе на аттестацію: хотъ не пророкъ, но угадчикъ.

Еще мысль мелькаетъ у меня иногда въ головѣ, нѣтъ ли у этого адъютанта сатаны, какъ назвалъ бы его нашъ покойный Никифоръ Евтроповичъ, какого-нибудь адскаго плана, къ которому принадлежитъ и произвольное можетъ быть замедленіе подъ Севастополемъ, и брошюра Жерома и обвиненія Австріи въ послѣднихъ статьяхъ?

А можетъ быть онъ спѣшитъ ослѣпленный на казнѣ въ Константинополѣ?

Ну, не лучше-ли, вмѣсто такихъ тревоженныхъ размышлений, и противоположныхъ предположеній заниматься Древней Исторіей? Прощайте же — до новаго искушенія!

XIX.

Царское время.

(1855. Апрѣля 17.)

Время царское дороже всего на свѣтѣ. Оно должно быть берегаемо и соблюдаемо, до послѣдней минуты, для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія.

Занимать Царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями — есть величайшее гражданское преступленіе.

Петръ I, отличавшійся отъ природы особенной дѣятельностію, и работавшій во всю жизнь отъ утра до вечера, жаловался часто на недостатокъ времени. А у него въ управленіи было только 10 милліоновъ. Теперь Русское государство считаетъ до 70 милліоновъ жителей, слѣдовательно число дѣлъ умножилось всемеро по естественному приращенію народонаселенія, и въ семьдесятъ разъ по вновь возникшимъ разнообразнымъ отношеніямъ между гражданами, не имѣющимъ сравненія съ прежними. Въ такой же соразмѣрности всѣ дѣла стали сложнѣе, мудренѣе и труднѣе для рѣшенія. Войско Петра I едва равнялось одному нынѣшнему отдѣльному корпусу. Что такое была торговля, виѣшняя и внутренняя, финансовая часть при

немъ, и что онѣ при насъ! О печати ему нечего почти было думать, между тѣмъ какъ для современнаго Государя печать есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ заботы. Сравните число служащихъ чиновниковъ, которыхъ надо руководствовать, наблюдать, награждать и наказывать. А донесенія объ особенныхъ происшествіяхъ со всѣхъ концовъ Имперіи, оффиціальныя приемы, осмотры, путешествія, проэкты, доносы, жалобы, мнѣнія! Присоедините множество дѣлъ, назову ихъ искусственными, дѣлъ пустыхъ и ничтожныхъ, коимъ придается иногда важность для полученія лишней аудіенціи, для сообщенія доклада разительности, при чемъ запутываются понятія и должны напрягаться умственные способности, съ заблужденіемъ часто въ награду!

Мы не говорили еще о внѣшнихъ отношеніяхъ, кои ограничивались при Петрѣ I сосѣдними государствами. Нынѣ къ Русскому Царю везутся депеши изъ всѣхъ пяти частей свѣта, изъ Европы и Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Политика отдаленнѣйшихъ государствъ со всѣми ея превратностями, связь ихъ между собою, требуютъ неусыпнаго вниманія. До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ достигло количество дѣлъ, подвергаемыхъ на Высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе! мысль цѣпенѣетъ!

И вотъ Русскій Царь дѣлается первымъ труженикомъ своего царства, несчастіе послѣдняго батрака, у котораго, послѣ тяжкихъ, ежедневныхъ трудовъ, остается все таки нѣсколько времени для беззаботнаго отдохновенія. У Русскаго Царя нѣтъ этого времени — для возно-

шенія своего духа къ Богу и теплою сердечной молитвы; нѣтъ времени — для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства; ему некогда подумать о себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; ему некогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, свое чувство. Предъ его глазами мелькаютъ безпрестанно длинныя списки текущихъ обязанностей, и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды безконечныхъ дѣлъ, подъ которыми онъ долженъ проводить свои черты, груды, кои завтра смѣняются новыми, и такъ далѣе, безъ конца... Сизифова работа!

Есть ли физическая, не только умственная возможность заниматься ими, съ перерывами и отвлеченіями, еще болѣе тягостными, безъ противуестественнаго напряженія, безъ неизбѣжнаго утомленія, безъ расслабленія всѣхъ силъ, иногда медленнаго, но всегда гибельнаго, не зародивъ во глубинѣ своего сердца этого страшнаго внутренняго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое крѣпкое, тѣлесное здоровье, и истомитъ самую твердую душу? Какое зрѣніе не притупится отъ однихъ взглядовъ, бросаемыхъ по заказу на всю эту пестроту!

Несчастливая система, низведшая въ гробъ, вмѣстѣ съ внѣшними неожиданными ударами, покойнаго Императора Николая Павловича. Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу Отечества, онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ продолженіе тридцати почти лѣтъ не думая о себѣ, и палъ наконецъ жертвою царственнаго долга, самимъ на себя возложеннаго. Увлечшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со вре-

мень Петра I всѣ обстоятельства перемѣнились, и что Петровское дѣланіе перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ, что большая часть дѣлъ, не смотря на видимую непосредственную зависимость отъ Государя, обращается такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго священнымъ Царскимъ именемъ, и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ сказать, сама собою, по установленному порядку, вопреки, часто, его желанію, въ ущербъ общей пользѣ, въ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіею въ натурѣ.

Первая, по моему мнѣнію, задача Государственному Совѣту въ наше время — разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на Высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія Самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы высшими вѣдомствами.

Вторая задача — опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи — бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ.

Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставить еще Государю и его ближайшимъ сотрудникамъ средства узнавать людей, которыхъ при прежней системѣ узнавать было не возможно, а въ тѣсномъ кругѣ приближенныхъ мудрено дѣлать и выборъ. Даръ выбирать людей, впрочемъ очень рѣдкій въ исторіи всѣхъ государствъ, лишился нынѣ почти своей цѣны и значенія,

потому что Государь, по ходу дѣлъ, не можетъ быть въ такомъ близкомъ общеніи съ народомъ, въ какомъ былъ Петръ I и даже Екатерина II. Этотъ случайный даръ долженъ замѣниться дѣйствіями гласности и общаго мнѣнія.

Государь, освободясь изъ подъ бремени гнетущихъ его, часто безъ нужды и пользы, дѣлъ, облегчась, такъ сказать, во всѣхъ своихъ движеніяхъ, войдя въ свои человѣческія права, возможетъ посвящать полное вниманіе на дѣла, достойныя его высокаго сана, употреблять свое время на спокойныя размышленія о великой Царской обязанности, обращать свой умъ, куда заблагоразсудится, и вести Богомъ ввѣренный ему народъ къ великой его цѣли, по избранному пути, такъ, какъ Богъ ему на сердце положить! Господи! вразуми Его, спаси, сохрани и помилуй!

XX.

Потребности минуты.

(Мая 16. 1855.)

Отечество въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, если еще не опасныхъ: союзниковъ благонадежныхъ мы не имѣемъ; друзья насъ выдали; враги напираютъ со всѣхъ сторонъ; всѣ внутреннія дѣла давно уже пришли въ страшный безпорядокъ. Невидать никакого порядочнаго выхода. Европа выслала противъ насъ сто тысячъ, и мы, имѣя подъ ружьемъ полтора милліона героевъ, не можемъ управиться съ ними въ продолженіе двухъ лѣтъ, и уступаемъ вездѣ въ количествѣ; не можемъ выжить ихъ даже изъ своихъ предѣловъ, не смотря на помощь болѣзней, бурь и ихъ ошибокъ. Припасы наши истощаются понапрасну, безпрестанные наборы ослабляютъ населеніе, опустошаютъ землю, торговля остановилась, золото сибирское расточается дурно, а что всего хуже, правда вышла изъ общаго употребленія, какъ ненужная ассигнація, и замѣнилась вездѣ всепроникнувшею ложью, которая со всякою минутою покрываетъ тьмою глаза правительства гуще и гуще.

Какое заключеніе съ перваго взгляда выведетъ посторонній наблюдатель, обозрѣвая настоящее положеніе?

Старыя формы распоряженій, отношеній, назначеній, отчетовъ, всего дѣлопроизводства, обветшали, оказываются недостаточными, и въ новыхъ обстоятельствахъ

должны быть пріискиваемы новыя средства спасенія. Платье износилось, если и было сначала хорошо и красиво: нельзя ходить въ лохмотьяхъ, хотъ и парчевыхъ, бархатныхъ, атласныхъ.

Къ числу такихъ новыхъ средствъ осмѣливаюсь напомнить на одно самое старое — земскую думу: пусть велитъ Государь прислать къ нему „изъ большихъ, среднихъ и мелкихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о земскомъ дѣлѣ говорить,“ — и всѣ Русскіе люди авось подымутъ поникнувшую свою голову, разверзутъ уста, прильнувшія къ гортани, посовѣтуются между собою искренно и любовно, и представятъ Царю по древнему обычаю откровенныя мнѣнія о всѣхъ современныхъ вопросахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, а Царь рѣшай, какъ Богъ ему на сердце положить. Не можетъ быть, чтобы изъ семидесяти милліоновъ народа, столько даровитаго, не нашлось на всякое дѣло по нѣскольку умныхъ совѣтниковъ и добросовѣстныхъ исполнителей. Нашелся же въ 1612 году Генералъ-Интендантъ для дѣйствующей арміи Нижегородскій мѣщанинъ Козьма Мининъ, который управилъ своимъ дѣломъ лучше всякаго нынѣшняго Коммисаріатскаго Департамента. Нашелся же въ осажденномъ Севастополѣ Капитанъ Тотлебенъ, который съумѣлъ защитить до сихъ поръ городъ землею отъ всѣхъ вновь изобрѣтенныхъ бомбъ, картечей и пуль, со стороны, оставленной безъ вниманія многими полными генералами.

Вѣрно найдутся на общемъ совѣтѣ, по мірскому приговору, новые способные главнокомандующіе, генералы и офицеры, и въ гласъ народномъ послушится гласъ Божій.

Вѣрно найдутся также разныя облегчительныя мѣры для продовольствія и снабженія войскъ всѣми нужными вещами; укажутся новые источники доходовъ, откроются средства для содѣйствія обращенію денегъ.

Мы всѣ теперь упали духомъ, ослабѣли, опошлѣли, притупѣли, испортились, развратились, отвыкли отъ участія въ общемъ дѣлѣ — и лжемъ безъ всякаго милосердія! Когда новый Царь, встрѣченный съ такою любовію, произнесетъ великое слово, и призоветъ къ жизни Русскій народъ, онъ вѣрно возродится, встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, стряхнетъ съ себя оковы всѣхъ пороковъ, наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ, будетъ готовъ на всѣ пожертвованія, и оставитъ всякіе мелочные расчеты.

Мы представляемъ теперь трупъ, впрыснутый уже мертвою водою; насъ надо впрыснуть живой водою, — и Европа удивится, можетъ быть, Русской силѣ.

Невѣжи, злоумышленники, подлецы, будутъ пугать правительство французской революціею, которая произошла изъ *Assemblée nationale*. Нелѣпыя опасенія! Революція во Франціи возникла изъ сѣмянъ, брошенныхъ Исторіею еще въ началѣ государства, которыхъ у насъ не было, а потому не можетъ быть и ихъ несчастнаго плода. Мы соберемся въ думу съ любовію, въ духѣ преданности къ Государю, не питая ни къ кому злобы, ни ненависти, желая отъ души пособить Правительству, въ его мудромъ и трудномъ положеніи, нашимъ словомъ и дѣломъ, какъ до сихъ поръ были съ нимъ за одно своимъ помышленіемъ. Народъ во Франціи требовалъ почти насильно собранія, а у насъ едва-ли есть десять человѣкъ, кото-

рымъ приходитъ въ голову Земская Дума, какъ средство, могущее вывести насъ сколько нибудь изъ труднаго положенія. Я самъ, пишучи эти строки, предлагаю такую мѣру, какъ частное, личное мнѣніе, и отнюдь не приписываю ей исключительно необходимости.

Пусть придумаютъ другую мѣру, если не нравится эта, напримѣръ позволеніе, хоть на извѣстный срокъ, выражать всякому печатно свое мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи государства, и средствахъ для содѣйствія общему благу. Не понравится и эта мѣра, пусть правительство постарается всѣми зависящими отъ него средствами узнать способныхъ, честныхъ и дѣятельныхъ людей по всѣмъ сословіямъ и по всѣмъ вѣдомствамъ, коихъ оно могло бы употребить по усмотрѣнію, ибо все, все и все зависитъ отъ выбора людей. Найдите средство такъ или иначе, угадать ихъ, и все пойдетъ хорошо. Только не останавливайтесь въ старыхъ колеяхъ, съ прежнею системою. Пренная система отжила свой вѣкъ. Самъ Богъ, взявъ съ поприща дѣйствій покойнаго Государя, показалъ намъ, что для Россіи нужна теперь другая система. Если бы достаточно было прежней, то онъ оставилъ бы покойника управлять такъ, какъ онъ управлялъ уже тридцать лѣтъ. Предавъ управленіе въ другія руки, Онъ Самъ явилъ очевидно свою волю. Намъ остается внять высшему глаголу и исполнить высшее повелѣніе, ясно выраженное, чтобъ не велѣлъ Онъ ввергнуть неключимыхъ рабовъ во тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ!

Мая 16, 1855 года.

XXI.

Іюля 30. 1855.

Подобно древней Кассандрѣ, считаю я своимъ злополучнымъ долгомъ возносить по временамъ голосъ и сообщать во всеуслышаніе то, что представляется мысленнымъ моимъ взорамъ среди непрерывныхъ тщательныхъ наблюдений надъ текущею Исторіею.

Это второе зрѣніе, это историческое чутье обманывало меня рѣдко (на что могу я представить много осязательныхъ доказательствъ изъ прежнихъ моихъ политическихъ писемъ), и потому заслуживаетъ довѣріе.

Говорю такъ, разумѣется, съ тою единственно цѣлю, чтобъ *привлечь* сколько-нибудь *вниманіе* къ содержанію настоящей моей записки, дабы она не проскользнула безъ дѣйствія, доставивъ одно занимательное чтеніе.

Преданность моя Престолу извѣстна Государю Императору съ давнихъ лѣтъ, и онъ знаетъ, что перомъ моимъ водить одна искренняя любовь къ отечеству, которой, на смотря на грубость иногда ея выраженія, отдавалъ справедливость самъ покойный его Родитель.

Обстоятельства такъ важны и страшная развязка

приближается такъ быстро, подобно евангельскому жениху, что судьба пяти дѣвъ юродивыхъ должна приводить въ трепетъ всякаго истиннаго сына отечества, колыми паче сановниковъ, находящихся при кормилѣ правленія.

Общее вниманіе Европы, Россіи, Правительства, народа устремлено теперь на Севастополь и Кронштатъ. Точно, подъ Севастополемъ разыгрывается страшная драма, надъ Петербургомъ восходитъ грозная туча; но рѣшеніе великаго вопроса происходитъ не тамъ. Это только занавѣсы, за которыми совершается главное дѣйствіе, кроваво-громовые отводы вниманія, и предметы для разговоровъ праздною Европейскою публики.

Не для Севастополя, котораго враги удержать не могутъ, если и возмутъ, не для Кронштата, котораго разрушеніе съ самимъ Петербургомъ причинить только временный убытокъ (и, можетъ быть, вѣковѣчную пользу), употребляютъ Франція и Англія ежегодно по милліарду, приносятъ въ жертву сотни тысячъ войска, истощаютъ свои силы и ставятъ на карту свою судьбу!

Они хотятъ раздѣлить между собою Турцію, точно какъ въ прошедшемъ столѣтіи раздѣлена была Польша, съ тою разницею, что мы отстраняемся отъ законнаго участія въ наслѣдствѣ, теряемъ плоды столѣтнихъ усилій, подвиговъ и побѣдъ, отталкиваемся съ презрѣніемъ отъ того вѣнца, до котораго прикасались уже рукою.

Эта цѣль обнаруживается теперь такъ ясно, что для ея усмотрѣнія не нужно даже втораго зрѣнія, достаточно первое, лишь бы не закрывалось оно туманомъ.

Уже въ газетахъ говорится о требованіи союзниками

проливовъ Константинопольскаго и Дарданельскаго, въ обеспеченіе турецкаго займа.

Сильнѣйшія укрѣпленія воздвигаются ими на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ Чернаго моря, не исключая Крымскихъ береговъ.

Да, передъ нашими глазами враги *берутъ во владѣніе* Турцію. Константинополь, Египетъ, Аравія, Малая Азія, острова, гавани въ Синопѣ, Батумѣ, Трапезунтѣ, Варнѣ, чего добраго въ Еникалѣ, Камышѣ, вознаградятъ ихъ съ лихвою за принесенныя жертвы, и покроютъ съ излишкомъ всѣ ихъ долги, прошедшіе, настоящіе и будущіе.

Молдавія и Валахія, по старинному плану Талейрана, отдадутся, можетъ быть, Австріи, если это искаріотское государство находится съ ними *въ тайномъ заговорѣ*, въ чемъ едва ли и сомнѣваться можно.

Изъ Славянскихъ странъ — Болгаріи, Сербіи, Босніи, образуются свободныя государства, которыя рады будутъ получить себѣ политическую независимость отъ кого бы то ни было, и примутъ съ благодарностію западное покровительство.

А мы? мы отсидимся на развалинахъ Севастополя, озаренные славою неустрашимости и твердости, оправданные предъ Европою въ приписанныхъ намъ замыслахъ властолюбія, доказавшіе торжественно свою невинность и простосердечіе!

Но не долго продолжится и это спокойствіе! Польша встанетъ непремѣнно, ободренная и возбужденная врагами, которымъ захочется ослабить насъ вдосталь. Мы

должны будемъ спѣшить на западную границу, и отстаивать грудью родные предѣлы

Неминуемо нападеніе и съ прочихъ сторонъ, которое можно предвидѣть по правоученію басни Крылова о Львѣ въ старости.

Вотъ тогда-то отодвинется Россія въ самомъ дѣлѣ на двѣсти лѣтъ назадъ, въ исполненіе западной похвалы, которую мы слушали съ такою улыбкою презрѣнія, какъ нѣчто нелѣпое и невозможное, вотъ тогда-то вздрогнуть и застонуть въ своихъ глубокихъ могилахъ кости Петра, Екатерины, Александра и самого Николая Павловича!

Въ мудреныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ принимаетъ Государь свою державу, разстроенную въ то же время внутри, хотъ ослѣпленные льстецы и славятъ ея благоденствіе! Какая страшная отвѣтственность угрожаетъ Ему въ потомствѣ! Какія проклятія посыплются на Его покойнаго отца! Какое презрѣніе достанется на долю настоящаго правительства, всѣхъ васъ, допустившихъ и допускающихъ подобные ужасы . . .

А они грозятъ намъ — это вѣрно! *Пусть всякій изъ васъ, читающій эти строки*, скажетъ, положя руку на сердце, могутъ ли они случиться съ нами или нѣтъ?

Если могутъ, такъ такъ подумайте, какъ ихъ отвратить!

Скажутъ: есть Богъ, который событіямъ полагаетъ предѣлъ, его же не преjdeши.

Противъ этого положенія никто спорить не станетъ,

но нельзя спорить и противъ другаго, что люди, съ своей стороны, должны дѣлать свое дѣло, предаваясь въ волю Божію, отъ коей всегда зависитъ исходъ.

Другое возраженіе: предположенія вѣроятны, но всё-таки, по тѣмъ или другимъ причинамъ, могутъ не исполниться, и въ случаѣ ихъ неисполненія всякое новое наше движеніе можетъ причинить вредъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Въ томъ-то и мудрость политики — выбрать такое положеніе, найти такія средства, принять такія мѣры, кои, во всякомъ случаѣ, застрахоывая потерю, обеспечивая пользу, не могли-бъ причинить намъ никакого вреда, какъ бы ни оборотились обстоятельства.

Не стану ихъ указывать теперь, чтобъ не отвлекать вниманія отъ главной цѣли моего письма, которая есть — показать, по долгу званія своего и присяги, историческое *значеніе минуты*, возбудить, уяснить *сознаніе опасности* великой, какой не бывало еще въ Русской Исторіи, ни на Куликовѣ полѣ, ни подъ Полтавою, ни въ Бородинѣ, опасности, тѣмъ болѣе страшной, что она вовсе какъ будто не примѣчается.

Какъ бы то ни было, настоящее письмо мое послужить, чего оборони Боже, *обвинительнымъ актомъ* нашихъ государственныхъ людей предъ судомъ Исторіи и предъ судомъ потомства, если они, не возвышаясь *надъ формами и формальностями*, оставятъ молодаго Государя, удрученнаго скорбію, смущеннаго страшной отвѣтственностію, волнуемаго мудреными, ежеминутно-новыми обстоятельствами, — безъ дѣятельнаго, ревностнаго, всесторонняго

своего содѣйствія, и не постараются облегчить Его бремени, превышающаго человѣческія силы.

Р. S. Въ званіи историка долженъ присовокупить я здѣсь, что отечественная Исторія представляетъ одинъ, впрочемъ разительный, примѣръ для ободренія: въ 1600 годахъ вся Россія доставалась Сигизмунду III, но онъ хотѣлъ взять прежде Смоленскъ, — и далъ время перемѣниться обстоятельствамъ, спастися Россіи! Не будетъ ли теперь задержка подъ Севастополемъ имѣть подобное значеніе? О если бы! Во всякомъ случаѣ темная надежда не должна ослаблять дѣятельности!

Р. S. 7 Августа. Политика нашего времени измѣняется, какъ погода: Барометръ поднимается и падаетъ безпрестанно. Послѣднія извѣстія съ Запада говорятъ въ нашу пользу: между врагами замѣчается несогласіе. Лордъ Руссель вопіетъ противъ иностранныхъ войскъ въ Италіи, газеты ругаютъ Австрію, и вѣроятіе темнаго заговора уменьшается. Тѣмъ лучше! Во всякомъ случаѣ осторожность не помѣшаетъ, и новыя, сильныя, разнообразныя мѣры обезпечать только успѣхъ нашего праваго и святаго дѣла.

XXII.

(Января 3. 1856.)

Намѣренія нашихъ враговъ обнаруживаются яснѣй и яснѣе: они сожгли нашъ флотъ, разрушили Севастополь, уничтожили всѣ Черноморскія крѣпости, — и все-таки продолжаютъ войну съ прежнимъ ожесточеніемъ, напрягаютъ еще болѣе силы, вооружаютъ новые союзы.

Чего же хотятъ они? Съ какою цѣлію тратятся занимаемые съ нуждою милліарды, высылаются на убой и болѣзнь свѣжія арміи, приносятся всякія жертвы? Цѣль должна соотвѣтствовать усиліямъ.

Поддержать Турцію? Она кончается въ ихъ объятіяхъ. Овладѣть Турціею? Нельзя, имѣя въ сосѣдствѣ противъ себя сильную Россію. Слѣдовательно для нихъ необходимо ослабить Россію, то есть привести ее въ такое положеніе, чтобы она не могла не только мѣшать имъ въ исполненіи ихъ намѣреній относительно Турціи, но и лишиться бы средствъ на будущее время поправить свои обстоятельства, возвратить потерянное, возстановить свое могущество, и стать на то мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ, съ котораго теперь низводится.

Какъ же можно ослабить Россію?

Отнятіе у Россіи одной какой бы то ни было области не принесетъ врагамъ никакой пользы, потому что ослабить ее весьма мало, а ихъ будетъ изнурять постоянно необходимостію содержать многочисленное войско для охраненія, съ перспективою потерять ее при первомъ случаѣ съ безчестіемъ.

Не могутъ они предполагать, чтобы мы уступили имъ что-нибудь равнодушно, и не стали стараться о возвращеніи, не смотря ни на какіе обязательные трактаты, всегда удобные для толкованій произвольныхъ.

Оставленіе Россіи въ настоящихъ ея предѣлахъ, хотя бы были возложены на нее другія тягостныя условія, будетъ мѣшать всегда вліянію враговъ на востокъ, препятствовать ихъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, держать ихъ въ безпрестанномъ страхѣ, грозить жестокимъ наказаніемъ за настоящій ударъ, нанесенный ей въ то время, какъ она не думала ни о какихъ завоеваніяхъ.

Ослабить Россію замышляютъ они очевидно лишеніемъ всѣхъ западныхъ областей и ссылкою насъ за Днѣпръ. Бессарабія присоединится къ Молдавіи и Валахіи, и изъ нихъ образуется особое государство для отдѣленія насъ отъ Славянъ; южные Славяне можетъ быть также составить другое независимое государство; Царство Польское съ присоединеніемъ смежныхъ областей составитъ третье государство, враждебное Россіи, загораживающее ее отъ Европы; Остзейскія губерніи вмѣстѣ съ Финляндіею должны будутъ усилить Швецію, а Закавказье отойти къ новымъ владѣльцамъ Азіатской Турціи и Персіи. Вотъ передѣлка Европейской карты, кото-

рая впрочемъ уже давно повторяется въ газетахъ. Мы останемся въ предѣлахъ Царя Михаила Ѳеодоровича, изъ которыхъ разумѣется уже вновь выйти будетъ мудро. Вотъ цѣль Англо-Французскаго союза, для которой приносятся такія жертвы, и къ которой, что вы ни говорите, они постепенно придвигаются. Никакой другой предположить нельзя, ибо всякая другая не можетъ принести имъ прочной пользы, а развѣ постоянный вредъ. Иначе всѣ труды ихъ потеряны и всѣ жертвы принесены даромъ!

Могутъ ли единоборцы довольствоваться тѣмъ, что у того или другого ушибена будетъ въ бою одна рука или одна нога, или даже отсѣченъ тотъ или другой палецъ, проломлена голова. Нѣтъ, такія раны только раздражаютъ, усиливаютъ злобу, возбуждаютъ жажду мести. Борцы хотятъ повергнуть другъ друга на землю, привести въ такое положеніе, чтобъ нельзя было встать на ноги, начать новую борьбу, или искать случая отмстить такъ или иначе. Убить соперника до смерти, или по крайней мѣрѣ связать ему руки и ноги, выколоть глаза, приковать къ позорному столбу, чтобъ онъ не смѣлъ и шелехнуться — вотъ чего хотятъ смертельные враги. Вотъ что хочетъ сдѣлать и съ Россією остервенившійся западъ.

И надо согласиться, что шагъ за шагомъ, но идутъ враги неукоснительно, безостановочно, впередъ къ своей цѣли, не смотря ни на какія встрѣчаемыя трудности. Для нихъ все какъ будто равно, успѣхи или неудачи, побѣды или пораженія; счастье, несчастье, ничего не существу-

еть! Дальше, дальше! Вотъ что ихъ только занимаетъ и наполняетъ. Они останавливаются, задерживаются на своемъ пути, принуждены бываютъ употреблять болѣе назначеннаго времени, денегъ, людей, какъ то случилось подъ Севастополемъ, подъ которымъ простояли они одиннадцать мѣсяцевъ вмѣсто дней, какъ то случилось на Балтійскомъ морѣ, гдѣ они въ два года успѣли еще не много, — но это однѣ временныя отстрочки и промедленія. Они все-таки идутъ, идутъ впередъ, и хотятъ во чтобы ни стало достигнуть предполагаемой цѣли, которая видно по ихъ расчетамъ вознаградитъ ихъ съ лихвою за все.

Взгляните на ихъ положеніе, вспомните, откуда они пошли, и посморите, куда уже они непримѣтно пришли; подумайте, какія открываются передъ ними новыя поприща. Сперва отняли они у насъ Черное море, потомъ Азовское, укрѣпились, говорятъ, неприступно на главныхъ пунктахъ Крымскихъ береговъ, разрушили Севастополь, твердыню, воздвигавшуюся пятьдесятъ лѣтъ, сожгли Керчь, Таганрогъ, Бердянскъ, и прочіе приморскіе города, выгнали насъ изъ Анапы, и заставили оставить всѣ Кавказскія береговыя крѣпости, оставить Камчатку, загородили устья Днѣпра, Буга и Дона, уничтожили нашъ Черноморскій флотъ, заперли Балтійское и Бѣлое моря, обезоружили Аландскіе острова, сдѣлали опытъ надъ Одессою и Свеаборгомъ. Теперь гроза виситъ надъ Николаевымъ и Кронштадомъ. Можетъ быть высадятся они въ Азіатской Турціи, Бессарабіи, Курляндіи, откуда подвергнутся опасности Польша, Литва, Подолія и Закавказье. Союзниковъ у насъ нѣтъ. Наши нейтральные

друзья держутся не любовію къ намъ, не участіемъ въ нашей судьбѣ, а только страхомъ, чтобъ опасность не увеличилась для нихъ съ другой стороны, безъ нашего *contre-poids*, а когда увидятъ, что мы не можемъ устоять и принуждены будемъ уступить, тогда налягутъ на насъ вмѣстѣ съ прочими, и даже Европейскіе зайцы, откуда ни возмутся, и потянутъ за ухо. Узнаемъ мы и ослиныя копыта!

Угрозы, кои мы считали хвастовствомъ, упоенные мыслию о своемъ могуществѣ, начинаютъ сбываться къ нашему удивленію, стыду и горести. Будущее помрачено новыми опасностями. А прошедшее какъ будто уже и не бывало: слѣды Екатерининскіе пропали, воспоминаніе о требованіяхъ князя Меншикова, о правомъ и святомъ дѣлѣ, существуетъ только въ старыхъ газетахъ, съ которыми никто не справляется.

А между тѣмъ негоціаціи продолжаются, то одно посредничество принимается, то другое; повѣренныя разъѣзжаютъ отъ Двора къ Двору; — это во первыхъ вѣрное средство содержать насъ въ неопредѣленномъ положеніи, между страхомъ и надеждою, сномъ и бдѣніемъ, маня ожиданіями, не допускать до рѣшительныхъ мѣръ, кои могутъ затруднить ихъ еще болѣе. Во вторыхъ это пособіе занимать праздную Европейскую публику и наполнять газетные столбцы. Наконецъ это запасное средство, на случай какого-нибудь внезапнаго несчастія, потери большаго сраженія, признаковъ внутренняго неудовольствія, переменъ мыслей, изнуренія, утомленія, — превратностей, которыхъ нельзя предвидѣть въ военное время. Тогда,

затаивъ въ сердце злобу, враги, разумѣется, принуждены будутъ остановиться на своемъ пути, отложить свои задушевныя желанія, и, смотря по обстоятельствамъ, уменьшить свои требованія, впредь до благопріятнѣйшаго времени.

А пока ихъ нѣтъ, то есть, пока нѣтъ для нихъ существенной необходимости уступить, до тѣхъ поръ всѣ разговоры — пустая болтовня.

Вспомнимъ, что мы пронадѣялись кончить войну Вѣнскою нотой, потомъ принятіемъ четырехъ гарантій; нынѣшнія предложенія содержатся втайнѣ.

Многіе говорятъ теперь: лучше бъ согласиться намъ было прежде на ограниченіе флота четырьмя кораблями — сгорѣли же они всѣ. Пустое и бесполезное раскаяніе! Если бы мы согласились тогда имѣть только четыре корабля, то у насъ спросили бы, пожалуй, пяти крѣпостей и другого чего. Мы унизились бы тогда по напрасну, безъ всякой пользы и безъ всякихъ видовъ для себя; по напрасну унижаемся и теперь, дѣлая ту или другую уступку, потому что со всякою новою уступкою мы увлекаемъ враговъ дальше и дальше на ихъ пути, вызываемъ только наружу новыя требованія, оди́ за другими, на кои въ заключеніе мы все-таки не можемъ согласиться, и безъ коихъ въ свою очередь они не оставятъ насъ въ покоѣ.

Опредѣленность цѣли — вотъ ихъ сила. Неопредѣленность — вотъ наша слабость.

Соотвѣтственно съ цѣлю у нихъ есть точная система, а у насъ, непрерывная шаткость и потому неуспѣхъ.

Планъ ихъ долженъ быть колоссальный, на нашу

пагубу, начертанный вѣроятно съ самаго начала войны вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ, и только для Европейской толпы, для нашего усыпленія, раздѣленный на приемы, черезъ часъ по ложкѣ. Наша первая бѣда, наша злосчастная, роковая ошибка, что мы всякую ложку, впродолженіе двухъ лѣтъ, считали и теперь еще считаемъ послѣднею, а сосудъ полонъ оцта! Наша пагубная вина, что мы сражались и теперь еще сражаемся съ настоящею минутою, а все будущее, то есть всю судьбу свою, (не говорю уже судьбу своего племени), оставляемъ по Русски на авось! Мы защищали Севастополь, теперь стараемся удержать Крымъ, укрѣпляемся въ Николаевѣ и Кронштатѣ, готовимся встрѣтить въ Бессарабіи, и забываемъ, что дѣло идетъ не о Севастополѣ, не о Крымѣ, не о Петербургѣ, а дѣло идетъ о спасеніи Россіи, о судьбѣ Славянскаго міра!

Планъ колоссальный, которому надо отдать честь, смотря съ ихъ точки зрѣнія! Не въ пустыхъ головахъ могъ онъ зачатся! Не подъ гладкими черепами и узкими лбами могъ онъ помѣститься. Духомъ всего запада породился онъ! Европа увидѣла, почувствовала, почувяла опасность, и поднялася! Вопросъ не восточный рѣшается, а всемірный: быть или не быть Россіи? Не быть, излиха вошіютъ враги. Быть — молится, надѣется и вѣруетъ Русское сердце.

Страшный замыселъ! А есть въ немъ много и такого, чего не видятъ враги, чего не видимъ мы, что откроется въ событіяхъ, чѣмъ лице всего дѣла измѣнится, и посрамятся люди, и прославится Господь! Тайны Божія неи-

сповѣдимы: намъ предоставлено видѣть, что доступно для глазъ, слышать, что раздается въ ушахъ, судить по законамъ непреложнымъ ума, и дѣлать, во всякую минуту по совѣсти, на основаніи положительныхъ данныхъ, свое дѣло.

Этотъ умъ и эта совѣсть повелѣваютъ намъ отложить ту систему, которая привела насъ на край гибели. Этотъ умъ и эта совѣсть повелѣваютъ намъ избрать другую систему, которая могла бы открыть намъ исходъ спасенія.

Съ послѣдователями прежней системы объясниться легко:

Вы не хотѣли брать Константинополя, чтобъ не воевать съ Европою, ну вотъ Константинополь заняли Французы съ Англичанами, а война все-таки на вашихъ плечахъ, да еще гдѣ, подъ Петербургомъ, въ Крыму и предъ сердцемъ Россіи.

Вы не хотѣли ласкать Славянъ, чтобъ не возбудить ничьей подозрительности, — и охладили ихъ, а Австрійцы и Англичане все-таки за мнимыя козни налегли вамъ на шею, да и придавили такъ, чтодохнуть вамъ трудно.

Вы гонялись за славой великодушія и безпристрастія, и закаляли ей въ жертву ежедневно по сту воловъ и тысячъ барановъ, а во всей Европѣ раздается анаѣема вашей алчности и подлости.

Ясны ли вамъ слѣдствія, совершенно противоположныя вашимъ намѣреніямъ и вашимъ дѣламъ? Въ добавокъ — самое могущественное государство въ мірѣ виситъ въ эту минуту по вашей милости на волоскѣ, и должно

трепетать за свое прошедшее, за свое настоящее, и за свое будущее. Союзниковъ у васъ нѣтъ, друзей не бывало, враги кругомъ, и предатели за всѣми углами. Ну такъ скажите хороша ли была ваша политика?

Станемъ же искать другую! Разберемъ все порядкомъ, по суставамъ, пойдемъ какъ въ математикѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, приведемъ дѣло въ ясность, и потомъ опредѣлимъ образъ дѣйствія, поставимъ цѣль, поищемъ средствъ.

Изъ предложеннаго разсужденія явствуетъ, что враги положили между собою — унизить, разслабить, обогреть и поразить Россію.

Можемъ ли мы допустить это? Пусть положа руку на сердце, отвѣчаетъ Царь, правительство, народъ.

Царь не задумается ни на минуту отвѣчать рѣшительно: нѣтъ! На тронѣ предателей не бываетъ, сказалъ Карамзинъ. При самомъ вступленіи на престолъ онъ объявилъ намъ свои чувствованія, и мы ему повѣрили.

Всѣ члены Царскаго семейства думаютъ безъ всякаго сомнѣнія одинаково. Честь Россіи для нихъ священна. Какія угодно жертвы, они готовы принести для ея спасенія, и съ другой стороны ни за какія на свѣтѣ блага не посягнутъ на ея оскорбленіе въ жизненномъ вопросѣ, такъ поставленномъ нынѣ судьбою.

Нѣтъ — подастъ голосъ съ того свѣта и Онъ, покойникъ, который вѣрно согласился бы лучше умереть еще двадцать разъ въ жесточайшихъ мученіяхъ, чѣмъ допустить зазнаемо униженіе Россіи. Мы увѣрены въ томъ всѣ теперь, увѣрены были и при его жизни, какъ

ни тяжело было его время, вслѣдствіе ошибочной его системы.

И всѣ наши сановники, составляющіе правительство, на которыхъ мы столько жаловались и жалуемся, справедливо и несправедливо, не усомнятся ни мало дать отрицательный отвѣтъ. Личные расчеты, соображенія, двусмысленности, заднія мысли умолкнуть, забудутся и исчезнутъ. Составится одно мнѣніе, рѣшительное и благородное, когда дѣло дойдетъ до роковаго выбора.

Единодушіе умилительное и вмѣстѣ могущественное. Въ его истинѣ никто изъ насъ нисколько не сомнѣвается, и въ этомъ убѣжденіи находитъ себѣ утѣшеніе и ободреніе.

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ между собою въ высшей сферѣ, пусть правительство сообщить все дѣло народу, потому что жизненный вопросъ относится къ нему сполна.

Объясните ему исторію войны по порядку кратко, ясно и откровенно, какъ довлѣетъ Русскому толку, съ которымъ предлежитъ вамъ разсужденіе, неприбѣгая ни къ какимъ натяжкамъ и украшеніямъ.

Вотъ чего потребовали мы съ Турокъ съ начала, согласно съ нашими правами, по такимъ-то договорамъ. Мы получили отказъ, и чтобъ принудить къ исполненію нашихъ требованій, заняли Дунайскія княжества подъ нашимъ покровительствомъ издавна находящіяся. Морскія державы воспользовались этимъ случаемъ, неосторожно нами, хотя и безъ умысла поданнымъ, чтобы нанести намъ войну, замышленную впрочемъ гораздо прежде, какъ теперь по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла открывается.

Ни мало не приготовленные къ войнѣ, о коей намъ и въ голову не приходило, застигнутые въ распложъ, мы приведены были въ самое затруднительное положеніе. Покойный Государь вывелъ войско изъ княжествъ, дѣлалъ всѣ возможные уступки — ничто не помогало, и онъ палъ наконецъ жертвой этихъ непредвидѣнныхъ имъ обстоятельствъ.

Чѣмъ болѣе мы уступали, тѣмъ болѣе враги возвышали свои требованія, обвиняя насъ между тѣмъ предъ Европой въ властолюбіи и честолюбіи, то есть сводя съ больной головы на здоровую.

Вотъ что наконецъ они намъ объявили, а на умѣ держать еще гораздо болѣе: Турцію содержатъ они въ полномъ своемъ распоряженіи, и Султанъ безъ спроса не смѣетъ сдѣлать шагу, хотя война начата якобы за покушеніе на его права; Греціей, находящейся по трактатамъ подъ нашимъ покровительствомъ, консулы ихъ помыкаютъ, какъ вздумаютъ; Молдавія и Валахія, равно какъ и всѣ укрѣпленные мѣста по берегамъ Чернаго, Мраморнаго и Средиземнаго морей заняты военною силою. Этого мало, — хозяйничая такъ въ предѣлахъ своей несчастной союзницы, они вторглись въ наши границы, опустошаютъ всѣ берега, даже до отдаленной Камчатки и Америки, укрѣпились на многихъ важныхъ пунктахъ, погубили нашъ флотъ, разрушили Севастополь, и собираются разрушить Николаевъ и Кронштатъ, напасть на западныя границы. Однимъ словомъ, враги показали ясно свое непремѣнное намѣреніе стереть съ лица земли Россію, ту Россію, которая спасала нѣсколько разъ Европу,

и гремѣла доселѣ славою въ свѣтѣ, а вмѣсто нея поставить Россію другую и имѣ подчиненную, которая не могла бы даже распоряжаться своими средствами по усмотрѣнію, имѣла бѣ урочное число кораблей и крѣпостей, которая не могла бѣ ступить шагу безъ ихъ позволенія, и, вздумая помолиться въ Іерусалимѣ, прибѣгала бы къ католикамъ съ просьбой, дать ей ключи и отпереть двери отъ Гроба Господня. Православные! Какъ вы мекаете, можно ли согласиться на такіа условія?

Все дѣло, повторяю, должно быть растолковано хорошенько, въ ротъ, что называется, положено, какъ любить Русскій человѣкъ, языкомъ живымъ, теплымъ, задирающимъ за живое, проникающимъ душу, безъ общихъ мѣстъ, безъ нелѣпыхъ камуфлетовъ и безсмысленныхъ гатю-гамаюновъ, коими испещрены ваши похабныя реляціи и ноты. — Ярославскій половой долженъ понять, что ему уже не удастся зарабатывать въ Петербургѣ столько какъ прежде, для исправленія своихъ повинностей; Малороссійскій чумакъ долженъ понять, что не придется ему уже наживать въ Крыму столько какъ прежде, отъ рыбы и соли; Бѣлорусскій крестьянинъ долженъ понять, каково будетъ ему терпѣть отъ католиковъ и жидовъ. Словомъ весь православный людъ, купцы и мѣщане, чиновники и попы, солдаты и крестьяне должны, почесавъ затылокъ, вымолвить въ одинъ голосъ: нѣтъ, такъ это уже врется вамъ!

Въ предстоящей борьбѣ нужно общее участіе, — живое сознаніе, котораго въ народѣ у насъ еще недостаетъ. Причины войны, отношенія наши къ врагамъ, ихъ

намѣренія, угрозы и замыслы, все это покрыто туманомъ, все предоставлено догадкамъ, и о настоящемъ критическомъ положеніи яснаго понятія не имѣетъ никто. Чувствуется кое-гдѣ мѣстная боль, а что эта боль можетъ кончиться антоновымъ огнемъ или параличемъ, никому въ голову не приходитъ. Всѣ бродятъ какъ слѣпые ощупью. Самое ополченіе, собранное казеннымъ, а не сердечнымъ образомъ, среди переговоровъ о мирѣ на Вѣнскихъ конференціяхъ, не имѣетъ почти никакого значенія, и истощаетъ государственныя силы почти даромъ. Московское дворянство напрасно одно получило за него выговоръ. Рвенія нѣтъ нигдѣ и всѣ адреса есть ложь пренебрежительная! Все валится вездѣ какъ черезъ пень колода, все дѣлается какъ будто изъ подъ палки, по старой системѣ, а надо чтобы все одушевилось, все закипѣло и все выиграло! Душу живую надо вдохнуть въ эту онемѣвшую, оглохшую, ослѣпшую толпу, живой водой надо впрыснуть помертвѣлое тѣло.

Въ послѣднее время пропало самое преданіе о духѣ, и духъ пошелъ ни по чемъ, не принимаемый въ соображеніе, а всѣ дѣла рѣшаются числами на счетахъ, счетчиками, которые впрочемъ далѣе трехъ считать не умѣютъ.

Прочь всѣ счета, справки и отношенія, въ печку всѣ канцелярскія бумаги, долой всѣ колодки, тормазы, вериги и кандалы. Пусть раздается и дѣйствуетъ только живое народное слово!

Графъ Ростопчинъ говорилъ съ народомъ очень посредственно (для нашей иноязычной знати и то было въ диковинку), а какое дѣйствіе производили въ народѣ его

афишки. Что же будетъ, если заговорить съ народомъ отъ сердца къ сердцу, его настоящимъ языкомъ, и коснуться умѣючи всѣхъ тонкихъ струнъ его сердца: вотъ когда весь народъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, силы ваши усотерятся, и тогда вы можете дѣлать съ нимъ что хотите, вести куда угодно и спрашивать сколько нужно.

Дѣлать, вести, спрашивать — но прежде подайте примѣръ съ высоты для пожертвованій всякаго рода.

Государь занимаетъ двадцать покоевъ — пусть помѣстится въ пяти, и велитъ топить зимою только пять.

Шесть блюдъ подаютъ ему за столомъ — пусть подаютъ только три или четыре.

Государыня будетъ носить одно черное платье: въ одномъ черномъ платьѣ она будетъ казаться намъ еще прекраснѣе и милѣе.

Дѣтямъ ихъ кладутъ по три куска сахару въ чашку чаю — пусть пьютъ въ прикуску, и когда они будутъ жаловаться отъ чего не сладко, отвѣчайте имъ: отъ того не сладко, что Французы въ Крыму и Англичане подъ Кронштадомъ.

Всѣ члены Царской фамиліи должны точно также сократить свои издержки, и придворная контора сохранить половину суммъ въ уменьшеніе государственныхъ расходовъ.

Царедворцы, министры, приближенные, получающіе по пяти жалованій съ разныхъ вѣдомствъ, и по пяти арендъ разныхъ сроковъ, сверхъ единовременныхъ безсчетныхъ награжденій, должны отказаться хоть на половину отъ своихъ чудовищныхъ окладовъ. Богатымъ не

грѣхъ принести свои излишки для пополненія государственныхъ кассъ; прочіе должны по крайней мѣрѣ отказаться отъ надежды платить изъ казны свои блудные долги.

Всѣ увеселенія и празднества на время войны должно отложить, чтобъ Фанни-Черито не поднимала болѣе ногъ на сценѣ Императорскаго театра за сто тысячъ рублей, нужныхъ раненымъ, и чтобъ пѣвцы Италіанской оперы отправились улаждать слухъ веселой Европы, а Россіи въ одеждѣ скорби гораздо назидательнѣе и полезнѣе слушать инныя пѣсни съ церковныхъ крилосовъ.

Нелѣпо разсужденіе, что мы не должны показывать унынія Европѣ. Европа лучше нашего знаетъ наше положеніе, и вѣрнѣе нашего понимаетъ, больше ли намъ причинъ радоваться, чѣмъ скорбѣть, а высокими антрашами заѣзжей балансерки, или игривыми руладами сборныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, можемъ мы обмануть только себя, въ чемъ большой надобности не состоитъ при полномъ успѣхѣ очарованія. Откажемся отъ всѣхъ произведеній западной голодной изобрѣтательности! Чтобъ ни одна нога не заносилась въ иностранные магазины: полно платить намъ по десяти четвертей пшеницы за одну пару башмаковъ или перчатокъ, и по сту пудовъ сала или пеньки за одну вышитую косынку. Полно бросать золото и серебро за вѣтротлѣнныя ткани и букетныя вина. Обречемъ себя на лишенія и нужды, хоть на голодъ и холодъ, въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, будемъ всѣ терпѣть, страдать, трудиться, служить, гдѣ кому сподручнѣе, кто въ чемъ больше разумѣетъ, сколько у кого хватить силъ. Такая жизнь во всякомъ случаѣ принесетъ намъ пользу лучше

того потоугодія и чревонеистовства, въ которомъ мы, подъ музыку законнаго порядка, столько лѣтъ растлѣвались душевно.

А если наши труды увѣнчаются успѣхами — какая слава, какая будущность!

Твердите объ этихъ мѣрахъ во всѣхъ газетахъ Русскихъ и иностранныхъ. Описывайте всѣ приготовленія, и исчисляйте всѣ ополченія. Повторяйте въ разныхъ формахъ извѣстія о пожертвованіяхъ, о всеобщемъ пылкомъ желаніи продолжать войну. Снарядите нѣсколько экспедицій въ Индію хотъ на бумагѣ: чрезъ Персію, чрезъ Хиву, со стороны Кавказа. Толкуйте о покореніи Китая и Японіи, о союзѣ съ Америкою. Сотворите цѣлую литературу, которая нашла бъ отголосокъ въ Европѣ.

Если быть миру, такъ только вслѣдствіе такого рѣшенія. Европа остановится въ задумчивости предъ восторгомъ семидесяти милліоновъ народа, который рѣшится твердо побѣдить или умереть, и вытянетъ по своимъ границамъ пять-шесть линій войска — извольте пробиваться.

Севастополь, обошедшійся ей такъ дорого, дастъ понятіе, чего будетъ стоить кампанія, принимающая такіе размѣры.

Вся партія мира схватится за новыя извѣстія и возопіетъ о необходимости прекратить войну, которой и конца не предвидится.

А вы доставьте ей опору, привлечите себѣ общественное мнѣніе, разсѣйте опасенія — оглашеніемъ новой своей политики, для которой, де, Россія созрѣла, и въ которой увидѣла необходимость. Понимая желанія Европы, она

готова идти съ нею рука объ руку, исправлять прежнія ошибки, свои и чужія, пользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ, и содѣйствуя до сихъ поръ утвержденію законнаго порядка, содѣйствовать теперь къ утвержденію вездѣ законной свободы.

Свобода! Вотъ слово, которое должно раздаться на высотѣ Самодержавнаго Русскаго престола! Вотъ слово, которое соберетъ подъ знамя Русскаго Царя всю усталую и разстроенную Европу. Числа управляютъ міромъ, говорилъ Платонъ. Слова господствуютъ надъ нашимъ временемъ, — и во главѣ этихъ могущественныхъ, очаровательныхъ словъ, звучитъ вождѣнная свобода! На западѣ оно износилось, обветшало, опошлѣло, осквернилось богохульными устами кровожаднаго разврата и остервенившагося голода. Вездѣ потеряло оно свой смыслъ: въ Германіи стало отвлеченностію, во Франціи шуткою, въ Англіи юродствомъ. У насъ, доселѣ не слышное, и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властію, найдетъ оно отголосокъ во всей Европѣ, возбуждая сочувствіе и взыграетъ надежда радощами во всякомъ благородномъ сердцѣ.

Мои письма обвинялись въ поэзіи. Смѣю похвалиться теперь, что оказывались онѣ часто математически вѣрными, ибо многія мои предположенія оправдывались событіями. Прочтите ихъ и вы удостовѣритесь. Могу снять здѣсь съ себя и другую укоризну — въ пристрастіи къ однажды принятому мнѣнію: въ продолженіе трехъ лѣтъ, я указывалъ разныя средства, смотря по ходу обстоятельствъ.

Первымъ моимъ паролемъ при началѣ войны было:

Константинополь. Когда мы перешли Дунай, я воскликнулъ: Славяне!

Когда Австрійцы заключили договоръ 2 Декабря, я совѣтовалъ обратиться къ національностямъ.

Когда скончался Императоръ Николай Павловичъ, я напоминалъ о дружескомъ соглашеніи съ Франціей.

Всякое новое происшествіе измѣняетъ лице вопроса.

Намъ теперь нечего думать о Константинополѣ: онъ закрылся облакомъ. Мы не можемъ войти въ непосредственное сношеніе съ Славянами: они отлучены отъ насъ далеко. Поднимать прочія Европейскія національности нельзя, чтобъ не раздражить Австріи и Пруссіи, которыя могутъ привести насъ въ положеніе еще болѣе затруднительное.

Намъ остается дома возстать всѣми силами, и въ Европѣ пріобрѣсти сильнаго союзника — въ свободѣ!

Какъ бы желалъ я растолковать нашимъ государственнымъ людямъ, что эта свобода не уменьшитъ нисколько силы правительства, а увеличитъ, укрѣпитъ и утвердитъ ее, что она не можетъ причинить намъ никакого вреда, а доставитъ многообразную пользу; не подвергнетъ насъ никакимъ новымъ опасностямъ, а отвратитъ многія старыя!

О если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!

Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ,
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства славный даръ!
Увижу-ль, о друзья, народъ освобожденный,
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

Слово — и дѣло, говорили наши предки.

Слово должно сопровождаться дѣломъ для убѣжденія Европы въ искренности и дѣйствительности новаго рѣшенія.

Дайте Полякамъ конституцію, то есть позвольте имъ сочинить себѣ конституцію, которую они уже имѣли, и которую вѣрно будутъ сочинять нѣсколько лѣтъ.

Провозгласите амнистію всѣмъ Полякамъ, которые принесутъ къ вамъ капиталы, знанія, способности, опыты, и лишатъ Французскія, Англійскія и Турецкія войска значительной помощи.

Простите нашихъ политическихъ преступниковъ, которые вѣрно возвратятся тихими агнцами и провозвѣстниками порядка и спокойствія.

Объявите твердое намѣреніе освободить постепенно крестьянъ — опредѣляя ежегодно извѣстную сумму изъ государственныхъ доходовъ, для выкупа ихъ по жребію или въ награду за хорошее поведеніе, по вѣрнымъ свидетельствамъ — мѣра, которая успокоитъ крестьянъ на долго, возбудитъ дѣятельность, дастъ силы для терпѣнія, утишитъ поднятые безъ толку толки, а исполниться она можетъ въ неопредѣленное время, хоть во сто лѣтъ, безъ малѣйшаго ущерба дворянству, по любовнымъ соглашеніямъ.

Дайте право пріобрѣтать землю, кому угодно, съ обязанными крестьянами, что вдругъ освободитъ ихъ множество.

Облегчите цензуру, подъ заглавіемъ любезной для Европы свободы книгопечатанія, которая, безъ всякаго ущерба власти, обогатитъ васъ нужными свѣденіями, на-

дѣлать разнообразными совѣтами, доставить полезные предлоги для будущихъ внѣшнихъ отношеній, и приведетъ въ движеніе Русскій умъ, упавшій почти до точки замерзанія. Вотъ вамъ содержаніе всемилостиваго манифеста еще небывалаго въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, который одушевитъ Россію и выиграетъ генеральное сраженіе въ Европѣ, не обнажая шпаги, однимъ почеркомъ пера.

Касательно внѣшнихъ отношеній объявите систему невмѣшательства: пусть всѣ народы идутъ свободно, кто какъ желаетъ, къ своимъ цѣлямъ. Покайтесь въ вашихъ ошибкахъ предъ всѣми, что примиритъ васъ съ Венгріей, Италіей и всею лѣвою стороною Европы.

Пригласите всѣ правительства покровительствовать національностямъ: и вы тѣмъ докажете безкорыстіе вашей новой политики и пріобрѣтете благодарность и любовь національностей, которыя будутъ видѣть въ васъ нравственныхъ покровителей, и опираясь на васъ будутъ предъявлять свои права.

А отъ исторіи не отказывайтесь: если Днѣпръ и Донъ текутъ въ Черное море, то поворотить ихъ въ другую сторону нельзя, и если судьба повлечетъ насъ въ Константинополь, то противъ рожна прати невозможно: пусть будетъ что угодно Богу!

Покойному Государю мудро было мѣнять чрезъ тридцать лѣтъ свою систему. Онъ скончался послѣднимъ самодержцемъ Европы, и скончался истинно по Царски, согласно съ своею ролею. Миръ его праху. Почтимъ его искупительной само-заклавшейся жертвой самодержавія. Его сыну предлежитъ новая эра въ Исторіи Рос-

сіи, въ Исторіи Европы, въ Исторіи человѣчества. И какой благопріятный случай предлагаетъ ему судьба при вѣнчаніи на Царство. Подними онъ съ достоинствомъ это знамя, не красное, а прекрасное, и Лудовикъ Бонапартъ, держащій теперь, что ни говорите, судьбу Европы въ своихъ рукахъ, поникнетъ невольно головою! Слышите —

Къ заутрени звонятъ, долой со сцены лицедеевъ, пойдѣмъ въ церковь молиться Богу. Воскресни Боже, суди земли.

XXIII.

Къ. О. И. Тютчеву.

(Января 21. 1856.)

Миръ упалъ къ намъ какъ снѣгъ на голову. Ни какъ не ожидали мы, да и едва ли въ Европѣ ожидалъ его кто нибудь такъ скоро. У меня, какъ у Оракула, спрашиваютъ объ немъ мнѣнія. Сообщаю вамъ мои впечатлѣнія, мои мысли, и прошу передать письмо общимъ нашимъ знакомымъ, которые слѣдили за курсомъ моихъ писемъ о настоящей войнѣ, а въ публику пускать его не надо. Въ первую минуту я обрадовался миру какъ нельзя болѣе, — обрадовался потому, что мои опасенія доходили до крайностей, и горизонтъ нашъ предъ моими глазами облагался со всѣхъ сторонъ самыми грозными тучами, сквозь которыя едва мерцалъ одинъ лучъ Сердце мое ныло и духъ томился, какъ поется въ пѣснѣ. Ни какъ не помышлялъ я, чтобъ враги дали намъ миръ на такихъ выгодныхъ для насъ, сравнительно съ обстоятельствами, условіяхъ. Война, казалось мнѣ по всѣмъ соображеніямъ, завязалась не на животъ, а на смерть. Успокоившись послѣ перваго пріятнаго впечатлѣнія, я началъ разсуждать.

Нѣтъ ли и теперь какого нибудь подвора: не хотятъ ли враги проманить насъ надеждой на миръ, чтобъ остановить наши приготовленія, и не допустить насъ до рѣшительныхъ мѣръ, точно какъ было то съ Вѣнской нотой и конференціями? Нѣтъ, — всѣ газеты провозглашаютъ торжественно миръ, и вездѣ въ Европѣ дѣла приняли новый оборотъ.

Что же могло быть причиною такого крутого переворота? Погадаемъ

Франція, Англія, истощились, и никакъ не могутъ продолжать войну?

О — въ такомъ случаѣ мы не захотѣли бы заключать мира, и изъ послѣднихъ силъ постарались бы потянуть войну, хоть на короткое время, чтобъ не только не оставить прежнихъ уступокъ, все-таки чувствительныхъ и не привычныхъ, но еще получить какое нибудь возмездіе и ступить хоть на два шага впередъ. Дипломаты наши, провинившіеся столько своею слѣпотой по въслѣднее время, не выдавшіе, что происходило предъ ихъ глазами — (союзъ Франціи и Англіи, расположеніе къ нимъ Австріи, перемѣну въ Турецкихъ дѣлахъ и проч.), вѣрно смотрѣли теперь въ оба глаза, и донесли объ этомъ положеніи противниковъ Правительству, которое, въ свою очередь, съумѣло бы имъ воспользоваться. Нѣтъ, враги могли еще продолжать войну! Невѣроятно, чтобъ невозможность вести обнаружилась у нихъ внезапно, чтобъ вчера они рвались на проломъ, а нынѣ вдругъ увидѣли, что у нихъ не осталось никакихъ средствъ, и они очутились какъ раки на мѣли!

Второе предположеніе: мы не могли продолжать войны, и должны были стараться о прекращеніи войны во что-бы то ни стало? *La paix à tout prix!*

И это предположеніе не выдерживаетъ критики.

Еслибъ было такъ, то враги, зная наше положеніе, можетъ быть, лучше насъ самихъ, никакъ не ограничились бы такими маловажными для нихъ условіями, которыхъ существенная польза достается Австріи, Германіи и Турціи, и налегли бы на насъ еще тяжелѣ, чтобъ ослабить болѣе и принудить къ уступкамъ позначительнѣе.

Нѣтъ — возможность продолжать войну, хотя и съ великими жертвами, есть, очевидно у обѣихъ сторонъ. Чтоже побудило ихъ заключить миръ?

Они достигли своей цѣли:

Русскій флотъ сожженъ, — но развѣ нельзя его выстроить вновь, купить, заказать?

Крѣпости разрушены, — но развѣ нельзя ихъ соорудить, починить, приготовить?

Турція сохранена, (убить боберъ!) — но развѣ не можемъ мы еще гораздо легче покорить Персію, и явиться вдругъ на границахъ Индіи и пріобрѣсти океанъ?

Трактатъ предотвращаетъ новую войну, но развѣ бывалъ когда нибудь недостатокъ въ предлогахъ нарушать миръ у тѣхъ Государей и народовъ, которымъ хотѣлось войны?

Покровительство Турецкихъ Христіанъ предоставлено всѣмъ Европейцамъ, — но развѣ могутъ Европейцы имъ покровительствовать, считая ихъ по своимъ догматамъ еретиками, достойными тѣмы кромѣшной? Политически

покровительствуѣ они, пожалуй, — намъ же лучше и легче, а по вѣрѣ православные — наши, пока впрочемъ не совратились ими съ пути истиннаго.

Вліяніе Русскихъ въ Константинополѣ уменьшено — вліяніе зависитъ отъ лицъ: чей министръ будетъ умнѣе и тверже, тотъ и возметъ всегда верхъ надъ прочими — Французскій, Англійскій или Русскій. И такъ чтоже выиграли Англичане и Французы?

Неужели для фразъ ведена была война? Неужели для фразъ истрачены милліарды, положены въ могилу тысячи и тысячи храбрыхъ, оставлялись всѣ внутреннія дѣла, предпринимались такіе труды, приносились такія жертвы? Достиженная цѣль соотвѣтствуетъ ли средствамъ? А они умны! Такъ отъ чегоже миръ?

Вѣрно случилось что нибудь ни думанное ни гаданное въ отношеніяхъ между собою Европейскихъ Государствъ, которое вдругъ переверотило все.

Ключъ положенія находился въ рукахъ Бонапарта, слѣдственно Бонапартъ повернулъ его къ миру.

Чтоже могло съ нимъ случиться? Не случилось, а видно таковъ былъ его первоначальный планъ, — о которомъ никто не имѣлъ свѣденія — привести дѣло именно въ это положеніе и заключить наконецъ союзъ съ Россією, т. е. исполнилось то, что я предполагалъ въ своемъ письмѣ къ Вамъ отъ 7. Апрѣля прошлаго года, вскорѣ по кончинѣ И. Николая. Повторю нѣсколько строкъ оттуда:

„Нельзя не предположить, нельзя не согласиться, что Бонапартъ уменъ и состояніе Европы, цѣну обстоятельствъ, видитъ яснѣе всѣхъ. А если онъ видитъ,

то и понимаетъ силу Россіи, испытанную дядюшкой, отвѣданную и племянничкомъ. Понимая же, онъ долженъ быть радъ союзу съ нею, который развяжетъ ему руки дѣйствовать и воевать тамъ, гдѣ война и вліяніе можетъ принести ему настоящую пользу, а не отвлеченную, какъ въ восточномъ вопросѣ.“

„Это естественныя причины союза, лежащія въ натурѣ вещей, но есть много случайныхъ, лежащихъ въ совокупности обстоятельствъ: помириться съ тѣнью дяди, которому онъ все-таки обязанъ скипетромъ, а дядя пророчески завѣщалъ ему ненависть къ Англіи.“

„Выйти изъ фальшиваго положенія, слишкомъ продолжительнаго, даже въ отношеніи къ своему народу, который можетъ когда нибудь образумиться и спросить: да за чтоже мы воюемъ? А если дѣло затянется подъ Севастополемъ или еще испортится хуже? Французы долго спокойны быть не могутъ. То и дѣло открываются заговоры во всѣхъ углахъ Франціи. Чего добраго, а въ одно прекрасное утро, не смотря на всю бдительность Г. г. Піетри и Персиньи, ему можетъ понадобится фіакръ, какъ Лудовику Филиппу, или въ Гамской квартирѣ опять отворятся двери, на что намекнулъ впрочемъ онъ и самъ тамошнему Консіержу, при посѣщеніи замка съ Императрицей. На союзъ, разумѣется, Наполеонъ согласится не даромъ; но условія его, сколько ихъ предвидѣть можемъ, никакъ не коснутся собственно Русскихъ выгодъ, ибо ему не надо ни Севастополя, ни Бессарабіи, владѣній въ Азіи Франція не имѣетъ, по Дунаю суда Французскія не плаваютъ, и до Славянъ нѣтъ никакого дѣла Францу-

замъ. Условія Бонапартовы могутъ касаться только до Западныхъ дѣлъ и отношеній; такъ что намъ до нихъ за дѣло? Пусть они вѣдаются, какъ хотятъ и знаютъ. Друзей у насъ тамъ нѣтъ, и обязанностей никакихъ. Тамъ у насъ только враги и предатели, о коихъ выгодахъ намъ заботиться не нужно. Мы можемъ предоставить ему западъ, а себѣ выговорить востокъ!“

„Это уже максимумъ требованій со стороны Наполеона, а можетъ быть, онъ спроситъ и меньше. Во всякомъ случаѣ есть виды поторговаться и выговорить какія нибудь выгоды или пощады Пруссіи за ея неполную вражду, и Неаполю, который поступалъ благороднѣе всѣхъ въ отношеніи къ намъ.

„Можетъ быть, даже Наполеонъ самъ предложитъ намъ союзъ. О — въ такомъ случаѣ положеніе наше будетъ еще гораздо легче. Обрадуясь внутренно союзу, мы спросимъ у него условій, и дѣломъ дипломатіи будетъ рѣшить, какія условія должно намъ отвергнуть, и какія принять, въ какихъ формахъ и въ какихъ выраженіяхъ.“

Вотъ, что я писалъ въ прошломъ году, вскорѣ по кончинѣ Императора Николая, и, кажется, это исполнилось, Слава Богу, теперь; кажется, Лудовикъ Наполеонъ сдѣлалъ предварительное соглашеніе съ Россіей и убѣдилъ ее согласиться снисходительно на предложенныя Австріей условія, чтобъ только развязать затянутый узелъ, и доставить воюющимъ и прочимъ державамъ полную свободу для будущихъ дѣйствій. О — въ такомъ случаѣ я радъ еще болѣе миру, который образумитъ нашу политику и откроетъ намъ ясно всѣ наши Европейскія отношенія въ допол-

неніе къ полученнымъ урокамъ и перенесеннымъ опытамъ, и опредѣлитъ образъ нашихъ дѣйствій къ существенной пользѣ, а не отвлеченной.

О — въ такомъ случаѣ я радъ еще болѣе миру, который дастъ намъ досугъ заняться внутреннимъ устройствомъ, что и приводитъ причиною нашей уступчивости самъ Графъ Нессельродъ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ агентамъ.

А что скажутъ Англія и Австрія? Безъ сомнѣнія, это громовый ударъ для Англіи, котораго она не ожидала. И если Наполеонъ не получитъ апоплектического, подобно И. Павлу, то, плохо ей, и ништо!

А Австрія? Объ Австріи въ продолженіе двадцати лѣтъ я писалъ столько, что могу теперь и смолчать; кажется, она достала послѣдніе свои каштаны. Англія и Австрія будутъ стараться подъ рукою мѣшать миру, или по крайней мѣрѣ портить его, но безъ содѣйствія Франціи имъ нечего дѣлать, и *ils feront la bonne mine au mauvais jeu*.

Среди этихъ радостныхъ ощущеній я былъ смущенъ только нѣсколько Московскимъ слухомъ объ уступкѣ Измаила, огражденнаго, казалось, на всегда тѣнію Суворова, и объ отдачѣ Болгарскихъ колоній въ Бессарабіи. Болгаре бѣжали къ намъ въ 1829 и 1830 годахъ отъ мучительства Турецкаго; безпримѣрнымъ своимъ трудолюбіемъ и дѣятельностію, въ продолженіе 30 лѣтъ, привели они свои поселенія въ цвѣтущее состояніе, и, разумѣется, согласятся скорѣе умереть, чѣмъ возвращаться подъ ненавистное иго. И какое впечатлѣніе произвело бы въ остальныхъ Турецкихъ Болгарахъ, — (а ихъ семь

милліоновъ, подобная награда страдальцевъ за всѣ принесенныя ими жертвы? Смѣю думать, что Московскій слухъ не имѣетъ никакого основанія, и общая радость о мирѣ не должна смущаться никакими, слишкомъ тягостными опасеніями.

Предадимся съ довѣренностію нашему любезному Царю, которому Богъ помогъ вывести насъ изъ затруднительнѣйшаго положенія такъ скоро и легко! Заря занялась уже во многихъ внутреннихъ распоряженіяхъ, кои для насъ всего важнѣе и дороже. Мы дышемъ свободнѣе. Литература оживилась, университеты открыты. Многіе умные и достойные люди явились на поприщѣ дѣйствій...

Укрѣпи Его, Господи, во всѣхъ благихъ Его намѣреніяхъ и посылай Ему достойныхъ сотрудниковъ и помощниковъ болѣе и болѣе.

XXIV.

(1856. Мая 8.)

Я прочелъ трактатъ, и вотъ впечатлѣнія имъ во мнѣ произведенныя: Турція не существуетъ болѣе въ Европѣ, она раздѣлена, и оставляется только на время въ газетахъ, пока не окажется возможности договаривающимся державамъ привести въ исполненіе между-строчныя условія и вступить во владѣніе якобы благопріобрѣтеннымъ имуществомъ.

Кто же новые владѣтели?

Объ нихъ можно только догадываться:

Франція и Россія.

Франція, Россія и Англія.

Франція, Россія Англія и Австрія.

Франція и Англія.

Франція, Англія и Австрія.

Каждая изъ этихъ возможностей имѣетъ за себя и противъ себя различныя соображенія.

Разберемъ ихъ одну за другою.

Турцію раздѣлили Франція и Россія, потому что онѣ сильнѣе прочихъ государствъ, и могутъ удержать свою добычу не смотря ни на какія сопротивленія. Раздѣлить вдвоемъ удобнѣе и выгоднѣе, нежели втроемъ или

четверомъ, и Бонапартъ умнѣе всѣхъ. (Случай описанный въ шестомъ и подробнѣе въ XVIII. письмѣ).

Франція и Россія могутъ удержать свою добычу, сказалъ я, но все-таки удержаніе будетъ имъ стоить великихъ усилій и жертвъ, при сопротивленіи Англіи, Австріи и слѣдовательно Германіи, и конца войнѣ, враждѣ, невидать. Такое тревожное владѣніе неслишкомъ привлекательно, и третій выдѣлокъ изъ Турецкихъ обширныхъ владѣній лучше ихъ всѣхъ обезпечить: слѣдовательно вторая возможность — съ Англіей, сильной своими флотами, капиталами и связями, вѣроятнѣе первой.

Приобщеніе Англіи можетъ быть временное, если Бонапартъ питаетъ корсиканскую вендетту, а кто же его знаетъ! Война съ Англіей можетъ быть начата имъ когда нибудь и по раздѣленіи Турціи, съ полною надеждою на успѣхъ при содѣйствіи Россіи, и, пожалуй, Америки.

А Австрія? Можетъ быть получила что нибудь изъ милости на первыхъ порахъ, а вѣроятнѣе отстранена, ибо дѣйствія въ Италіи показываютъ, что союзники къ ней не расположены, и сочувствія она не имѣетъ нигдѣ. слѣдовательно четвертая возможность имѣетъ менѣе всего въ свою пользу.

А что имѣетъ за себя пятая возможность, то есть раздѣленіе Турціи между Франціей и Англіей?

Проницательность Англійскаго правительства, которое безъ сомнѣнія видѣло свои опасности, и не могло начать войны, не могло предложить Наполеону такое дѣятельное содѣйствіе, не застраховавшись вполнѣ на всѣ возможные случаи. Можетъ быть они сковались между собою, и

Англія, закоренѣлый врагъ и соперникъ Россіи, вспоможенъ духомъ Запада, увлекаетъ Наполеона съ собою, не смотря на естественныя выгоды союза его съ Россіей.

Какъ бы то ни было, пѣса еще не вся: опустился занавѣсъ по окончаніи только одного дѣйствія. Игра не прекратилась, а игроки послѣ партіи обмѣнялись между собой мѣстами, и разсѣлись иначе, ожидая новой вздачи. Вопросъ восточный не рѣшенъ: продолженіе впредь!

Настоящій миръ есть миръ во всякомъ случаѣ временный, вслѣдствіе истощенія средствъ у воюющихъ державъ, по обороту общественнаго мнѣнія, или по другимъ внутреннимъ обстоятельствамъ и признакамъ, коихъ мы, посторонніе наблюдатели, ни замѣтить, ни оцѣнить не можемъ.

Правительство и общество, всѣ мы пресыщаемся мыслию о союзѣ съ Франціей, союзѣ естественномъ и выгодномъ, но благоразуміе велитъ намъ смотрѣть въ оба глаза, и стоять бдительно на стражѣ потому что на карту положится много, очень много, и вопросъ: быть или не быть (см. письмо XII), остается во всей своей силѣ, хотя разумѣется съ бѣльшею надеждой на спасеніе.

Но неслишкомъ ли мудрены всѣ эти предположенія? Не заходитъ ли здѣсь умъ за разумъ? Не простѣе ли происходятъ дѣла? Всѣ устали, а цѣль войны Англіей и Австріей достигнута: флотъ Русскій истребленъ, крѣпости уничтожены, границы отодвинуты отъ Славянъ и даже Дуная, вліяніе Русское на востокѣ потрясено, наконецъ офиціальныя соглядатаи консулы разсыпаны повсюду. Довольно пока, а впередъ что Богъ дастъ то и будетъ. *Après nous le déluge!*

Нѣтъ — этого не можетъ быть: тысячи людей и миллиарды денегъ не можетъ быть, чтобъ были положены Франціей для одной славы, для препровожденія времени, въ угоду Англіи и Австріи. Игра не стоила для нея свѣчь! Что нибудь да кроется другое, къ чему и должны мы быть готовы.

Обратимся теперь къ настоящему трактату.

Настоящій трактатъ, безъ тайныхъ соглашеній, между кѣмъ бы то ни было, не имѣетъ никакого смысла, и заключаетъ въ себѣ для Россіи непремѣнное побужденіе къ войнѣ.

Трактатомъ закрывается входъ въ Черное море военнымъ судамъ. Да объ этомъ и говорить было нечего: въ мирное время какая нужда военнымъ судамъ ходить по Черному морю! Военныя суда опасны въ военное время, а въ военное время можетъ всегда пустить ихъ Турція, какъ это теперь и случилось, — и тогда чѣмъ же вы прикажете Россіи защищать свои берега, безъ флота, безъ крѣпостей, безъ арсеналовъ?

Турціи она можетъ не опасаться, но кто же поручится за морскія державы, чтобъ онѣ не повторили когда нибудь нападенія по тѣмъ или другимъ причинамъ? Есть ли тутъ человѣческій, не только политическій смыслъ? Береговъ своихъ Россія, ни какое другое государство, открывать не можетъ, принимать мѣры для своей обороны по народному праву и по естественному инстинкту самохраненія должно, и по отношеніямъ къ своему народу обязано. Какое государство во всей исторіи налагало на себя руку? Укрѣпляетъ же Англія свои берега, не смотря на *entente cordia*

ле съ Франціей. Мы должны разрушить у себя Севастополь, а они могутъ утвердаться въ Гибралтарѣ, Мальтѣ и Корфу. Мы не смѣй строить судовъ, а Австрія основываетъ флотъ „для предстоящей борьбы на востокѣ!“

Если Россія согласилась на противоположную мѣру, то развѣ только временно, по соглашенію съ Франціей, или безъ соглашенія, по невозможности продолжать войну.

Возвращаемся къ трактату. Россія и Турція обязаны имѣть по шести военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, а если Турецкіе корабли уведетъ какой нибудь новый капитанъ — паша въ Александрійскую гавань, на поклонъ Египетскому пашѣ, или сожжетъ по неосторожности, сгноитъ по небреженію, тогда что дѣлать Россіи? Не должна ли она будетъ уничтожить свои суда, иначе съ шестью пароходами она будетъ опасна для Турціи, такъ же какъ прежде съ неограниченнымъ своимъ флотомъ.

Хорошо. Турція безопасна со стороны Россіи, а со стороны Западныхъ державъ, со стороны даже Египта, Греціи, Ионическихъ острововъ? Всѣ они могутъ дѣлать съ Турціей, что вздумается, имѣя флоты, которымъ противопоставить нечего.

Если Турція можетъ имѣть флотъ на Средиземномъ морѣ, или въ Египтѣ, то она опасна для Россіи.

Если не можетъ имѣть тамъ ничего больше, то, обезпеченная со стороны Россіи, она будетъ отдана на произволъ любой морской державы. По какому же это праву, если ея самостоятельность составляетъ главную задачу и главное условіе всей Европейской политики.

Турція предохранена со стороны Россіи, но почему же приносятся Россіи въ жертву Швеція, Данія и Пруссія, на кои всегда она нападать можетъ, имѣя неограниченное число кораблей на Балтійскомъ морѣ?

Католики и протестанты, принявшіе на себя покровительство, и отстраняющіе до сихъ поръ Россію отъ участія въ устроеніи судьбы Турецкихъ христіанъ, (равно какъ и въ устроеніи княжествъ), считаютъ ихъ исповѣданіе ересью и ненавидятъ сильнѣе ислама. Спрашивается какимъ образомъ они могутъ покровительствовать православію?

Съ какой стороны вы ни посмотрите на трактатъ, со стороны науки или стороны политики, онъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, и надо удивляться какъ Европейскіе Министры, въ 19мъ столѣтіи, могли подписать такую бессмысленную бумагу, передъ глазами Исторіи, и даже орлинымъ перомъ.

На этомъ мѣстѣ моего письма застало меня извѣстіе о сепаратномъ мирѣ между Англіею, Франціей и Австріей, въ обезпеченіе цѣлости Оттоманской Имперіи, противъ возможныхъ покушеній Россіи.

Это что за событіе? Кто кого обманываетъ? Насъ или мы? Былъ ли этотъ трактатъ нечаянностію для нашей дипломатіи, или она была предупреждена первоначально о трактатѣ, какъ о средствѣ успокоительномъ на время для Англіи, Австріи и Турціи? Не вѣруется, чтобъ попали въ просакъ Англичане, а не мы. Воровство искони у нихъ, простота за нами.

Между тѣмъ Англійскіе и Французскіе консулы, согласные между собою, возбуждаютъ вездѣ христіанъ, о чемъ я имѣю даже подлинныя письма изъ Болгаріи, кромѣ газетъ, — значитъ они хотятъ овладѣть Турціей, въ отношеніи къ чему мы должны принимать не теряя минуты свои мѣры.

Во всякомъ случаѣ это, по моему мнѣнію, благодѣяніе Русскаго Бога, и вотъ въ чемъ именно состоятъ великія Его новоявленные милости:

1. Священный союзъ, столько для Россіи пагубный, уничтоженъ, и уничтоженъ не ею, а самою Австріей.

2. Мы получили торжественное, осязательное и ясное удостовѣреніе, что друзей Россія въ Европѣ не имѣетъ, и полагаться ни на кого не должна, кромѣ единоплеменныхъ Славянъ и единовѣрныхъ Грековъ.

Наконецъ 3, мы избавляемся отъ унижительной все-таки опеки Наполеона, котораго соблазнительное рожденіе 2го Декабря съ прочими романическими и мелодраматическими похождениями, не слишкомъ возвышаетъ честь ему сопутствовать и раздѣлять его судьбу, хотъ и со звѣздою Наполеона, которому вѣрить страшно. *Timeo Danaos etque dona ferentes!*

А вотъ выгоды, кои можемъ мы извлечь и изъ главнаго трактата:

Мы можемъ принимать живое и дѣятельное участіе въ судьбахъ Славянъ въ Турціи, къ которымъ боялся прикоснуться покойный Графъ Нессельродъ со всѣми своими раболѣпными агентами, чтобъ не возбудить подозрѣній. Мы можемъ по преимуществу, если сами Французы

и Англичане дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ, а наше участіе всегда будетъ имѣть болѣе довѣренности и болѣе значенія!

Польша обойдена Европейскими державами вовсе, какъ будто бы ея не существовало, и слѣдственно поданъ Русскому правительству прекрасный случай сблизиться съ нею и примириться.

Мы можемъ разослать также вездѣ консуловъ, между Славянами, на востокъ, въ Турціи, Персіи, даже въ Индіи, консуловъ дѣльныхъ, знакомыхъ съ языками, которые способны были бы высматривать всѣ обстоятельства, вступаться во всѣ дѣла, устраивать всякія связи.

Мы имѣемъ время примириться съ умѣренною и лѣвою стороною Европы посредствомъ свободныхъ мѣръ и сообщенія свѣденій о нашемъ бытѣ.

Вотъ польза мира, въ дополненіе къ урокамъ войны о необходимости образованія и несостоятельности всей нашей прежней политики.

Слѣдовательно образъ нашихъ дѣйствій теперь опредѣленъ, соединились ли мы съ Франціей, или остались одни.

Съ Франціей Россіи легче, выгоднѣе.

Одною Россіи — честиѣе, чище, хоть труднѣе и опаснѣе.

Мы заключили новый Тильзитскій миръ, и должны помнить во всякомъ случаѣ, что Ерфуртская дружба кончилась нашествіемъ двадесяти языкъ. Какъ Парижскій трактатъ постыднѣе и тягостнѣе Тильзитскаго, такъ и новаго нападенія (если то будетъ) должно ожидать гораздо сложнѣе, грознѣе и обдуманнѣе: всѣ происшествія выйдутъ теперь, какъ будто вторымъ изданіемъ, *seconde*

edition, revue, corrigée et augmentée. Севастопольская экспедиція должна служить образчикомъ, чего и въ какомъ видѣ слѣдуетъ ожидать намъ впереди.

Какъ бы то ни было, медлить нечего, а надо приниматься тотчасъ за дѣло. Самое время спѣшить, въ одинъ годъ происходитъ то, на что недоставало прежде ста лѣтъ, и постепенными улучшеніями довольствоваться нельзя. На ловлю ѣхать, собакъ кормить поздно. Пожалуютъ вдругъ гости, такъ не успѣешь раскинуть лагерь даже при Дриссѣ. Надо вдругъ приниматься за все: за дороги, желѣзныя и каменные, за оружейныя, пушечныя и пороховыя заводы, за медицинскіе факультеты и госпитали, за кадетскіе корпуса и училище мореплаванія, за гимназіи и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьянъ, чиновниковъ, дворянъ, духовенство, за воспитаніе высшаго сословія, да и прочія не лучше, за взятки, роскошь, пенсіи, аренды, за деньги, за финансы за все, за все.

Выбирай всякій занятіе по силамъ и способностямъ, не прячься съ талантами въ уголь, а выступай впередъ предлагая свои услуги, жертвуя своимъ самолюбіемъ. Еще игуменою у кого прострижено, не оставайся безъ дѣла, склавши руки.

Конституція намъ ненужна, а дѣльная, просвѣщенная, диктаторская власть необходима. Зло пустило у насъ такой корень, что безъ хирургической операціи подъ часъ ничего не сдѣлаешь. Всѣ мѣста обросли какимъ-то дикимъ мясомъ формъ, привычекъ, незаконно — законныхъ доходовъ, преданій гнусныхъ, освященныхъ давностію, даже въ глазахъ порядочныхъ людей.

Надо признаться во всѣхъ своихъ недостаткахъ, ошибкахъ, промахахъ, и воспользоваться полученными тяжелыми уроками; надо оплакать униженіе, до котораго дошли, и напярчь всѣ свои силы чтобъ снова возстать.

Но гдѣ взять людей? обыкновенная пустая отговорка! Нелюди не находятъ людей, а человѣкъ всегда найдетъ человѣка. Придворный персоналъ, переизвѣстный и переиспытанный, заматорѣвшій въ лѣтахъ зрѣлыхъ, не можетъ разумѣется доставить дѣятелей на всѣ мѣста. Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Но изъ семидесяти милліоновъ молодаго, свѣжаго, даровитаго народа найдется на всякое мѣсто по благопотребному мастеру и съ подмастерьями. Кликните кличь!

Въ другомъ письмѣ я писалъ о средствахъ отысканія людей. Здѣсь скажу только, или, лучше, повторю, что гласность, гласность, и гласность, образованіе, образованіе, и образованіе дѣльное, существенное, а не форменное, парадное, отвлеченное, представляютъ два главныхъ существенныхъ средства управиться намъ сперва съ врагами внутренними а потомъ внѣшними, и вообще два главныхъ средства для преуспѣянія гражданскаго и человѣческаго.

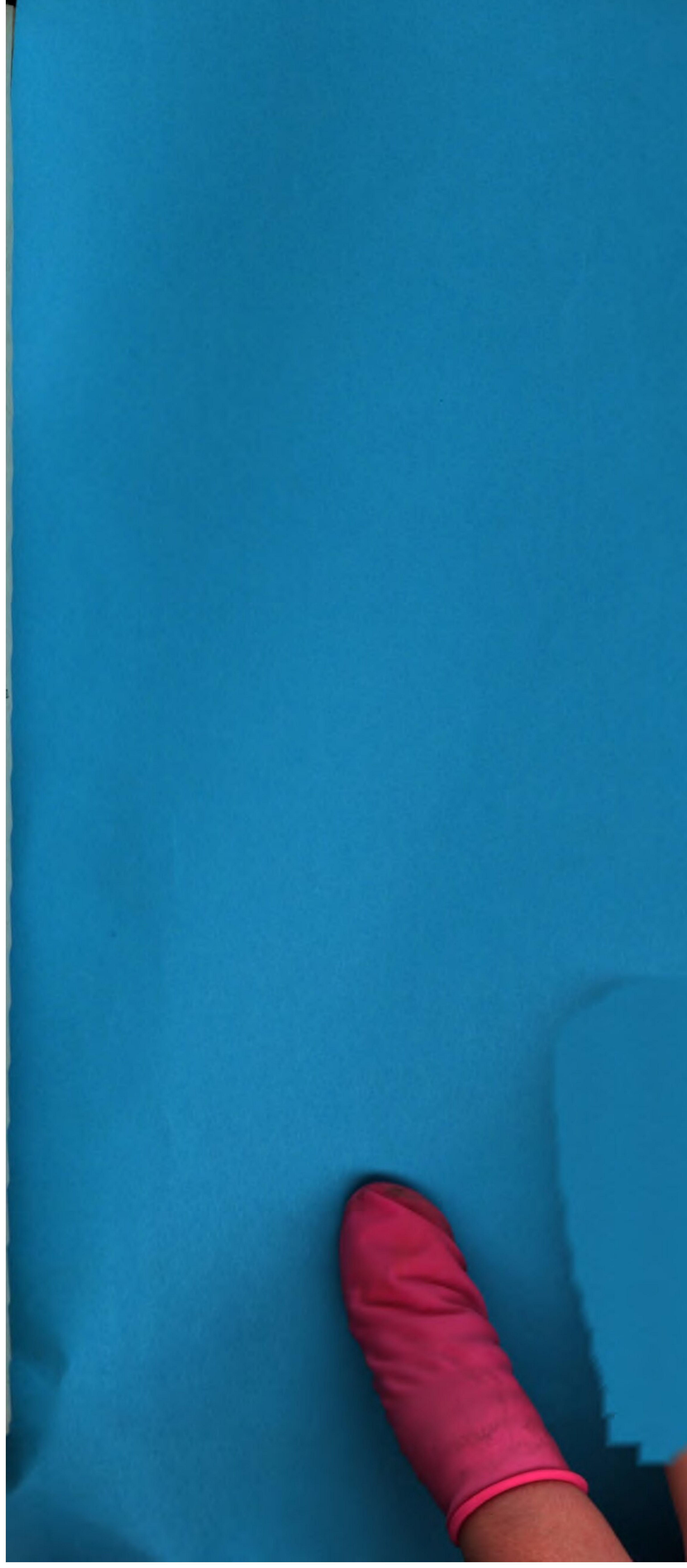
Первое лице въ Европѣ — это Лудовикъ Бонапартъ. Онъ уменъ, смѣлъ, и счастливъ — въ этомъ надо согласиться. Но онъ не пользуется уваженіемъ ни у себя дома, ни за границею. Правительства смотрятъ на него съ подозрѣніемъ, а народы не питаютъ довѣренности къ благородству его сердечныхъ убѣжденій. Русскій Государь, умѣючи, можетъ привлечь себѣ общественное мнѣніе, и самый могущественный союзникъ для него — законная сво-

бода, законному порядку измѣнившу, (см. письмо XXII). Имѣя на своей сторонѣ этого союзника, мы приготовимся встрѣтить грозящую бѣду, и съ высшею помощію опять воскликнемъ, какъ восклицали отцы наши послѣ нашествія 1812 года: Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса!

Мая 8. 1856.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера & Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

Prof. 185

Въ законномъ порядкѣ изданный, въ 1813 году, въ Лейпцигѣ, въ типографіи Бера & Германна. Druck von Bär & Hermann.

Лейпцигъ, Leipzig,
въ типографіи Бера & Германна. Druck von Bär & Hermann.

Въ законномъ порядкѣ изданный, въ 1813 году, въ Лейпцигѣ, въ типографіи Бера & Германна. Druck von Bär & Hermann.

Pogodin, Michail Petrovič,

Pisma i stat'i O politikje Rossii w otnošenii slawjanskich narodow i
Zapadnj Ewropy

Bd.: 3

Paris (1861)

Russ. 143 c-4,1/5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783396-7